

Элеонора Лайт

РОЖДЕННАЯ
НЕБОМ

ТРИ СЕСТРЫ

Никто не знает, где и когда она появилась на свет. Никто не мог понять, почему она — Дар богов. Никому не было известно, почему ей суждено было стать приёмной сестрой в семье, где уже было две девочки. И никто не догадывался, как сильно любил её друг детства и ненавидели Владыки Тьмы. Но она очень нужна миру Элайи. Потому что она — Богиня, призванная спасти этот мир.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ МИРА И НАРОДОВ ЭЛАЙИ

(для предварительного ознакомления с местом действия героев романа "Рождённая Небом" и о самих героях)

Общая характеристика.

Элайя (Люция) — некий фантастический (?) мир, находящийся на 4-й по счёту планете в системе звезды Сириус А. Во "Вступлении" описывается современное состояние этого мира, много тысячелетий спустя после процесса Великой Трансформации, а в основной части повествования — древнейшие времена, предшествовавшие этому глобальному событию. Согласно авторским описаниям, древний мир Элайи сильно напоминал нашу Землю, хотя были и некоторые различия (например, размеры планеты приблизительно на 12 процентов больше земных, примерное соотношение суши и океанов составляло 1 к 3, и др.) Климат несколько теплее и мягче земного, так как атмосфера планеты немного толще и плотнее, однако полюса покрыты ледяными шапками, также ледники имеются высоко в горах).

Опишем нашу загадочную планету такой, какой она, согласно нашему сюжету, была несколько десятков тысяч (не уточняем, сколько...) земных лет тому назад, до Великой Трансформации, являясь одним из обитаемых материальных миров нашей Галактики.

Вращение планеты вокруг своей оси происходит в противоположную сторону, чем вращается наша Земля, поэтому солнце восходит на западе и садится на востоке; один из спутников планеты при этом движется с юго-запада на северо-восток, а второй — с востока на запад. Продолжительность суток на Элайе составляет 24 местных часа или приблизительно 28 земных часов (1 час длится, по местному счислению, 70 минут, каждая из которых равняется 70 мигам, приблизительно равным 1 секунде). Год состоит из 16 триад (периодов в 30 дней, состоящих из трёх декад). В отдалённых от экватора областях год делится на 4 сезона (осенний, зимний, весенний и летний) и 4 межсезонных периода продолжительностью в 1 триаду каждый. Если быть точнее, продолжительность одного года в описываемом мире составляет 486 суток. Имеется также магнитное поле, примерно в полтора раза мощнее земного.

Кроме того, планета Люция имеет два спутника под названиями Энталия и Ацера. Первый из них — примерно в 1,4 раза больше нашей Луны, расположен несколько дальше от своей планеты, чем Луна от Земли, но иногда во время полнолуний приближается к ней на довольно близкое расстояние, отчего выглядит очень большой. Светится серебристо-молочно-белым светом. Второй спутник (Ацера) — имеет красноватый оттенок (примерно как Марс), по величине немного меньше нашей Луны, но расположена ближе и поэтому с поверхности планеты выглядит несколько больше. Интересен цикл движения этих спутников: в весенний период в ночном небе видна только Энталия, а Ацера восходит в утренние часы, когда заходит Энталия, и бывает видна днём, а осенью — наоборот, в то время как в зимний и летний сезоны ночью часто (примерно один раз в десять ночей) бывают видны оба спутника.

Континенты Элайи.

Согласно данной версии, в древнем мире Элайи было 7 континентов. Вот их перечень по мере убывания по величине:

Гинвандия — самый крупный из материков Элайи, пересекающий экватор и расположенный, по большей части, в южном полушарии. Имеет значительную протяжённость с севера на юг и в южной части — с запада на восток, а также мало тронутую цивилизацией дикую природу. Большую часть населения составляют, по описаниям учёных путешественников, "нецивилизованные" или "малоцивилизованные" синекотные терангва, представители химерной расы драконид, живущие родоплеменным строем и селившиеся в пещерах, и уцелевшие беженцы из Клирии, образовавшие в тесном союзе с драконидами королевство Эйладор в гористой юго-восточной части материка. В западной части континента также распространены многочисленные поселения тенгинцев, находившихся в дружественных отношениях с коренными жителями.

Эллиора — большой (второй по величине) континент Элайи, на котором происходит основная часть описанных событий. Расположен в северном полушарии, соотносясь с Гинвандией приблизительно как наша Евразия с Океанией, представленной множеством мелких островов. Имеет большую протяжённость с юго-запада на северо-восток и богатое разнообразие природно-климатических условий. Является самым гористым континентом, однако имеет также обширные долины и низины с плодородными почвами либо болотами. Населена, главным образом, светлокожими людьми эллиорской расы (включая северную, западную и восточную подрасы) тенгинской на юго-востоке (потомки выходцев из Тенгина, образовавшими юго-восточные королевства). Кроме того, изредка здесь встречаются светлокожие представители клирианской расы, имеющей южное происхождение. На южных и юго-восточных побережьях и островах также живут потомки тенгинцев и представители расы морра.

Менанторра — третий по величине континент, расположенный в Северном полушарии западнее Эллиоры, по другую сторону Среднего океана. Считается самым лесистым материком с самыми дикими и суровыми горными странами, самыми высокими в мире водопадами и самыми сильными ветрами. Населён неравномерно, в основном вдоль побережий и в плодородных долинах рек — выходцами из Эллиоры и Сакриды на западе и из Тенгина — на востоке. Центральные части материка населены, в основном, народами под названием элтерра — коренными жителями, похожими на терангва, однако их кожа имеет зеленовато-бронзовый оттенок. Они несколько выше ростом, чем все остальные жители Элайи, и живут очень своеобразными сообществами в природных пещерах или искусственно выстроенных лабиринтах, строя там подобие благоустроенных городов. Колонизация центральных территорий Менанторры выходцами или ссыльными с различных континентов, а также захватнически настроенными геспиронцами оказалась невозможной не столько из-за суровых и непредсказуемых природных условий, сколько из-за организованного сопротивления коренных жителей, "внезапно выраставших прямо из-под почвы под ногами и разящих без промаха из смертоносных электрических пушек".

Клирия — самый южный из материков, по величине составляющий приблизительно четыре пятых площади территории Менанторры. Расположен преимущественно в умеренном поясе Южного полушария, в самой северной части — в субтропическом, в южной — субполярном. В предшествующую описываемым временам эпоху на Клирии существовала и развивалась цивилизация светлокожих, голубоглазых и золотисто-пепельноволосых представителей клирианской расы. Затем, после захвата Клирии "Императорами Зла" и их войсками, прибывшими с одинокой планеты приблизившейся блуждающей звезды, геноцида и жестокого порабощения большей части клирианцев (остальные, кто мог сбежали на другие

материки и острова), произошёл грандиозный природный катаклизм, в результате которого Клирия целиком ушла под воду. Затем, через некоторое время, она поднялась из океана снова, изменив свои очертания и став немного меньше, чем была до этого. Таким образом, в описываемую эпоху данный материк был не заселён людьми, а растительность и животный мир находились в процессе медленного восстановления.

Тенгин — небольшой материк (несколько меньше Клирии), расположенный преимущественно в поясах субтропиков, тропиков и экваториальной области Северного и частично Южного полушарий восточнее Эллиоры. Имеет вытянутую с севера на юг форму (имея наибольшую ширину в северной части) и своей формой как бы "обнимает" юго-восток Эллиоры, а восточная часть образует выступ, приближаясь к северо-западному побережью Гинвандии. К северу, западу и юго-западу от материка расположены многочисленные острова вулканической природы. Климат в гористой северной части материка довольно засушливый, но южнее более влажный и жаркий, отчего на материке широко распространены леса с самыми высокими и могучими в мире деревьями. Населён преимущественно черноволосыми и темноглазыми представителями светлокожей (с лёгким золотисто-бронзовым оттенком) тенгинской расы, образовавшими около четырёхсот лет назад федерацию под названием Тенгинский Дариат. Жители Дариата и их соседи на юго-востоке Эллиоры исповедуют религию, отдалённо похожую на зороастризм и частично — на индуизм. В южной же части материка и на островах проживают бронзовокожие морра, образовавшие несколько небольших республик или вообще живших негосударственным строем. Выходцы из Тенгина населяют так же весь юго-восток и юг Эллиоры, образуя несколько крупных, средних и мелких государств.

Сакрида — небольшой (на одну шестую часть меньше Тенгина) и жаркий континент, расположенный к югу от Эллиоры. Северную часть территории Сакриды занимают тропические степи, полупустыни и пустыни, а в долинах рек — тропические болотистые заросли кустарников, тростников и невысоких двуствольных деревьев. Южнее распространены девственные экваториальные леса с обилием ядовитых растений и болотистые низины с жарким, влажным и нездоровым климатом, в которых водятся опасные гады. Горных хребтов немного, самые высокие горы расположены на юго-западе. Также в северо-западной своей части имеет большой полуостров Силлехра с сухим климатом, разделённый с эллиорским побережьем узким проливом. Через этот пролив выстроен Великий Мост, через который проходили торговые караваны и боевая помощь. Население составляют, главным образом, южане с тёмно-бронзовой кожей, несколько темнее морра, исповедующими религию, похожую на языческие культы древнего Египта и Вавилона. Рабовладельческий строй, однако, отсутствовал, несмотря на многочисленные попытки геспиронских Императоров(живших в одних и тех же человеческих телах неестественно долго и в своё время перебравшихся туда с затопленной Клирии) навязать и привить его в Сакриде и западных Королевствах Эллиоры. Сакридцы во все времена славились знаниями точных наук, танцами, магией и рукоделием. Кроме того, Сакрида является родиной изысканных сладостей и самых острых в мире специй.

Хеттария — самый маленький (по площади на четверть меньше Сакриды) материк в самой северной точке Элайи, расположенный ближе к северной оконечности Менанторры и покрытый нетающими льдами. Постоянного населения нет, однако встречаются временные стоянки добытчиков полезных ископаемых и съедобных даров моря.

Геспирон — самый большой на планете остров (по площади на одну восьмую часть

больше нашей Гренландии), расположенный западнее материка Эллиора и восточнее материка Менанторра в Среднем океане. Климат преимущественно умеренный, в северной части — субполярный. Коренное население составляют представители химерной расы разумных существ, называемых Геспиронскими ВОронами (похожих на гарпий из античной мифологии, но с человеческими торсами, руками и ногами). Однако островом правят вовсе не его коренные жители, а Тёмные существа в человеческих телах, являющиеся потомками некогда прибывших в мир Элайи обитателей блуждающей оранжевой звезды (а до этого попавшие на последнюю, спасаясь от гибели во время катастрофы на звездоспутнике Небесного Ока, прозванном Звездой Гнева). Чтобы выжить и не стать рабами, как клирианцы, геспиронские «вороны» вступили с захватчиками в тесный союз и составили значительную часть их воинства.

Расы разумных существ мира Элайи.

Разумные существа мира Элайи включают как собственно людей, так и химерных созданий, похожих на людей, но имеющих также черты представителей других форм. Среди тех и других встречаются мужчины, женщины и двуполые существа (последних, однако, среди элайцев значительно меньше, чем мужчин и женщин). Средний рост большинства населения Элайи составляет 170 — 180 см (женщины немного ниже мужчин, а гермафродиты — несколько выше), хотя бывают исключения (например, элтерра, средний рост которых 190 — 200 см, и терангва — 180 — 190 см).

Человеческие расы:

эллиорская — раса светлокожих людей, включающая три подрасы: северную (имеют очень светлую кожу с голубоватым оттенком, светло-серые или серо-голубые глаза и светлые волосы), западную (золотистоглазые или зеленоглазые, с волосами тёмно-соломенных, золотистых или рыжеватых оттенков, также часто встречаются шатены и огнено-рыжие) и восточную (сероглазые или голубоглазые, реже с глазами карего или золотисто-зелёного цвета, с несколько более смугловатой кожей и чаще всего тёмными волосами, вплоть до брюнетов). Обладают очень выразительным взглядом, глаза большие, но не слишком, и почти не раскосые (хотя бывают и исключения).

тенгинская — раса людей, похожих внешне на эллиорцев, но имеющих несколько более смуглый цвет кожи, тёмно-карие глаза и чёрный (иногда чуть светлее чёрного) цвет волос. Многие из представителей тенгинской расы очень привлекательны внешне, с блестящими пронизательными глазами и чувственными ртами. Глаза немного более раскосые, а носы чуть шире, чем у эллиорцев, но уже, чем у морра. Лица не уплощённые. Некоторые исследователи считают, что такой расы не существует вообще, а тенгинцы являются дальними потомками от смешанных браков между эллиорцами и морра (так же как, по их мнению, восточные эллиорцы появились как результат смешанных браков между северными и западными эллиорцами и тенгинцами).

клирианская — раса людей с очень светлой кожей, но без голубоватого оттенка, как у северных эллиорцев, и преимущественно светлыми золотисто-пепельными либо почти белыми волосами, отливающими серебром. Клирианцы — обладатели очень больших выразительных глаз, слегка удлинённых и немного более раскосых, чем у эллиорцев, изящных черт лица, маленьких ушей, ртов и носов, и тонких длинных пальцев. Считаются самыми красивыми из людей мира Элайи. После катастрофы, произошедшей на материке Клирия, осталось лишь около шестисот тысяч представителей этой расы, рассеянных по всему миру, не считая Королевства Эйладор, насчитывавшего ещё около двух с небольшим

миллионов клирианцев (об этом Королевстве, судя по всему, многие учёные путешественники ещё не знали). К этой замечательной расе, по авторскому замыслу, принадлежала главная героиня повествования — Аула Ора.

морра — люди с тёмно-бронзовым цветом кожи, средне-пухлыми губами, широковатыми носами, чёрными волосами и раскосыми глазами средней величины. Лица слегка уплощённые, с сильными подбородками и выступающими скулами. Волосы длинные, волнистые, чёрного цвета. Живут в тропических и экваториальных странах на юге Эллиоры, Тенгина и островах.

сакридская — раса бронзовокожих людей (несколько светлее, чем морра) с большими (как у клирианцев), очень большими и выражено раскосыми глазами (чёрными или тёмно-карими), прямыми или волнистыми чёрными волосами и мелкими чертами лица, живущих на материке Сакрида и прилегающих к нему островах.

терангва — раса людей с синевато-бронзовым оттенком кожи, большими, удлинёнными, сильно раскосыми глазами, широкими носами и очень длинными волосами чёрного цвета. Стройные, гибкие и расторопные существа, прекрасные тактики, умеющие заметить атаку по самым неприметным следам и проявлениям, и поэтому Императорам Зла до сих пор ещё не удавалось завоевать их территории. Коренные жители материка Гинвандия.

элтерра — раса людей, схожая с терангва, однако выше ростом (в среднем 190 — 200 см), с зеленовато-бронзовым оттенком кожи и глазами несколько меньшего размера. Так же как и терангва, являются главным препятствием для завоеваний их территории (материка Менанторры), причем обороняются эффективнее первых, поскольку приспособились жить в выстраиваемых подземных лабиринтах.

Расы химерных существ:

Дракониды — гуманоидные существа, сочетающие в себе черты людей и драконов. Являются местными воплощениями драконьих душ. Имеют крылья, чешуи на руках и ногах, острые когтеобразные ногти и небольшие гребни на голове, скрытые под густыми прямыми волосами чёрного цвета (изредка также встречаются золотоволосые и рыжеволосые дракониды со светлой кожей, золотистыми, фиолетовыми или голубыми глазами). Высокого роста (в среднем 185 — 190 см), хотя светловолосые могут быть пониже. Женщины, как и у людей, несколько меньшего роста, чем мужчины. Благородны, дружелюбны и милосердны по отношению к тем, кто настроен к ним соответствующе, сплочённые, обладают повышенным чувством справедливости и при случае сурово наказывают оступившихся соплеменников или напавших на них врагов. Отличные воины, стратеги и тактики. Живут родоплеменным строем, чаще всего в горных долинах. Встречаются в юго-западной части Эллиоры (племя Драконов Алайды с соседствующими с ними племена), но более многочисленны в горах Гинвандии. Вероятно, являются потомками инопланетных пришельцев из какой-то другой звёздной системы. Подобно настоящим драконам, способны извергать пламя, хотя и в гораздо меньшей степени. Однако детей производят на свет подобно людям.

Паскаты — существа, сочетающие в себе черты людей и кошачьих. Являются широко известной сирианской расой и вероятными предками земных кошек (культ богини Бастет в древнем Египте, по известным данным, был связан именно с этими существами). При этом паскаты, обитающие в горной стране на юго-западе Эллиоры, являются потомками паскатов, живущие в системе звезды-спутника — Сириуса Б, имеющего четыре планеты.

Геспиронские вОроны — не особо приятные существа, сочетающие в себе черты людей и птиц (воронов). Вылупляются из яиц, однако не снаружи, а в утробе матери, а затем появляются на свет подобно людям. Имеют бледную сухую кожу, большие носы, напоминающие клювы, маленькие рты, чёрные глаза округлой формы (которые они, однако, любят прищуривать) и тонкие, изящные конечности человеческого типа. Тела также человеческие, тонкие и лёгкие. Также у них имеются большие крылья с иссиня-чёрным оперением, как у воронов. В большинстве своём пронизательны и умны. Наделены хитростью, ловкостью и умением обманывать противников, в связи с чем являются давними союзниками Императоров Зла. Обитают на острове Геспирон, но могут быть послами Императоров, направленные ими в любую часть света. Основные враги — представители расы драконид, паскаты, а также люди, относящиеся к расам элтерра и терангва.

***Пояснение автора насчёт ещё одной детали.

Архонты (здесь) — общее название высокоранговых духовных Существ, не обязательно падших и Тёмных. В духовно-эзотерических учениях, известных на Земле, так называются только Тёмные властелины, поэтому данное пояснение является необходимым во избежание споров.

*Примечание: названия некоторых некоторых планет и основа для описаний взяты из статьи уфолога П. Хайлова и некоторых других авторов текстов о цивилизациях Сириуса. Поскольку достоверность данной информации научно не доказана, все повествование следует относить к фантастическому или фэнтезийному жанру.

ВСТУПЛЕНИЕ (вместо предисловия)

Это случилось в очень далекие времена. Настолько далекие, что нынешний Летописец так и не смог обозначить им точные временные рамки, сколько бы те, кто его настраивал и поддерживал, не старались расширить границы Всемирной Истории. Конечно, эта История касалась только мира Люции, а не каких-либо других, описанием которых занимались другие Летописцы. Однако всемирно известный архив считали уже устаревшим. По тому же, о чем иногда слышал или догадывался Хранитель Главной Библиотеки, следовало судить, что это имело место быть в конце Третьего Хронома (или Третьей Эпохи) — в то самое время, когда царствование могущественных Темных владык Геспирона подошло к концу. С тех пор и была введена древняя традиция создавать Летописцы и заносить в них все исторические сведения. Но до тех пор, по-видимому, Историю записывали каким-либо иным образом, быть может, на таких носителях, которые не выдерживали испытаний временем и постепенно полностью разрушились.

Как догадался или попросту увидел развитым внутренним взором Хранитель, в те стародавние времена мир Люции был не таким, как теперь, даже очертания континентов были несколько иными. И тогда же народы, населявшие обширные территории Эллиоры, Менанторры и других земель, отделенных друг от друга суровыми морями и океанами, не были так дружны и согласны между собой, как теперь. И уж тем более тогда они не собирались три раза в течение диэра на переговоры с друзьями из соседних миров. Редко прекращавшиеся междоусобицы то и дело раздирали прекрасный мир Элайи (как тогда называлась Люция). Это продолжалось до тех пор, пока, наконец, не настало время, когда прежде воевавшие между собой правители намеренно стерли с карт границы своих государств и создали могущественный Непобедимый Союз Восьми Королевств, чтобы противостоять Четырем Императорам, прибывшим с Геспирона — обширного гористого острова на Северо-Западе. И тогда, после гибели одного из них и краткого затишья наступило время другой войны — между силами Добра и Зла, и, казалось, доброму и честному миру Элайи пришёл бы печальный конец, если бы...

Это «если бы» повергало Хранителя и всех, кому он поверил свою тайну, в умственный тупик. А иным образом ответа они не находили.

— Если бы я мог знать, — качал головой старец, с грустью глядя на бесполезный для его научных изысканий большой прибор, называемый в народе Летописцем. — Если бы я только мог знать...

Затем он выходил из-под крова огромного монументального здания освежиться — это было его давнишней привычкой и традицией. Был один из замечательных летних вечеров, когда, после дневного зноя, воздух наполнялся приятной прохладой, ароматами пряных трав и отливало под гаснущим солнечным светом мягким перламутром. Мир Люции, как гласили Каноны Мудрых, держался на трех Законах: Любви, Знания и Справедливости, однако старый Аутт Рам с удовольствием прибавил бы к ним Красоту. Действительно, великолепный закат, который не переставал его удивлять с самого детства, проведенного на южных побережьях Менанторры и на юге еще более прекрасный, чем здесь, в умеренных широтах Северного полушария, погружал его каждый раз в особое блаженство, доступное, как он считал, разве что избранным или самим Верховным Божествам. Это был не просто закат: пока неторопливо исчезало за восточным горизонтом Небесное Око и медленно гас

дневной свет, озаряя небосвод немислимо красивыми серебристо-фиолетовыми оттенками, на землю, откуда ни возмись, начинал падать невероятно прекрасный мягкий дождь из маленьких сияющих звездочек. Они бесследно таяли в руках Хранителя, оставляя приятное ощущение спокойствия и умиротворения. Ученые утверждали, что это оседали из воздуха остывшие испарения соленых озер, коих здесь было великое множество, религиозные деятели — что это были являвшие себя воочию светлые души тех, кто уже покинул этот мир, но по вечерам слетается сюда на ежедневное священное празднество. Но Аутт Рам ни о чем этом сейчас не думал, а просто наслаждался красотой Природы.

Мистический звездопад почти прекратился, когда последние лучи дневного светила исчезли за далёкой линией горизонта и на смену ему взошел полный розоватый диск Ацеры, сопровождаемый с противоположной стороны неба серебристым диском несколько меньшей величины — Энталией. Но и это было ещё не всё великолепие: вскоре за восходом обеих лун в небе появилось ночное Око. Оно глядело на погружавшийся в дремоту мир пронзительно и печально, и Аутт невольно вспомнил рассказы местных старожилов о Звезде Гнева и о том, как на Элайе появилось племя, взрастившее самых жестоких и коварных людей в мире, повелеваемых Императорами Зла. Всё это каким-то образом не было занесено в память Летописца, поскольку относилось уже к Предыстории, а не к Истории, но от этого неугомному исследователю прошлого становилось не легче. Он желал знать о прошлом больше, чем могли рассказать жители нынешнего счастливого мира, давно забывшие, что такое насилие, кровь и всемирные катаклизмы. Жители, в сердцах которых уже многие времена царствует Её Величество Любовь, с состраданием и готовностью помочь встречающие новости о том, что где-то ещё есть несчастные и страдающие люди или другие разумные существа или живая природа...

Аутт Рам вздохнул. Он не спеша бродил по затихшим улочкам Арохена — столичного города Префектуры Аманты, занимавшей почти всю центральную часть и северные побережья материка Эллиоры. Арохен также считался одним из тридцати самых больших городов мира — не по количеству населявших людей, а по занимаемой территории. Каждая из улочек этого города была ответвлением одной из трёх больших спиралоулиц, ведущих от центральной городской площади к окраинам. Весь город напоминал величественное собрание зданий, сооружений, садов и парков, расположившихся по спирали вокруг площади с огромным дворцом посередине. Библиотека и Архив Всемирной Истории находились неподалеку от дворца Правительства, на большом холме, вдоль которого проходил второй виток первой спиралоулицы. На таком же расстоянии от Дворца, но с противоположной стороны, располагался Храмовой комплекс, а к востоку от него проходила широкая дорога, пересекающая все три спиральных трассы и ведущая к Университетскому городку, за которым почти сразу же находился один из самых больших в Арохене культурно-развлекательный центр.

Столица Аманты, бывшей когда-то одним из могущественных королевств, победивших в древности Великое Зло, а теперь — мирной частью Единого Мирового Союза, напоминала одновременно и город, и сельскую местность. Почти все дома горожан, выстроенные из белого искусственного камня с примесью «вечного» стекла, с куполообразными крышами, высотой от трёх до шести пролетов, были окружены живой изгородью из стройных, но прочных и долговечных килотовых деревьев с непадающими серебристо-зеленоватыми листьями, с калитками в двух местах. Эти деревья огораживали участки земли с плодородной почвой, способные долгие годы кормить проживающие в городе семьи.

Транспортные средства, на которых передвигались жители нынешнего Арохена, давно уже представляли собой дальних потомков прежних машин, оставлявших в воздухе и на почве ядовитый химический или радиоактивный след, постепенно отравлявший всё живое. Несколько тысячелетий непрерывного научно-технического прогресса вкупе с духовным позволили элайцам, переименованным после окончательной победы над Тьмой в люциан, превратить свои города и деревни в роскошные сады и цветники, о которых далёким предкам приходилось только мечтать или завидовать обитателям двух соседних миров, у которых уже давно были такие сады.

Ночь выдалась на редкость светлая и звёздная. Не каждый раз можно было увидеть на небе одновременно обе полные луны, загадочное Ночное Око, два соседних обитаемых мира и мириады далёких звёзд, среди которых Аутт без труда выделил ту, что была навигационной. Это было, как он помнил, Золотое Око — одна из древних и самых красивых звезд здешнего неба. И почти каждый люцианин так или иначе был наслышан о цивилизации разумных существ, похожих на него самого внешне, но нисколько — своим характером, необузданными страстями и жаждой приключений. Кто-то даже называл её Проблемной Цивилизацией, поскольку ни один житель далёкого мира Золотого Ока не обходился без целой кучи самых разных проблем, решать которые приходилось всем, в том числе и сильным мира Элайи. Отдалённо людей Золотого Ока соотносили с древними предками люциан, однако те были всё же более понятными и менее склонными к фатальному риску людьми.

Впрочем, история какого-то далёкого и малоизвестного Аутту мира волновала его куда меньше, чем рассказы о древнейшей истории его родного мира. Подходил к концу Пятый Хроном, а тайна Третьего всё ещё не была раскрыта. О Первом же и втором исторические сведения были лишь единичными и гипотетическими, а о Первом отсутствовали вовсе, поскольку людей в ту эпоху на Люции, скорее всего, не было и её населяли какие-то другие разумные существа, не оставившие о себе никаких следов и воспоминаний.

Гуляя так по ночному Арохену, не тревожимый никем, старый Хранитель Истории вышел за пределы обширного города и оказался на берегу широкого пресного озера Эхен, в которое впадали несколько бурных речек и ручьёв. Все небесные светила отражались в его спокойных водах, создавая незабываемую картину, и вновь он увидел, теперь уже над озером, падающие с неба разноцветные огоньки. Они падали прямо на водную гладь и бесследно исчезали, не вызывая даже заметного волнения, кроме того, что создавал лёгкий ветерок. Заворожённый этим зрелищем, Аутт Рам сел на удобный валун у основания ступни Неотены, основательницы города Арохена и Архива Всемирной Истории, вытесанной из камня на берегу этого города полтора тысячелетия тому назад. Позади гигантской статуи стоял, положив руки на её плечи, могущественный древний Правитель Аманты, однако на этот раз старый Рам не придавал этому значения. Он пришёл просить прозрения и знаний у Женщины, которая определила его судьбу знаменитого историка. И незаметно для себя, сидя на берегу озера у ступней Неотены, погрузился в глубокий сон.

Глава первая

Знойный ветер, дувший с моря с раннего утра до самого полудня, понемногу стихал. Солёные брызги прибоя, ударяясь о прибрежные валуны, всё ещё падали гроздьями далеко вглубь берега, оставляя на голубоватом с красными и жёлтыми вкраплениями песке размытые следы. Дальше к югу пески становились зыбучими, а узкая извилистая тропа у подножия Голубых гор уходила от берега в узкое глубокое ущелье, бывшее границей между побережьем и горной страной под названием Алайда.

Двое путников верхом на тощем двалифе, мужчина и женщина, остановились прямо против входа в ущелье, не рискнув свернуть с тропы и угодить в смертельно опасные объятия зыбучих песков. Они были ещё молоды, но выглядели устало и попеременно озирались назад, словно их неумоимо преследовала кавалькада породистых меронгов со свирепыми наездниками в чёрных шипастых доспехах.

— Это должно быть здесь, Алерта, — приглушённым голосом сказал мужчина, наклонившись совсем низко над ухом своей спутницы.

Та с недоверчивым видом повернулась к нему лицом.

— Куда ты меня привёз, Гио? Хочешь сказать, что обещанный нам дар мы получим в этих диких горах?

— Так говорил нам Оррам, а он был хорошо знаком с Драконами Алайды. Наверняка они уже знают и оплакивают его смерть от руки Паллиэна.

От этих слов Алерта заёрзала в седле. Гио догадывался, почему она это сделала. Паллиэн был одним из четырёх Императоров, пришедших с диких северо-западных земель, располагавшихся на большом острове посреди океана между Эллиорой и Менанторрой. Покинуть негостеприимную землю и напасть на Союз Восьми Королевств их заставил отнюдь не голод, поскольку даже на самом неприятном участке Элайи можно было прокормиться грибомхом, плодами кустарников и питательными кореньями, и не скука, поскольку северный народ был достаточно многочисленным. Их обуревало совсем другое чувство — примерно то же, что было в крови у вечно ссорившихся между собой правителей восьми Королевств, вынужденных впоследствии объединиться в единый Союз, возглавляемый внезапно помирившимися и побратавшимися между собой правителями перед лицом смертельно опасного врага — братства Четырёх Императоров. Паллиэн был старшим из них, самым воинственным и коварным, и именно он поднял знамя войны, надеясь завоевать сначала восемь ослабленных и вечно дерущихся между собою государств. Однако жадность Паллиэна была больше и глубже, чем о ней думали даже его побратимы — втайне он, вместе со своей законной супругой Иерой, мечтал завоевать весь мир Элайи, от края до края света, и ради осуществления своей мечты готов был мучить и убивать всех, кто вставал на его пути. Одной из жертв жестокости и алчности Императора Паллиэна стал путешественник-звездочёт по имени Оррам.

Гио соскочил с двалифа и осторожно снял с него свою жену. Освободившееся от седоков животное, взмахнув длинной гривой и широкими крыльями, резво понеслось вдоль берега, однако, внутренним чутьём заподозрив опасность зыбучего песчаного берега, резко остановилось, успокоилось и принялось щипать редкую сизую траву.

— Двалифы умные звери, и Хойо может это подтвердить своим примером, — не без гордости произнёс Гио. — Могу поспорить с предводителем Драконов Алайды, что он будет

ждать нас на побережье и щипать траву, пока мы не вернёмся.

И снова Алерта беспокойно заозиралась. И тогда Гио, наконец, понял, что беспокойство у неё вызывали вовсе не разговоры об Императоре и его ужасных деяниях, а упоминания о тех, с кем им предстояло вскоре встретиться. Сам Гио Трейга встречал жителей горных долин Алайды только один раз, но запомнил их на всю жизнь. Эти существа и впрямь напоминали нечто среднее между человеком и драконом. Рослые, статные, они походили на людей, однако у них, тем не менее, были внушительные крылья, напоминавшие драконьи, чешуи на руках и ногах, длинные острые ногти. Гребней и рогов на голове, однако, не было или они были незаметными под густыми гривами чёрных волос (или, значительно реже, какого-нибудь другого цвета). Глаза у них были немного более раскосы, чем у людей, взгляд их горел странным сиянием, однако, несмотря на грозный вид, они были, в целом, благородными и дружелюбными существами. Так, по крайней мере, о них говорил звездочёт.

— Алерта! — с усмешкой сказал Гио. — Вот чего я от тебя не ожидал. Ты боишься Драконов Алайды?

— О нет... я не могу бояться тех, кого ни разу не видела. Но меня тревожит...

— Что тебя тревожит, милая?

— То, что мне придётся столкнуться с неизвестностью. Звездочёт перед смертью сказал, что Драконы вручат нам дар, за которым мы, собственно, и идём, и что именно этот дар поможет воинам Аманты победить Зло. Меня тревожит неизвестность, которую они нам вручат, а не их внешний вид, каким бы он ни оказался.

— Не бойся. Что бы они нам ни вручили в дар, мы должны быть за это благодарны Создателю. Будь же мужественной — вперёд!

Тогда Алерта покорила и, поправив длинные пряди рыжеватых волос, выбившиеся из-под зелёной накидки, неожиданно смело ступила на поворот в ущелье. Гио последовал за ней.

— Сегодня будет ночь Всех Светил, — напомнил он. — Она бывает раз в два десятилетия, и в такую ночь всегда свершаются события, от которых зависит всё наше будущее.

— Сказки! — ответила ему Алерта. — Если бы было так, то загаданное мною двадцать лет назад тайное желание исполнилось бы непременно. Может быть, среди этих светил было одно лишнее, которое этому помешало? Аайй...

Заговорившись, женщина оступилась. Схватившись левой рукой за свисающую вниз ветвь местного кустарника, она сломала её и угодила левой ногой в щель между камнями, застряв в ней. Гио поспешил на помощь.

— Нужно быть здесь осторожнее. И не думаю, что так уж разумно говорить плохо о наших светилах.

— Но я имела в виду только Звезду Гнева, с которой пришло племя Императоров! — ответила Алерта, морщась от боли, пока Гио освобождал её из каменных тисков. — Может, не стоит ей восходить?

— Вот это ты говоришь глупости, родная. Ночное Око восходит каждую ночь и светит нам каждую ночь, и называть его Звездой Гнева никто бы не взялся. Оррам наверняка говорил о совсем другой звезде.

— А я слышала, что звёзды могут меняться со временем, и Ночное Око вполне могло когда-то быть той самой Звездой...

Гио, конечно же, не согласился. То, что он слышал от своих сородичей о легендарном

светиле, давно укоренилось в их поверьях о разгневавшемся боге Охрима. Охрима, по легендам амантийцев и некоторых других народов, был мирным и безмятежным правителем некоего древнейшего народа аттарис. И в мире Аттары с незапамятных времён было спокойно и мирно, пока там существовал Единый Совет Мудрых. Так было до тех пор, пока некоторые из этого Совета, предав своих сородичей, не превратили прекрасный мир в сущий ад. Этого, как повествует Предание, Охрима не вынес и разразился гневом, взорвав раскалившееся докрасна солнце Аттары. С тех пор мира Аттары не существует, его солнце стало маленьким карликом холодного белого

цвета, презрительно взирающим на мир Элайи с ночных небес, а остатки народа аттарис, к сожалению, не лучшие, перекочевали в мир приблизившейся к ним небольшой кочующей звезды красивого оранжевого цвета. После этого, спустя много времён и эпох, таинственная оранжевая звезда вновь посетила Небесное Око и его миры, и часть обитателей её захваченного мира перекочевала в мир Элайи. Какова была связь этой легенды с сияющим по ночам мирным Оком, Гио своим умом постичь не мог и считал, что Ночное Око получило своё второе прозвище по чьей-то досадной ошибке. Он не мог предположить, что ярким и благодатным солнцем Аттары в незапамятные времена была как раз эта маленькая яркая звёздочка, поскольку не был силён в древней науке о звёздах. К тому же, по другой местной легенде, древнейшие аттарис поклонялись не богу Охрима, а богине, одной из трёх прекрасных Сестёр-путешественниц, и она покинула их мир не из-за своего гнева, а просто потому что стала уже стара и пришло её время уйти в более высокий и светлый мир, чем тот, в котором жили люди. Вторую легенду ему не раз пересказывал Оррам.

Как бы то ни было, какая из этих легенд была больше похожа на правду, на деле всё это не имело никакого отношения к тому, что происходило сейчас в тихой и мирной долине, куда прибыли наши путники. Широкая полноводная река с грохотом катила свои воды через поросшую пурпурно-красным и голубовато-зелёным кустарником долину в соседнее ущелье, срываясь вниз каскадами водопадов, но Гио было не до того, чтобы любоваться красотами местной дикой природы. Он всё ещё возился с женой, чья лёгкая ступня накрепко застряла в узкой щели между скользкими камнями, поросшими буро-зелёным грибомхом. Громкий стон оповестил его о том, что он слишком уж неловко дёрнул и сильно вывихнул ногу несчастной. Алерта была свободна, но идти по камням не могла, и тогда Гио сел на большой камень, посадил рядом женщину и беспомощно воззрился на полуденно-знойное тропическое небо, полагая, будто бы оно способно ему помочь. Алерта в изнеможении закрыла глаза и упала головой на его грудь.

Лёгкий шорох заставил его опомниться. Перед ним стояли двое странных крылатых существ, в которых он без труда узнал местных драконоподобных жителей Алайдских долин. Как рассказывал при жизни Оррам, среди этого племени было не так уж мало двуполых существ, однако один из подошедших к ним явно был красивым большеглазым мужчиной с суровыми чертами лица, словно выточенными из гранита, а другой — женщиной, черты которой были также довольно суровы, но при этом более изящны и женственны. Оба были одеты в грубоватые длинные одежды тёмно-зелёного цвета, перетянутые широкими золотыми поясами, с золотистыми ремешками на головах поверх длинных тёмных волос, и у обоих за спиной были огромные драконьи крылья, отливавшие пурпурным золотом.

Гио почтительно поприветствовал жителей долины, и те ответили ему тем же. Драконида (так среди разных народов Элайи называли эту расу, представляющую собой загадочную помесь людей и драконов) говорили слегка приглушёнными голосами, с

заметным придыханием, упором на свистящие звуки и пощёлкиваниями, которые показались странными Алерте, ни разу не видевшей этих существ, не слышавшей их голосов и открывшей глаза, как только услышала странную речь на незнакомом ей языке. От увиденного зрелища ей стало немного не по себе, и она снова уткнулась в грудь Гио.

— Не бойся, — шепнул он Алерте. — Они не причинят нам зла и помогут добраться до их жилища. Пойдём.

— Я не могу идти, Гио... ты же знаешь. Ты повредил мне ногу.

— Да... прости меня. Сейчас мы что-нибудь решим с нашими друзьями.

Гио ещё немного посоветовался с химерными жителями Голубых гор. Порешили на том, что пострадавшую нужно нести на руках, но дорога опасная, и тогда свою помощь предложил Тэрр из рода Аверраха — тот из драконид, что походил на мужчину. Как ему тут же объяснила его спутница, имя которой было Иха, это был местный обычай, показывающий их доверие и заботу о тех, кто ступил на суровые камни их долины и при этом не желает им, Драконам Алайды, зла. Те же, кто хотел причинить вред (а это Драконы Алайды узнавали очень быстро, читая по лицам, выражениям глаз и мыслям пришельцев), бывали изгнаны целой ордой набежавших сородичей и были очень благодарны высшим Силам, если оставались живы.

Гио недоверчиво покосился на Тэрра, поднявшего на руки его жену, однако не смел перечить и поплёлся сзади, сопровождаемый разговорчивой Ихой. Так они добрались до южного склона самой высокой горы, у подножия которой раскинулось большое селение. И там же был просторный вход в лабиринт, в котором, как рассказывал всё тот же Оррам, местные жители переживали не лучшие времена.

Впрочем, Голубые горы таили, насколько мог знать Гио Трейга, грозную опасность, которая могла погубить Драконов Алайды, пока те отсиживались в горе. Однако те до сих пор всегда вовремя чуяли дрожь недр заранее и располагались в долине, несмотря на дожди или сильные ветры — жизнь была им дороже. Всё же гора эта находилась довольно далеко от цепи огнедышащих кузниц Эморры, и Голубые горы уже долгие времена были спокойны, скованные гранитными панцирями и не представлявшие поэтому особой опасности.

В селении царило оживление. Взрослые алайдийцы сновали туда и обратно, и было заметно, что они готовятся к какому-то важному событию. Маленькие же безмятежно играли, а те, что были постарше, приглядывали за младшими или помогали взрослым. Многие из них взмывали в воздух, расправив крылья, и отправлялись в горы по какой-нибудь своей надобности, а другие тем временем возвращались обратно и приносили что-нибудь с собой. Среди смуглой, черноволосой и крылатой детворы зоркие глаза Гио заметили и других детей, принадлежавших разным человеческим расам Элайи. Их было не так уж и мало, поэтому он просто не мог их не заметить.

«Странно, — подумал про себя амантиец, — похоже на то, что дракониды подбирают брошенных детей везде, где только могут. Не могу же я предположить, что они их просто воруют».

Наконец, маленькая процессия вошла в селение. Дальше тропа вела прямо в пещеру, однако Тэрр остановился посередине и обратился на своём языке к своим сородичам. Как сразу понял Гио, он был их предводителем и распорядился, чтобы ему приготовили место, куда можно было бы пристроить чужестранку, которая повредила в горах ногу и не может идти. Несколько женщин из селения немедля подкатили некое подобие мягкой лежанки с удобным изголовьем, на которую Тэрр заботливо уложил гостью. Несколько мгновений

спустя те же крылатые женщины принялись за своё привычное дело — они были целительницами.

Гио же, не зная, чем ему заняться, отправился вместе с Ихой, с которой уже успел подружиться, в пещеру. Там тоже толпились женщины и дети, а также несколько почтенных стариков и старух. Центром их внимания, как заметил Гио, был предмет, напоминавший колыбель, в которой безмятежно спал совершенно очаровательный младенец, как уловил он из разговоров — маленькая девочка. Её кожа была удивительно светлой и чистой, белее, чем у многих остальных детей, которых он когда-то видел в своей жизни, светлее, чем у него возлюбленной Алерты. Родные дочери этой четы были не смуглыми, но обе были похожи на мать волосами цвета рыжеватой древесины каррового дерева, в отличие от соломенной шевелюры Гио, только у старшей глаза были золотисто-карего цвета, как у неё, а у младшей — голубовато-серые, как у отца. У этой же малютки волосики были золотистые со светло-пепельным оттенком и искорками, вспыхивающими в свете факелов, а глаз он не мог разглядеть, поскольку она крепко спала.

При появлении гостя толпа смолкла и все взгляды устремились на него. Гио смутно уловил, что Драконы Алайды обо всём знали и ожидали увидеть обоих супругов Трейга, чтобы вручить им свой заветный дар, и поэтому были удивлены, увидев лишь его одного. Сам же он растерянно топтался у входа, ожидая, что за этим последует дальше и что это племя, в действительности, собиралось ему предложить.

Внезапно позади Гио раздался какой-то шум, и толпа снова загудела. Он резко обернулся и увидел весьма странное, на его взгляд, зрелище: четверо рослых драконолюдей неопределённого возраста и пола, выбритых наголо и одетых в серебристо-белые одежды, тащили по воздуху носилки из переплетённых ветвей местного кустарника, а на них...

Гио стиснул зубы, увидев Алерту примотанной за обе руки к толстым прутьям. Левая нога женщины была аккуратно перевязана волокнистым мхом. Глаза её были закрыты. Он благоразумно промолчал и посторонился вместе с другими, пропуская странную процессию вглубь пещеры, и позволил себе выговориться только тогда, когда бритые андрогины осторожно поставили носилки на пол посреди пещеры.

— Что вы, Тьма вас заберит, делаете?

Женщины предупредительно зашикали на него, когда вслед за ними в пещеру вошёл Тэrr. Он подал знак Ихе, и оба, с двух сторон, под всеобщее молчание разрезали путы на руках гостя. Затем Иха несколько раз провела руками по бокам её головы, приговаривая что-то на своём наречии, пока та не открыла глаза и не стала недоуменно озираться по сторонам. Двуполые создания удалились.

— Я же их спросил...

Гио снова хотел употребить ругательство, но подавил свой гнев, увидев устремлённые на него глаза Алерты. Для него было не совсем ясно, чего она хотела выразить больше этим взглядом — просьбу помочь или желание выяснить, что, всё-таки, происходит. Вместо ответа он только пожал плечами, поскольку ему самому требовались объяснения.

Иха поведала ему, что его жену привязали к носилкам для того, чтобы она с них не упала по дороге до их дома в горе, потому что пока она ещё не может идти на переломанной ноге и что они, Драконы Алайды, никогда не желали и не желают причинить зло добрым гостям. Тогда Гио успокоился и перевёл её слова Алерте, однако та всё ещё никак не хотела оценить доброту местных горцев по достоинству.

— Я не знаю, что тут произошло, Гио, потому что я спала. Но сейчас я слышала, что

меня привязывали к носилкам... И мои руки чувствуют, как будто недавно они были связаны. И вообще, почему я на этих прутьях, почему меня не принесли сюда просто на руках, как это делал твой друг?

— Так вот оно что... — Гио поджал губы и заговорил на языке драконид. — О, Тэrr... прошу, объясни нам, что тут вообще творится?

Молодой предводитель племени повернулся к нему, и на его лице появилась небольшая улыбка, в которой, несмотря на его высокое положение в этом обществе, не было выраженной надменности.

— Я вижу, что мой друг чужеземец что-то хочет от меня узнать? Так спроси. Мой дом — твой дом, пока вы у меня в гостях.

— Мой друг Тэrr, скажи мне, какой повод ты дал моей жене для того, чтобы она предпочитала путешествовать на твоих руках, а не на моих или на носилках, как это принято?

Тэrr рассмеялся.

— Разве я давал какой-то повод? Нет, мой друг Гио, я бы не стал ссорить вас, даже если бы мне приглянулась твоя женщина. Иха — моя жена, а мы, Драконы Алайды, женимся только раз в своей жизни на тех, кого больше всех любим, и всегда им верны, пока те живы.

— Значит, Тьма заberi, человеческому племени стоило бы у вас поучиться...

Дракониды вздрогнули, услышав вновь выражение, которое они, судя по всему, меньше всего любили. Тэrr же не придавал этому большого значения, так как, несмотря на молодые годы, хорошо знал людей и то, на какие чувства, мысли и поступки они могли быть способны.

— Однако, — продолжал Тэrr, — верность — качество души. У нашего племени есть старинный обычай — если жена чужестранца возжелает хозяина дома, у которого она гостит, то она может воспользоваться данной ей привилегией, так же как и гость, которому понравится хозяйка. Но только на то время, пока он в гостях.

Гио вспыхнул, узнав, какие извращённые понятия о супружеской верности были в этом племени. Отвернувшись, он подошёл к Алерте и передал ей все слова Тэrrа на своём родном языке. Та покраснела и отвернулась от него.

— Так не молчи. Ты действительно хотела бы воспользоваться этой так называемой привилегией?

Однако губы Алерты были плотно сомкнуты, она так и не произнесла больше ни слова.

Тем временем в глубине пещеры шли какие-то приготовления. Кроме женщин, детей и стариков, здесь теперь присутствовали ещё и мужчины. Пещера была очень большой и имела ответвления, уходя дальше в подгорный лабиринт, поэтому места хватило всем. Двое стариков, сидевших около боковой стены под сталактитами, мерно выбивали пальцами дробь по металлическим звонцам, вводя всех присутствующих в особое состояние умиротворения и торжественности.

Под эту негромкую, но чёткую и отдающуюся эхом по всему просторному помещению и его ответвлениям дробь жена вождя неторопливо прошла через образованный её сородичами коридор к колыбельке, окружённой добрыми старушками и маленькими детьми. Она подала знак Гио, и тот в нерешительности поплёлся за ней, не зная, что ожидает его впереди.

Заняв почётное место у колыбели, она, наконец, заговорила.

— Мои возлюбленные братья, сёстры и сородичи! В эти мгновения, когда мы, несмотря на долгие ожидания и не гаснущие надежды, дождались наших гостей, мы ждём главного

события. Отныне мы вручаем людям Элайи великий дар, посланный нам богами и правителями Светлого Королевства Эйладор. Мы вручаем чужестранцу Гио Трейга и его супруге Алерте то, что принесёт победу и освобождение мира Элайи от кровавых узурпаторов Геспирона. Совсем недавно мы узнали, что один из четырёх Императоров Зла, по имени Паллиэн, мёртв. Это случилось спустя двадцать один день после того, как нам подбросили эту малютку, которую вы видите сейчас здесь. И до этого, когда она только родилась, воины Императора намеревались найти её и убить. Ей не успели дать имя, поэтому мы наречём её так, как подскажет нам Великая Богиня.

Гио прекрасно понимал язык Драконов Алайды, однако никак не мог взять в толк, какое отношение эта торжественная речь жены вождя имела к дару, который это племя хотело им преподнести. Однако, вспомнив слова Оррама перед смертью, он вздрогнул от догадки, что этим даром могла оказаться маленькая сиротка, спасённая драконидами от рук безжалостных воинов Императора Паллиэна. Уж не имела ли эта странная история самое прямое к нему отношение?

Вновь воцарилось молчание, а затем Иха заговорила вновь, воздев руки к потолку пещеры, на котором была изображена голова Богини в короне из бледно-сапфировых лучей. Голос говорившей стал громче и напряжённей.

— Я слышу... я слышу голос Богини. Она велит нам дать имя дочери неизвестного нам племени. Это имя — Аула Ора, что означает... что означает — Прекрасная Звезда или Пламя Богини Небесного Ока. Благодарствие Тебе, Богиня!

По толпе собравшихся пробежал шепоток, затем все дружно возгласили "Аорэ! Аорэ!", захлопали в ладоши и заплясали на месте. Один только Гио никак не мог расслабиться и присоединиться ко всеобщему ликованию — он стоял, переводя растерянный взгляд то на Иху, то на младенца, то на свою жену, которую теперь поднесли на носилках ближе к "трибуне". Так продолжалось до тех пор, пока его взгляд не остановился на фигурке маленького мальчика, стоявшего совсем рядом с колыбелью новонаречённой Аулы Ора. Он был темноволосым и темноглазым, однако и слепому было бы понятно, что перед ним дитя человека, а не крылатого жителя Алайдских долин. Гио очень хотелось понять, что могло заставить этого сорванца стоять, прижавшись вплотную к заветной люльке, тогда как все остальные дети стояли поодаль, рядом со своими родными или приёмными родителями. И он отвлёкся только тогда, когда вновь раздалась и затем опять прекратились размеренные удары пальцев о звонцы, после чего право голоса было торжественно передано предводителю.

— И теперь, — сказал Тэрт, так же как и до него Иха, громким звучным голосом, который заметно отличался от приглушённого, слегка свистящего выговора в обычных разговорах, — теперь с соизволения Великой Богини-Матери мы имеем власть вручить Её бесценный дар людям, пришедшим к нам с северо-востока. Они пережили весь ужас кровавой брани, о котором мы только получали известия и лишь изредка отправляли на бой своих воинов. И только в их власти теперь сделать так, чтобы остановить завоевание всего этого мира и многих других светлых миров вокруг нас. Волей Богини людям Аманты суждено остановить зло, пожирающее мир Элайи, но у них нет воинов Духа, способных остановить трёх оставшихся Императоров Зла — Арихона, Эристана и Сехантера и всех, кто клянётся им в верности, проливая кровь мирных жителей, вырубая и выжигая наши леса, превращая наш мир в пустыню, населённую рабами. Бесчинствующие полчища, поедающие зверей, птиц и гадов, истребившие драконов и эльфийские становища, будут побеждены и

развеяны так, как были побеждены их предки гневом Богини Их солнца. Как только в небе сегодня ночью взойдут сразу три светила — Ацера, Энталия и Ночное Око со своей свитой, воля Богини свершится. А пока позвольте нам заранее торжественно вручить священный дар чужестранцу по имени Гио Трейга и его возлюбленной жене Алерте Ахан.

Снова раздался гул аплодисментов и притопываний. Стоявшие вдоль стен пещеры старейшины одновременно подняли руки с горящими факелами и прокричали благодарственное слово Богине. Затем одна из нянек, молоденькая девушка из крылатого племени, светловолосая и светлокожая, в отличие от своих соплеменников, с улыбкой вытащила из колыбели крошечную девочку, завёрнутую и золотистое покрывальце, и вручила её Гио. Тот, низко поклонившись, принял из её рук малютку, от волнения едва не выронив её из рук, покачал и передал сокровище своей жене.

Алерта, взяв на руки чужое дитя, растрогалась до того, что из её глаз потекли слёзы, и, поблагодарив всех, кто был в этом вертепе, неотрывно смотрела на малышку. Та была поистине прелестным созданием: открыв глазёнки, оказавшиеся голубыми, как волны Южного моря в ясную погоду, она бесподобно улыбалась маленьким беззубым ртом и была, как казалось, безумно счастлива. Алерта вспомнила, какими в этом возрасте были её родные дочери — Мелла и Трисия, и невольно улыбнулась. Она больше не испытывала неприязни к существам, подарившим ей ещё одну дочь — напротив, была преисполнена высшей благодарности к ним и к Богине, которую они почитали с таким рвением, как будто были жрецами всем известного в Аманте Храма Небесного Ока. Однако, встретившись взглядом с Тэрром, опустила глаза и отвернулась.

Глава вторая

Поскольку ступня Алерты была сломана и она не могла идти пешком, странникам было предложено остаться у Драконов Алайды до тех пор, пока кости не срастутся. Это значило, что до родного дома они доберутся вовсе не так скоро, как ожидали. Алерта начала беспокоиться за своих родных дочерей, однако Гио успокоил её, напомнив, что с девочками остались обе их бабушки и один из дедушек (второй погиб в сражении с Паллиэновой ордой во время их налёта на селение Авингор).

— Но я беспокоюсь не об этом, — возразила Алерта. — Паллиэн мёртв, но его воины ещё живы, и кроме него, есть ещё целых три Императора и вдова Паллиэна — Иера. Что, если они... Гио, нам немедленно нужно отправляться в путь!

Этот разговор происходил на четвёртые сутки после торжественного дня и последовавшей за ним Ночи Всех Светил уже не в пещере, а в одном из домиков, где жила Эйя — та самая золотоволосая нянька малютки Аулы и ещё нескольких девочек-сирот. Она исправно ухаживала за человеческими детьми, которые то и дело принимали у себя гостей из местной ребятни или отправлялись с ними на прогулку. Разговоры о том, чтобы отправить девушку в дальний и непростой путь в качестве няньки Аулы вместе с пришельцами из Аманты, пугали её отца, мать и их родителей, однако прадед Эйя, престарелый Хирро, придерживался другого мнения.

— Я полагаю, наша девочка уже взрослая для того, чтобы взять на себя ответственность быть няней и наставницей Аулы Ора. Перестаньте уже так беспокоиться об Эйя, если бы не её теперешняя роль, я бы давно отдал нашу красавицу в жёны одному из сыновей нашего народа.

На этом старейшина умолк.

— Да, это так, — вздохнув, ответила женщина, которая была матерью красавицы Эйя. — Но дело не только в этом. Просто жене чужестранца ещё нужны уход и забота, если не делать того, что делаем мы, её кости срастутся неправильно и она будет хромать. Не думаю, что госпожа Алерта и её муж этого захотят.

Подслушав этот разговор, Гио понял, что перелом у Алерты был серьёзным и им всё равно придётся задержаться у драконид.

За время своего пребывания у них он успел уже освоиться, помогал горцам, когда ему нечем было заняться, возился с малышнёй или развлекал Алерту чтением стихов на местном языке и их переводами на язык народа Аманты. Переводы получались корявыми, искажали смысл написанного поэтами некогда ушедшего в небытие древнейшего мира, и над некоторыми стихами она хохотала, как будто ей рассказывали деревенские байки. Тогда Гио, рассердившись, перестал портить знаменитые произведения и вместо этого принялся учить её драконьему языку. Это занятие так понравилось Алерте, что она приложила все усилия и через короткое время уже начала понимать большую часть сказанного хозяевами дома.

Иногда Гио надолго уходил в горы вместе с местными собирателями пищи (мяса зверей, птиц и рептилий они, как и большинство разумных представителей мира Элайи, в пищу не употребляли), а хозяйка дома вместе с приёмными детьми разбредались по своим делам и заботам, и тогда Алерта оставалась одна или наедине с мирно посапывающей крохой, к которой уже начала привыкать. В один такой вечер, когда все жители селения собрались в

пещере на очередной совет и она осталась предоставлена самой себе в обществе своей новой дочери, за дверью уютной комнатки раздались едва слышные шаги и зазвенел колокольчик.

— Кто здесь?

Ответом была тишина, затем колокольчик зазвенел снова. Алерта засмеялась.

— Гио, я знаю, что это ты, не прячься от меня. Я уже почти могу идти и сейчас тебя встречу.

Вновь тишина за стеной из лёгкой горной породы, покрытой декоративным покрывалом, сотканным искусными рукодельницами из волокон местного шевелла. Алерта встала с плетёного топчана, опираясь на здоровую ногу, взяла в руки самодельную трость, сделанную для неё мужем, и вознамерилась выйти наружу, но её уже опередили.

Вошедшим был, к её удивлению, не Гио. Перед ней стоял Тэрт — рослый, стройный красавец с перехваченными золотыми браслетами мускулистыми руками, огромными крыльями и расчёсанными на пробор смолянисто-чёрными волосами длиной почти до пояса, в которых от света Небесного Ока играли золотые, серебряные и зелёные огоньки. Глаза его сияли.

— О...

— Приветствую тебя, чужестранка, — заговорил с ней Тэрт и протянул правую руку, чтобы помочь идти. — Но, как мне известно, мы говорим на разных наречиях и ты не поймёшь меня.

— Я понимать ты, — ответила женщина на языке Драконов Алайды, слегка его коверкая. — Гио учить меня. Но я не понимать, где сейчас Гио и что вождь Драконов Алайды делать в этот дом.

— Я искренне рад, что ты теперь нас понимаешь. Я пришёл навестить маленькую Аулу Ора, ну и, разумеется, ту, что дала обет быть отныне её матерью, опорой и защитой, пока она не вырастет. Ты ведь счастлива теперь, Алерта Ахан?

— Да... я не могу не счастлива. Мочь посмотреть Аула...

— Аула мне уже хорошо знакома. Но ты... я... ах, прости меня Богиня...

Алерта вздрогнула.

— Что?

В манерах и речи предводителя небольшого горного племени Алерта заметила некоторую подозрительность. Для чего он, Тьма разбери, к ней пришёл?

В растерянности она глядела за загорелые руки и лицо южанина, который был человеком только наполовину, а она, Алерта Ахан, была им целиком, и поэтому не могла себе представить, каково бы это было — воспользоваться привилегией, которую иногда давали добрым гостям их хозяева. А в том, что Тэрт пришёл именно с этой целью, она уже почти не сомневалась.

— И прости меня ты, дочь славного племени амантиан. Я подумал, что ты захочешь воспользоваться особой привилегией, в которой мы, Драконы Алайды, не имеем права отказывать тем, кто искренне желает. Я был бы рад подарить прекрасной жене моего друга немного счастья, которого она заслуживает, и поэтому...

— Хватит! — оборвала его Алерта. — Я говорить никогда, что хотеть пользоваться ваша "особая привилегия". Оставь их своя жена и уходи!

— Но ты ведь... тогда, в первый день, в пещере, ты хотела мне сказать...

На лице Тэрра появилась странная улыбка, больше всего похожая на оскал. Он читал её мысли! Это добавило страха бедной Алерте.

— Нет, Тэрр! Я сказать — уходи!! И забудь об этом! Я всё рассказать Гио!

От её криков проснулась маленькая Аула и огласила дом громким плачем. Алерта насилу успокоила её, покормив питательным соком горного аукка, очень похожим на материнское молоко, и вручила игрушку — маленький браслетик из разноцветных камней, которые светились и звенели от прикосновений кончиков пальцев.

— Верх благодарности от доброй гостыи, — пробурчал Тэрр, отвернувшись и упершись лбом в дверную арку. Боль внезапного разочарования сделала черты его лица напряжёнными и суровыми. Он ещё думал, уйти или попытать счастья ещё раз, и в нерешительности глянул на женщину.

Та, вздрогнув снова, потянулась за тростью, чтобы ударить ею обнаглевшего вождя, однако не рассчитала, схватила рукой воздух и рухнула на каменный пол. Тэрр не растерялся и, быстро подняв её, отнёс на лежанку.

— Если бы не наш договор с Гио Трейга, вряд бы я пришёл сюда сам. Ты не ушиблась?

— Нет. Но что значить — ваш договор? Что Гио сказать ты?

— Гио Трейга позволил мне предложить нашу особую привилегию. Но, — он вовремя поймал в воздухе руки Алерты и стиснул их, чтобы она не могла его ударить, и продолжил:

— Привилегии могут быть разными. Для жены моего друга я приготовил нечто другое, чем то, чего она со страхом и смятением ожидает.

— Так что же это?

— Стать хорошим другом. Не бойся меня, Алерта, я пришёл только для того, чтобы предложить свою помощь и дружбу. Когда мы расстанемся, то не потеряемся, если на тебе будет этот амулет.

Он выпустил руки Алерты, которая уже успокоилась и смотрела на него не со страхом, а с восхищением. Она всегда дорожила дружбой и высоко её ценила. И неожиданно поняла, что её симпатия к этому существу была больше дружеской, хотя и очень сильной.

Поэтому Алерта расслабилась и позволила своему новому другу надеть на её шею толстую витую нить с висевшим на ней большим драгоценным камнем. Камень этот был очень красив, отливал всеми мыслимыми и немыслимыми цветами и оттенками и был вделан в причудливую оправу серебристого цвета. Она заметила, что такой же камень, но поменьше, украшал один из его перстней.

С его лица спало гневное напряжение. Теперь он улыбался, и его улыбка больше не напоминала оскал.

— Это не простой камень, — объяснил он. — С его помощью можно вызвать друг друга и встретиться, даже если мы будем находиться друг от друга очень далеко. Мы, народ Алайды, не часто награждаем наших гостей такой возможностью, но это единственное, чем я могу помочь тебе в нашем с тобой положении. Ты меня понимаешь?

— Да...

На самом деле она понимала не столько его слова, сколько читала смысл сказанного по глазам, жестам и невидимым потокам, которые от него исходили. Точно так же она могла бы его понять, если бы он не говорил вовсе, потому что многие из обитателей мира Элайи умели в какой-то мере читать мысли друг друга.

Гроза миновала. Теперь уже Алерта, кроме сердечной привязанности и скрытого восхищения, испытывала к нему искреннюю благодарность и признательность и не противилась его присутствию рядом с нею.

— Боги возблагодарят тебя, Тэрр, так же как и я, — проговорила она на своём родном

наречии и бросилась к нему на шею.

Тот не стал противиться и провёл в их комнатке весь вечер, пока не вернулись хозяева дома вместе с Гио.

Выздоровление Алерты было быстрым и почти безболезненным — местные лекари были мастерами своего дела. На двадцатый день своего пребывания в Голубых горах Гио, его супруга и крылатая Эйа с малюткой Аулой на руках были уже целиком готовы к отъезду.

Прощание с горцами было долгим и церемонным. Путников сытно накормили и дали в дорогу много еды и чистой одежды, так как путь им предстоял неблизкий. Под конец им подвели их двалифа, которого изловили на берегу почти сразу после их приезда, однако Гио и Алерта с трудом узнали в нём своего Хойо. Из отощавшей от долгих переходов скотины домашний скакун превратился в упитанное и довольное животное, и даже неказистая сероватая шёрстка теперь блестела на солнце серебряными искорками, а пепельная грива стала густой, пышной и раза в полтора длиннее.

Тэрр и Иха сами проводили их до выхода из ущелья, тщательно следя, чтобы никто из них не поскользнулся, не угодил в расселину или не свалился в пропасть. На прощание они по очереди обняли Гио, Алерту и Эйа, причем Гио краем глаза заметил, что Тэрр и Алерта задержались в объятии дольше, чем было положено, и о чём-то шептались, прежде чем он посадил её на спину двалифа. Гио это обстоятельство не особо смутило, так как он уже давно знал об этой неожиданной для всех слабости своей жены, и наверняка она не преминула данной ей «привилегией» в его отсутствие. Иха же выразила некоторую тревогу, подозревая, что увлечение Тэрра чужеземкой начинает выходить за рамки обычного гостеприимства. Она подошла к своему мужу и легонько дёрнула его за полу длинного хитона.

— Эйхо! — коротко сказала она ему. Это означало «Пора!»

Действительно, Тэрру и Ихе давно уже пора было вернуться в свои владения и отпустить странников в дальний путь. Ушли они не просто так, потому что ходьба по острым камням босиком была мучительна даже для Драконов Алайды, а распустили крылья и взмыли в воздух. И там, держась за руки, сделали почётный круг над отъезжающими и над долиной, прежде чем вернулись в своё селение.

— Если бы мы могли летать, то, наверное, были бы самыми счастливыми людьми в мире, — не без зависти сказала Алерта, кидая им вслед прощальный взгляд и цепляясь руками за торс своего мужа.

Эйа, как и положено представительнице крылатого рода химер, летела над ними в воздухе, прижимая к груди человеческое дитя, а упитанный двалиф, в свою очередь, тащил на себе тех же двоих взрослых всадников, что и прежде. Вначале капризное животное ленилось и Гио приходилось его то и дело прищипывать. Обратная дорога казалась им нескончаемо длинной и это начало действовать всем на нервы. Тогда Гио придумал то, что срабатывало у него прежде со всеми двалифами, на которых ему приходилось ездить: сунул ему под нос пузырёк с едко пахнущим соком мармахета. Это быстро отрезвило Хойо: громко рыкнув, он забил передними ногами по земле и пустился во всю прыть, цепляясь шипастыми копытами за горные кручи.

Время от времени путники устраивали привалы в уютных долинах и по берегам рек. Пару раз в степи они столкнулись со большими стадами диких меронгов, которые проскакали мимо них, к счастью, не задев. Несколько раз в лесах им попадались также гигантские клювоящеры, прямое столкновение с которыми могло стоить им жизни, если бы

не врождённый инстинкт крылатой «драконессы», которая своими маневрами сбивала их с толку и они принимали её за особь из своего рода.

Случилось и так, что разъярившийся клювоящер, огромный и свирепый, как демон, подхватил когтями маленькую золотоволосую Эя и взмыл с ней в небо. Гио и Алерта ахнули, но ничего не могли сделать. Крылатая дева отчаянно отбивалась и плевалась огнём, а малышка Аула плакала навзрыд, лишившись своей няньки.

— Стреляй! — неожиданно решила за обоих Алерта.

— Нам не велено убивать животных, — возразил её муж. — Не думаю, что эта тварь убьёт Эя, скорее поиграется и выпустит. Она ведь Дракон.

— Нам нужно её спасти! Гио, стреляй... прошу тебя!

Огромный ящер с длинным опасным клювом пролетел прямо над ними и стал удаляться со своей добычей к высоченным юго-восточным пикам. Тогда до Гио дошёл весь смысл просьбы Алерты. Он достал из сумки стреломёт, прицелился и пустил в хищную тварь тонкую длинную стрелу с наконечником, пропитанным ядом пустынного скорпосфера. Он оказался не очень метким стрелком: пущенная им смерть пролетела мимо. Вторая попытка оказалась удачнее: ядовитая стрела вонзилась в левое крыло клювоящера, разорвав перепонку. Хищник зарычал от боли и завертелся в воздухе, не в силах совладать с порывом ветра, бьющего в парализованную конечность. Тогда он стал доступнее, и третья стрела Гио пронзила его, угодив в горло.

— Бегом туда! — крикнула Алерта и потянула Гио за рукав.

Они пересекли широкую долину и остановились у подножия лесистого горного хребта, в том самом месте, где упал мёртвый клювоящер. Эя находилась рядом: она не пострадала, но немного ушиблась и была насмерть перепугана.

— Всё хорошо, — сказала Алерта, поднимая её с земли и помогая идти.

— Бегите! — закричал Гио, показывая им в сторону гор.

Оттуда, как назло, вылетела целая стая сородичей убитого зверя и ринулась прямо на них. Двое человек и полудракон припустили что есть мочи через долину обратно к месту привала, где их ожидали Хойо и Аула. Надежды на спасение от быстро приближающейся погони становилось всё меньше, но тут неожиданно подоспела чья-то помощь: все клювоящеры как один попадали замертво в высокую траву.

И тут Гио осмелился поднять голову вверх и посмотреть на склоны гор.

— Люди-кошки!

Эя и Алерта переглянулись и посмотрели туда же. Действительно, спасителями их жизней были странные создания, похожие на людей, но глаза, уши их и повадки были кошачьими. Алерта даже разглядела у некоторых из них хвосты, выпирающие из-под одежды.

— Откуда тут взялись эти существа? — спрашивал Гио сам себя и женщин.

Насколько он хорошо знал, племя людей-кошек обитало далеко за пределами Элайи, в одном из миров Ночного Ока, прозванного также Кошачьим, и их появление здесь было похоже больше на бред. Однако бред этот оказался вполне материальным и спас им жизни, после чего спасители бесследно исчезли, так же как и появились.

— Может, они перенеслись сюда, так как это можем делать мы с помощью наших камней, — предположила Эя. — А потом вернулись к себе домой.

После этих слов ум Гио перестало корёжить от последствий внезапного столкновения с неизведанным. О телепортации он слышал не один раз, что на это способны высокоразвитые

разумные существа, стоящие выше людей. Поэтому внезапное появление и помощь людей-кошек перестала его смущать. Это было не более удивительное явление, чем его первая встреча с Драконами Алайды три года тому назад. Однако новость, что Драконы Алайды способны так же перемещаться с помощью каких-то камней, заставила его призадуматься: камень, висевший на шее его возлюбленной Алерты, был явно подарен ей кем-то из них, быть может, вождём крылатых обитателей Голубых гор. Все подробностей он, конечно, не знал.

Дальше путь домой был без серьёзных приключений. К концу тринадцатых суток пути они, наконец, увидели родные холмы, поросшие приветливой серебристо-голубовато-зеленой растительностью и фиолетовыми цветами, селения с красными крышами домов и величественные города северо-восточных королевств.

Им оставался один день для того, чтобы добраться до родного селения на юго-западе обширного королевства Аманта, и тогда Гио послал домой весточку — стайку маленьких юрких чакаутов, которых приманил в лесу на свет факела. Эти существа, которых было довольно много в лесах и лесостепях центральных холмистых равнин Эллиоры, были прирождёнными телепатами, хорошо понимали язык людей и других разумных существ и передавать послания, и отдать им распоряжение не составляло особого труда. Однако чакауты никогда не соглашались передавать вести от жестоких и бессердечных людей, и шарахались от них врассыпную. Гио же и его спутники могли сколько угодно бродить по зарослям, кишачим крылатыми разноцветными малютками, лакомившимися сладкой цветочной росой, и те разлетались только под их шагами, чтобы не быть растоптанными.

В это время в большом селении Авингор было совсем тихо. Шесть дней назад женщины, старики и вернувшиеся из битвы на Локкедском поле мужчины dokonчили отстраивать заново свои дома и восстанавливать хозяйство, испорченное и разорённое воинами-захватчиками Паллиэнова войска. Однако не все дома в Авингоре были разрушены, разграблены и сожжены и не все женщины и девушки — подвергнуты гнусному насилию. В тех, что находились на юго-восточных окраинах, было тихо и мирно, как будто никакой войны не было. Мерно похрапывали залёгшие под огромными саккраловыми листьями толстые, неповоротливые зельдюки, порхали маленькие светлячки и искрилась в лучах утреннего Небесного Ока ещё не успевшая высохнуть цветочная роса.

Две девочки в открытых цветных платяцах, постарше и помладше, бродили в близлежащих зарослях высоченных деревьев среди цветущих трав и кустарников и собирали эту росу в стеклянные бутылочки. Иногда они срывали цветы или гроздь маленьких красных и фиолетовых плодов, которые вплетали себе в волосы, ели или складывали в большую чашу, стоящую рядом на каменном парапете. Младшая из девочек один раз поймала также огромного буро-золотисто-зелёного жука с двумя парами жвал и посадила на камень, но тот почувал неудобство и улетел, сердито треща крыльями, в лесную чащу.

— Как тебе кажется, Мелла, когда вернутся мама и папа? Мы уже устали их ждать.

— Это так говорит бабушка, — ответила её сестра, закончив вплетать в длинные густые волосы очередной цветок. — Они отправились далеко на юг и ты должна понимать, что это был долгий и опасный путь. Но я чувствую, что с ними всё хорошо и они скоро вернутся.

— Но ещё бабушка всё время говорит, что война не щадит никого. Когда дедушка вернулся раненый и потом умер...

— Не говори о грустном, Трисия, — остановила её старшая сестра. — Если вспоминать грустное прошлое и думать о нём, оно может вернуться. Не всё зло в этом мире ещё

побеждено и потому не нужно его накликавать.

— Но я только беспокоюсь о папе с мамой... они задержались в Голубых горах намного дольше, чем звездочёт, когда был жив, а он бывал там много раз. Мелла, смотри, смотри!

Она указала пальчиком вдаль на юго-запад. Оттуда к ним по воздуху приближалось маленькое порхающее облачко.

— Это чакауты! Интересно, кто их к нам прислал? Сейчас мы у них узнаем.

Девочки побросали чашки со съедобными цветами, но захватили с собой бутылочки со сладкой росой и выбежали на просторную поляну. Чакауты, подлетев, окружили их, тихо звеня крылышками, и через несколько мгновений Мелла и Трисия просияли. Их мать и отец возвращаются домой и будут уже совсем скоро!

Они отблагодарили маленьких вестников, налив им цветочной росы в чашечку, которую смастерили из большого листа молочного растения. Те жадно слетелись на лакомство и затем, насытившись, разлетелись по зарослям.

— Нам нужно отправить весть, что мы их ждём, когда чакауты отдохнут, — сказала Трисия.

— Наверняка к тому времени папа с мамой уже будут здесь. Не волнуйся, Трисия, чакауты поведали нам, что всё в порядке, и их пятеро.

— Пятеро?... — маленькая Трисия растерялась. — Но их было трое — папа, мама и Хойо,

— Ну, может быть, с ними отправились проводники из того племени, к которому они поехали за даром. Или дар живой, а проводник один... я не знаю, этого чакауты не сказали. Это мы посмотрим сами.

И они вернулись к своему любимому занятию.

К вечеру, когда Небесное Око стало не спеша закатываться за восточный горизонт, озарив небо особым, характерным только для севера фиолетовым закатом, обещавшим короткую и тёплую летнюю ночь, на пыльной дороге появилось несколько фигур, непохожих на всадников, что несутся, как ветер, на быстроногих одомашненных меронгах. У этих скакунов были длинные сильные ноги и они легко преодолевали огромные расстояния, однако у семьи Гио и Алерты средств хватило только на то, чтобы купить ленивого серого двалифа с совершенно бесполезным подобием крыльев, который, однако, мог померяться со средним меронгом, понюхав мармахет. Мелла и Трисия взяли увеличительные кристаллы, чтобы получше рассмотреть приближающуюся компанию, и с удивлением отметили, что, кроме двух взрослых людей верхом на изрядно уставшей ездовой скотине, рядом с ними шло, бежало или летело какое-то существо с крыльями, очевидно, женского пола.

— Смотри, — прошептала Трисия. — Звездочёт говорил о них, но мы думали, что он выдумывал.

— Да... и я вижу, что у женщины с крыльями что-то в руках, должно быть, младенец.

— Хочешь сказать, что эта химера с младенцем — и есть великий дар, про который говорил Оррам перед смертью?

— Скоро всё узнаем.

Прошло ещё некоторое время, прежде чем наблюдавшие увидели своих родителей верхом на Хойо и, попрытав кристаллы во внутренние карманы, выбежали на дорогу.

Приветствие было бурным и полным взаимного удивления со стороны девочек и странной гостьи с завернутым в одеяльце прелестным младенцем. Они не понимали ни слова из того, что она говорила, однако Гио был хорошим переводчиком, и им не пришлось

включать телепатию, чтобы понять её мысли и чувства.

— Эйа красивая, — заметила Трисия, толкнув в бок сестру.

— Но где же дар? — перешла та сразу к делу.

— Пойдёмте домой и там всё узнаете, — ответил Гио и в очередной раз потянул Хойо за намотанную на правую руку гриву.

Признаться честно, дочери Гио Трейга и Алерты Ахан ожидали какого угодно дара их семье, но только не того, что им в действительности оказалось. Удивление было немалым, но больше всего в выражении лиц Меллы с Трисией было, конечно, радости. Они обступили малютку, перекочевавшую из рук крылатой няньки в руки приёмного отца, а потом — матери, и с восторгом разглядывали её.

— Это и есть дар от Алайдских Драконов?? — изумилась Трисия. — Я думала, они подарят что-то другое.

— Она совсем другая, чем мы! — сказала Мелла. — Такая светлая и красивая...

— У неё такие прекрасные голубые глаза! — поддержала её младшая сестра.

— Она теперь наша младшая сестрёнка и мы будем о ней заботиться вместе с мамой, бабушками и Эйа!

— А где наши бабушки?

Этот галдёж мог продолжаться до бесконечности, но старшие решили, что маленькой Ауле пора есть и спать, а сестёр отправили заниматься шитьём. Те, немного покапризничав, согласились, а потом и обрадовались, потому что Мелла, как более старшая и опытная маленькая хозяйка, предложила шить одежды для своей новой сестры.

— Нас теперь три и мы, как старшие, будем заботиться и оберегать младшую, — пояснила она.

Но шитьём им пришлось заниматься недолго: вскоре их позвали на большой праздник в честь счастливого возвращения Гио и Алерты, на который собрался весь авингорский народ.

Глава третья

Проходили годы, и жизнь в селении Авингор, как и во всём Королевстве Аманта и прилежащих Королевствах Единого Северо-Восточного Союза, была на удивление мирной. После сокрушительного разгрома «непобедимого» войска Императора Паллиэна и его гибели от чьей-то храброй руки его собратья, по-видимому, крепко задумались, стоит ли им самим попытаться ещё раз счастья в завоеваниях. Поговаривали, что оставшиеся трое Императоров, будучи между собою не в ладах, пока ещё не додумались помириться и объединиться между собой, так же как правители северо-восточных территорий огромного континента Эллиоры во главе с Королём Аманты, могущественным Сильфором. Камнем преткновения для них была Иера Тан, вдова погибшего Паллиэна, оставшаяся править вместо него на юго-востоке обширного острова Геспирон, в Ардаманте. По устоявшимся законам геспиронцев, женщина не могла править страной или какой-то её отдельной частью дольше, чем было положено, рано или поздно кто-нибудь из правителей-мужчин обязан был взять её в жёны, пусть даже она оказалась бы его второй, а не первой женой. Однако, не в силах решить, кто из них первым рискнёт взять в жёны эту отвратительную женщину, изменившую мужу и родившую, по слухам, сына от любовника из самого ненавистного геспиронцам племени во всём мире, они не предпринимали никаких решительных действий. Хотя препятствовать им в этом никто не мог — ни один из этих троих не был женат. Иера же, пользуясь их замешательством, заявила открыто о своих правах, наравне с ними, на пост независимой Императрицы, которой вовсе не нужно было становиться женой кого-либо из братьев своего погибшего супруга. Таким образом, среди правителей Геспирона назревали раздоры, которые, вместе со смертью Первого Императора, могли временно заставить их забыть о планах завоеваний.

Всё это, однако, доходило до авингорцев в виде слухов и сплетен, рассказываемых заезжими торговцами или странниками, часто приукрашенными или переделанными в народные байки. Главными же заботами селян были отнюдь не перемалывание косточек Императорам, а повседневные хлопоты и поездки в города — продавать часть урожая. Приближалось время жатвы, и поэтому мужчины и женщины готовились к тому, чтобы вскоре целыми днями пропадать на полях, собирая урожай сытных зёрен камлока и других местных культур. Занятиями же детей в эту пору было собирание плодов, грибов, кореньев, мёда и цветочной росы, которую заготавливали на зиму. Некоторым детям нравилось собирать также прозрачных, светящихся на солнце струйников, паривших в воздухе по утрам, когда стояли влажные туманы, но это было скорее забавой. Ближе к осени многие также любили созерцать по вечерам «звездапады» из маленьких, ярко светящихся огоньков, которые таяли и бесследно исчезали, касаясь воды или чего-то твёрдого. Это было замечательным отдыхом после душного и напряжённого дня, проведённого на полях или в лесу, полном всевозможной живности, ядовитых растений и мелких кусачих тварей.

В один из таких замечательных вечеров три сестры из семьи Гио Трейга и Алерты Ахан возвращались из лесной чащи с полными корзинами всякой снеди. Они были не одни: с ними была их верная спутница, золотокудрая и золотокрылая Эя, которая давно изучила все тропинки в окрестных лесах и не могла заблудиться. Во всяком случае, она могла подняться в воздух и посмотреть, где находится.

Эя была замечательной няней и подругой — в меру строгой, но в то же время весёлой,

разговорчивой, заботливой и доброй, однако дочерям Гио и Алерты, родным и приёмной, то и дело казалось, что её что-то тяготит. Эя часто тосковала по родным горам и своим сородичам. У неё, конечно, был заветный камень и потому она могла, когда хотела, переместиться в родные края, чтобы повидать близких, но её всё равно что-то угнетало. Девочки догадывались, что бы это могло быть: в Авингоре многие не считали Эю равной себе по статусу, потому что она не была человеком. Некоторые даже пытались открыто оскорблять и унижать её, однако Эя сносила все обиды с завидным спокойствием и чувством собственного достоинства. Она была великодушна, потому что знала: стоило ей хоть раз пожаловаться своим соплеменникам и родичам, они слетятся и заберут её с собой, дав хорошего «звонаря» всем её обидчикам. Второе было бы неплохо, а вот первое — нет, потому что тогда ей придётся навсегда расстаться со своей маленькой воспитанницей и добрым семейством, где её любили.

Аула Ора же росла в своей приёмной семье, окружённая всеобщей любовью и заботой, как экзотический цветок. Она была прелестной девочкой, и все говорили, что она вырастет настоящей красавицей, у которой не будет отбоя от женихов. Растущая красота Аулы вызывала порой зависть у её сестёр, особенно старшей, которая, повзрослев, не обрела особой красоты и не была избалована поклонниками.

— Не переживай, — успокаивала её Эя. — Главное — быть порядочным человеком и хорошей хозяйкой, тогда муж обязательно найдётся.

Она ласково потрепала Меллу по плечу, и та теперь позавидовала ей — как та могла оставаться всё время такой доброй и спокойной при том, как складывалась её судьба. Ведь Эя никогда не была и будет замужем, отдав свои лучшие годы воспитанию приёмной дочери Гио и Алерты!

Но у Аулы Ора, кроме красоты, было ещё что-то, чего она сама ещё не могла понять и описать. Этому старшие сёстры не могли завидовать, потому что сами не знали, что это было. С самых ранних лет своей жизни эта девочка поняла, вернее, почувствовала себя не совсем такой, как другие дети. Она не могла долго предаваться безделью или пустой болтовне, не разделяла глупые шутки, не обижалась на колкие высказывания сестёр или соседских ребят и при этом никого не давала в обиду сама. В своём поведении и манерах она брала положительный пример с великодушной Эю, кроткой Алерты и деловитого Гио. Ещё она любила читать, можно сказать, что книги и свитки с текстами были её страстью. Все дети в Авингоре, да и вообще во всём Королевстве, посещали школы, в которых были обширные библиотеки, и одна из них стала любимым местом маленькой Аулы.

Ещё в натуре этой малютки было то, что ничто не ускользало от пристального изучающего взгляда её больших голубых глаз. Она подмечала всё на свете — и то, что старшая из сестёр неприкрыто ей завидовала, и то, что под внешним спокойствием и весёлостью её кормилицы скрывалась грусть, которую она читала по глазам. Также она иногда замечала некоторые странности и недомолвки между своими приёмными родителями и пыталась понять, чем они были вызваны.

Аула не ошибалась в своих наблюдениях: в действительности, Алерта, в отличие от дочерей, редко грустила, когда её муж надолго уезжал по важным делам в город или засиживался в гостях. Иногда по вечерам, уже после работ, она уходила в поля или в чащу и там предавалась уединению, общаясь с природой, и говорила, что такой отдых лучше всего восстанавливает её силы. Гио же считал, что его жена всё время очень занята домашней работой или детьми и поэтому не хочет, чтобы ей излишне мешали.

Но в одиннадцатилетнем возрасте её пониманию ещё не были доступны некоторые вещи и тонкости, уловить и понять которые мог лишь взрослый человек. И потому предпочитала допытываться тайн не с помощью догадок или прозрений, а путём наблюдения, которое у неё выражалось во всевозможных подглядываниях и подслушиваниях разговоров в свободное время. Однако чаще всего её попытки за кем-нибудь увязаться, к примеру, за отцом или матерью, мягко, но решительно и внезапно пресекались бдительной няней. Она появлялась совершенно неожиданно, будто прямо из воздуха, и тогда неугомонная Аула начала подозревать, что Эйа умеет исчезать в одном месте и мгновенно появляться в другом, когда ей вздумается.

— Почему она всё время меня пасёт? — жаловалась Аула сёстрам, когда они на другой день сидели на крытой полукруглой террасе дома и творили сложные плетения из гибких волокон струнника. — Я уже не маленькая, неужели она думает, что я могу потеряться в этом лесу или в поле?

— Эйа беспокоится о тебе, — мудро ответила Мелла. — Ведь ты целиком на её совести и она отвечает за тебя головой.

При этом она успевала отгонять от себя и сестры мелких тварей, похожих на чакаутов, но с прозрачными крылышками и длиннющими усами, которые нестерпимо щекотали, когда насекомые садились на не покрытую одеждой кожу.

— Но перед кем она отвечает? Не перед теми же, кого она покинула, когда я была младенцем?

— Она отвечает за тебя перед Богиней Небесного Ока. Ну и, конечно, перед своим народом. Теперь ты понимаешь, почему она беспокоится?

— Понимаю... но мне интересно, куда и зачем уходит мама, когда наступает вечер и отца нет дома?

Мелла усмехнулась.

— Откуда же мне знать? Мама говорит, что любит уединение и общение с природой после целого дня хлопот. Она просто так отдыхает.

— А я заметила, — глаза Аулы как-то по-особенному заблестели. — Когда мама приходит со своего отдыха, она бывает очень добрая и весёлая, но папа на неё обижается, говорит, это не то внимание, которое он бы хотел получить. Что это значит, Мелла?

У старшей сестры от удивления раскрылся рот.

— Откуда ты всего этого набралась, маленькая нахалка? — рассердилась она. — Папа не обижается на маму! А то, что они иногда вздорят, нас с тобой нисколько не касается. И перестань об этом думать. Хочешь, я расскажу тебе сказку?

Трисия, которая до этого сидела совершенно молча на ступеньке и доканчивала панно, внезапно оживилась и придвинулась ближе к сёстрам.

— Расскажи мне тоже! Я люблю сказки!

— Ну хорошо. Я расскажу вам одну очень старую сказку, вернее, легенду, о трёх сёстрах-путешественницах, которые отправились на край света.

Младшие сёстры придвинулись ближе, не отрываясь от увлекательной работы. Мелла смахнула с левого плеча назойливое насекомое, набрала в лёгкие побольше воздуха и начала своё повествование.

— Так вот, слушайте.

У Великого Владыки Мира и Его Божественной Супруги было три дочери. Они были хороши, но особенно прекрасна была младшая дочка, так как была совсем молода и краше

всех. Сёстрам жилось очень хорошо и ладно в прекрасном мире Света и Родительской Любви. Так было до тех пор, пока младшая сестра не узнала по слухам, что живёт где-то на краю света прекрасный светлый Король. И то, что носит тот Король золотую накидку и такую же золотую корону. Это было удивительно, потому что в роду трёх сестёр никогда не носили ничего золотого. У них были бриллиантовые диадемы, а одеяния были белыми, нежно-голубыми или алыми, а корона Владыки мира сияла всеми возможными и невозможными цветами.

Тогда показали бывалые юной принцессе портрет чужестранного Короля, и влюбилась в него принцесса без памяти. Сильно затосковала она и стала просить отца и мать отпустить её в дальнее путешествие на край света, к своему возлюбленному.

Омрачился тогда Владыка мира, и даже разгневался, но не считал достойным для Светлого Властелина запретить непослушное дитя. Загрустила и Его жена, а старшие сёстры не хотели отпустить младшую в опасный путь. Но она не унималась и едва не поссорилась с ними за то, что те не могли не знать о Короле и скрыли от неё правду. И то, что, наверное, король был в беде или в изгнании и потому не мог быть рядом с нею.

Задумались тогда отец и мать и, посоветовавшись, решили отпустить неразумную дочку, снарядив всем необходимым, в долгий и трудный путь до самого края света. Быть может, она дойдёт, встретит своего Короля, будет счастлива и и успокоится. Но отправили не одну, а отправили с ней вместе и её старших мудрых сестёр — вдруг она одна потеряется?

И обратно ждать её не собирались — путь до края света был очень и очень неблизкий.

Путь тот действительно был очень непростым и не близким. Старшая сестра была уже совсем немолода и поэтому, не пройдя и первой половины пути, состарилась и умерла. Её сестры погоревали, поплакали и отправились в путь дальше, но не бросили свою мёртвую старшую сестру, а взяли её с собой.

Вторая сестра была тоже женщиной в годах, и она тоже не дошла до конца — постепенно состарилась и умерла, пройдя вместе с младшей три четверти пути. Тогда младшая сестра осталась одна. Но она не бросила и вторую мёртвую сестру, и вместе с обеими продолжила путь дальше. Она ещё молода и очень красива, но уже почти в конце пути. Она встретится с прекрасным Королём в золоте и покажет ему также тела своих сестёр, чтобы тот знал, что они отправились к нему все вместе.

— Красивая легенда, — сказала Трисия, воодушевившись красноречием сестры. — Но только мне непонятны две вещи.

— И что же тебе непонятно?

— Почему принцесса отправилась в гости к Королю, а не наоборот? И почему у этой сказки нет конца?

— Трисия, там же сказано, что Король был в беде или изгнании, а отважная девушка решила его спасти. И её старшие сёстры были не менее отважными, потому что не бросили её одну. Это может быть очень поучительная сказка для таких разгильдяек, как мы.

Трисия засмеялась, а Аула опустила глаза, ставшие вдруг печальными, и уткнулась в своё плетение.

— Но ты не ответила на ещё один вопрос, Мелла. Почему сказка не закончена?

— Откуда ж мне знать? Мне её в таком виде рассказал дедушка Арис. Наверное, концовку никто ещё не придумал.

Неожиданно Аула встрепенулась и в её глазах, как показалось сёстрам, вспыхнуло совершенно необъяснимое сияние.

— Это ведь легенда! Точнее, предание. Если нет концовки, значит, те сёстры путешествуют до сих пор, но две из них уже мертвы, и...

Трисия снова засмеялась

— Ты что, Аула, хочешь сказать, что эти самые сёстры существуют на самом деле?

— Да, дети в её возрасте очень наивны, — иронично заметила Мелла. — Но давай послушаем, что нам скажет маленькая принцесса Ора.

— Мне кажется, — продолжила Аула, — это легенда о звёздах, а не о людях.

— О звёздах??

Обе старшие сестры вовремя прикусили языки, чтобы не захохотать в один голос. Аула обиженно надула губки.

— Я ведь читаю книги. И про звёзды тоже. И поэтому могу предположить, что это легенда о наших солнцах и ещё об одном, которое нам неизвестно, но о нём тоже написано в рукописи Элистата Меноварского.

— Что? — изумилась Мелла. — Тебе только одиннадцать с половиной, а ты уже читаешь Элистата Меноварского?? Я прочла его только в четырнадцать!

— Рукопись Элистата совсем для меня не сложная, — возразила Аула. — И там написано много интересного.

— А при чём тут сказка про трёх блудных сестёр? — нетерпеливым тоном спросила Трисия. — Он тоже её там упомянул?

— Нет, но он написал, что солнца — это наши Боги и Богини.

— Да, но при чём тут сказка? — вмешалась теперь Мелла. — Где здесь звёзды и где Боги?

Тогда Аула вновь подняла на них большие сияющие глаза. Её как будто всё время распирала изнутри какая-то сила, готовая прорваться наружу яркой вспышкой, если бы ей только дали волю.

— Я думаю, что Небесное Око — это младшая сестра, а то, что вы видим ночью — средняя. Старшую мы не видим, потому что она находится за дневным солнцем. Хотя Элистат писал, что раз в пятьдесят лет оно восходит по вечерам, и я ему почему-то верю.

— Не мудрено, если с таким рвением увлекаться чтением книг всяких умников вроде этого Элистата.

— Очевидная ерунда, — небрежным тоном подхватила Трисия. — Я слышала, что солнце — это раскалённая печка, которую разжигают Боги и подбрасывают угли, чтобы оно не остыло. И возят туда-сюда на колеснице, чтобы оно обогревало весь наш мир. А Око — это потому что... ну просто у кого-то так сыграла фантазия.

Мелла скептически хихикнула.

— Нужно читать книги учёных. Там говорится, что Небесное Око — это не печка и тем более ничьё не око, а огромная звезда, которая болтается в пространстве вселенной и ярко горит, а вокруг неё вертятся разные планеты. Как это — огромный огненный шар может в чьих-то фантазиях превратиться в принцессу, которая ещё и бежит к какому-то глупому королю в золоте? По-моему, вы обе несёте чушь.

— А вот и нет! — обиженно ответила младшая сестра, показывая пальцем на сияющий ярко-белый диск. — В книге Элистата Меноварского по космологии сказано, что Небесное Око — кочующая звезда, вместе со своими спутниками. А в той легенде про трёх сестёр, которые отправились на край света...

— Всё ясно, — оборвала её Трисия. — наша умница хочет нам сказать, что мы все

летим на край света вместе с Небесным Оком, Ночным и ещё каким-то и кучей планет...

— Ну а кто тогда Король? — с той же улыбкой спросила Мелла. — Что это за звезда?

— Давайте дожждёмся ночи, и я покажу вам Короля.

Старшие сёстры переглянулись. Они уже не один раз замечали в малышке Ауле Ора мало свойственное для них самих упрямство и что-то ещё, что они могли бы назвать скрытой силой. Какова была эта непонятная сила, они не могли знать и даже догадываться, однако непонятный блеск в её глазах, странная пронизательность и то, что она говорила им вещи, о которых они даже не думали или не придавали важного значения, их настораживала. Они нехотя согласились просидеть здесь до ночи, чтобы посмотреть, на что способна маленькая нахалка.

Разумеется, они так же не могли догадываться, чем жила и что ощущала сама Аула. Уже много времени, как она стала замечать в себе то, чего не видела и не ощущала в других. Хоть она и любила порой подслушивать и подглядывать за другими, чтобы выведать для себя какую-то очередную тайну, однако это было отнюдь не выведыванием, а лишь попытками подтвердить разные догадки и озарения, которые ей приходили. Ей, к примеру, не нужны были чакауты или другие крылатые почтальоны для того, чтобы получить какую-нибудь новость. Аулаа понимала язык не только чакаутов, но и множества других животных, растений и эфирных существ. Она читала книги и свитки не всегда для того, чтобы получить новые знания или удовлетворить свое любопытство, а порой для того, чтобы убедиться в том, что такой-то автор написал правду, неправду или полуправду. И много чего ещё. При этом она всё время или почти всегда, но больше в дневное время чувствовала, что её как будто что-то распирает изнутри, и не всегда могла заставить себя усидеть на месте. Потому в раннем детстве она была жуткой непоседой и шалуньей, и Алерте вдвоём с Эйа пришлось нарочно учить её сдерживать свои порывы. Какова была эта сила и откуда она взялась, Аула тоже не могла знать и этого не знал никто, однако почему-то думала, что во всём этом виноват дневной свет.

Вернувшиеся вместе с наступившей темнотой взрослые так и не смогли уговорить дочерей пойти ужинать и спать, и вынесли им еду на террасу. Мелла же сбегала в верхние помещения и принесла оттуда громоздкий прибор, который, как она сказала, подарил отцу звездочёт Оррам. Если смотреть в трубу, как он объяснял, ночные светила выглядят намного больше и чётче. Девочки попробовали смотреть в эту трубу с увеличительными кристаллами по очереди. Последней была Аула.

— Я его вижу! — воскликнула она и оторвалась от Оррамова звездоскопа. — Я знаю, что это он!

— Кто? Звёздный Король? — Трисия приложила глаз к кристаллу и принялась вертеть тубус в поисках чего-то ей непонятного.

— Вон он! Смотрите!

Аула указала пальцем на звёздочку в небе в его юго-восточной части, неподалёку от сияющего грустным молочно-белым светом большого диска Энталии. Она была заметной при рассматривании в трубу, но вовсе не такой яркой, как множество других звёзд вокруг, и находилась на довольно пустынном участке ночного неба, покрытом туманной дымкой.

— Как-то скромновато для Короля Звёзд, — усмехнулась Мелла. — Я бы не сомневалась, если бы ты, Аула, нашла в небе звезду хотя бы вдвое ярче этой.

Та повела плечиками.

— Но ведь край света далеко. Видите, там обрывается дымка, похожая на дорогу?

Значит, там край света и есть.

— Ничего такого не вижу, наверное, у меня не такое острое зрение. Но, конечно, вижу там эту посредственную звезду, которую кому-то захотелось поименовать Королём. С чего ты взяла, Аула, что это и есть твой золотой Король?

— Не знаю. Просто что-то мне подсказало, изнутри меня.

Мелла с Трисией переглянулись и встревоженно посмотрели на Аулу, как будто она их изрядно напугала своим последним заявлением — больше, чем всеми предыдущими странностями.

— Ладно, забудем об этом, — сказала Мелла, забирая у них звездоскоп. — Уже давно пора домой, и давайте забудем об этом как о странном сне.

Однако сёстрам не суждено было забыть о странностях маленькой проказницы. Плетясь за ними в дом, она показала им язык, затем повернулась к залитой ночным сиянием холмистой равнине, на которой стояло селение, встряхнулась, воздела руки к небу и уверенным голосом произнесла речь, от которой у Меллы с Трисией подкосились ноги и они «прилипли» к запертой входной двери:

— Я верю Тебе, моя Звёздная Матушка, и только Тебе. Я вырасту такой, какой меня сделаешь Ты, и выполню то, что скажешь мне Ты, даже если бы Ты захотела, чтобы я избавила от зла и невежества весь этот мир. И пусть мои завистники перестанут думать, что они чем-то уступают мне только из-за того, что ты — моя Мать. Я чувствую это.

Глава четвёртая

Увлечшись описаниями подробностей и мелочей жизни юных сестёр, мы, кажется, почти совсем забыли о том, как текла жизнь их родителей — Гио Трейга и Алерты Ахан. По возвращении из дальнего странствия и налаживании жизни в селении (и вообще в Королевстве Аманта) после грабительских нашествий армии злобного правителя из-за моря, супруги целиком погрузились в привычные заботы и часто были слишком заняты разными делами для того, чтобы замечать казавшееся очевидным их беззаботным детям. Гио часто отлучался из селения и разъезжал по всему Королевству по разным надобностям и по долгу службы королю Сильфору, чьи седины и грозный взгляд холодных глаз теперь внушали почтение соседям и трепетный страх — врагам. Алерта часто была занята домашними хлопотами, однако в холодный сезон любила коротать вечера в уютном зале дома возле очага, читая рукописи, которые ей приносили дочери из библиотеки. Зная, что это дело рук «буквоежки» Аулы, женщина умилялась, глядя на эту очаровательную непоседу. Аула уговорила её прочитать все книги мудрецов древней Ориссы и в особенности понравившиеся ей книги Элистата Меноварского, по словам старших сестёр, помешанного на астрологии. В отличие от Меллы и Трисии, Алерте сии труды пришлись по душе и она не уставала приятно удивляться тому, что, как ей казалось, тем было похоже на то, о чем она догадывалась с того самого возраста, в котором сейчас находилась её приёмная дочь или даже полутора годами раньше. В том же самом воодушевлении и в таком же состоянии понимания смысла древних текстов находилась и сама Аула, что не могло, опять же, не вызывать мучительной зависти её старших сестёр.

— Смотри-как ты, — шепнула Мелла Трисии. — Обе сидят и читают эту дребедень. Нам бы с тобой так.

— Да что уж, — ответила та так же тихо. — Мы немножко другие и тебе, наверное, приятнее от того, что о тебе думает Оллсо Део.

Последние два слова Трисия сказала громче обычного, и тогда Мелла предупредительно толкнула её локтем в бок. Действительно, ситуация была не очень выгодная: они подсматривали в дверную щель и, с другой стороны, о дружбе Меллы с младшим сыном осевшего здесь выходца из соседнего селения Малгорен здесь ещё никому не было известно. Она собиралась преподнести отцу и матери приятный сюрприз в день своего наречения.

Но иногда по вечерам Алерта с Аулой не читали. Тогда Аула оставалась в полуосвещенном зале одна, созерцая лиловато-оранжевое пламя большой печи и золотистое сияние негаснущих светильников на стенах. Иногда к ней присоединялась Эя, бывшая здесь теперь и нянькой, и усердной помощницей по дому, и хранительницей ключей от всех амбаров и потайных мест дома. Тогда до самой ночи продолжались их неторопливые в месте с тем непринуждённые разговоры обо всём на свете. Эя была прекрасной подругой и хорошей наставницей по жизни, и Аула не чувствовала себя рядом с ней ущемлённой и скованной, как это бывало в школе, где учителя часто показывали своё действительное или мнимое превосходство над учениками. Хозяйка же в это время удалялась к себе, посвящая свободное время шитью, рукоделию или ведению дневников, куда записывала всё, что приходило ей в голову.

Её внутренняя жизнь отнюдь не была такой же правильной, размеренной и гармоничной, как внешняя, которую видели другие. Каковы были движения и завихрения

тайных вод её души, переживания и помыслы, не мог видеть и чувствовать никто, кроме неё самой, поскольку она очень умело скрывала от всех свои истинные чувства и мысли.

Не стоит, однако, думать, что тайные стенания души Алерты, желания и угрызения совести были вызваны неким преступным или просто предательским деянием или намерением совершить таковое. Как бы ни думал читатель, она ни разу так и не воспользовалась подаренным ей некогда шансом. Поначалу Алерта, борясь с одолевавшим её искушением, перестала носить на шее злополучный камень, который ей не терпелось втайне от мужа потереть пальцем и вызвать на встречу того, кто его ей подарил. Хотя, даже если она этого и не делала, то будто бы слышала низкий, завораживающий голос предводителя чужого ей племени полулюдей-полудраконов и даже ощущала его незримое присутствие. Оно было, скорее, просто дружеским, однако в душе у Алерты зрело нечто иное, что очень её пугало.

В конце концов, она рассказала обо всём Гио, и вместе они решили спрятать злополучный камень-портал так, чтобы до него нельзя было легко добраться. Драгоценная реликвия была помещена в шкатулку из кварца с замком из чёрного металла, заперта на ключ и отвезена в храм в центре ближайшего города Оттари. Добраться до самого города и храма не составляло труда, однако семейная реликвия была отдана на хранение стражу, который славился на всю округу своим суровым нравом и неподкупностью. Это был не кто иной как жрец Ассирус, который во время нашествия Паллиэна не сказал под пытками ни слова только потому, что намеренно залил себе в рот едкую жидкость, от которой язык на довольно долгое время распухал и переставал двигаться. Решив, что пойманный монах немой, рассвирепевшие палачи отпустили его, избив напоследок до полусмерти, и убили местных предателей, которые сообщили им о том, что он знаток всех государственных тайн Королевского Союза. И вот этому-то человеку, умолчавшему затем даже о своём двухтриадном пребывании в Тетрагоне Целителей после экзекуции, Гио с Алертой решили доверить свою семейную тайну, зная наверняка, что тот никому не разболтает и не купится даже на слёзные мольбы самой владелицы. Дав слово, Ассирус никогда его не нарушал.

Казалось бы, гроза миновала, таинственный призрак больше никого не посещал в тихом Авингоре, однако жизненному потоку Гио с Алертой увы, более не суждено было вернуться в прежнее русло. Однако, решив забить печали разными заботами, они надеялись отвлечь себя от тягостных мыслей и душевных терзаний, которые постепенно и коварно подтачивали их силы.

Последнее же время, зимой, когда Гио отлучался на много дней по государственной службе или по поиску покупателей избытков урожая, тоска Алерты всё чётче оставляла свои следы на её прекрасном лице. Аула и Эйа порой замечали её покрасневшие глаза с распухшими веками и дорожки от слёз, но до некоторой поры хранили молчание.

— Всё же меня это тревожит, — однажды сказала Эйа, оторвавшись от усердного натирания воском дорогих столовых приборов и передавая резной серебряный стакан Ауле. — Может, спросим у матушки, что с ней происходит? Или ты, Аула, догадываешься сама?

— А могу ли я вмешиваться? — ответила та вопросом на вопрос. — Конечно, всем бывает тяжело.

В это время, когда происходил этот разговор, Аула уже не была маленькой непоседливой егзой, а постепенно превращалась в прекрасную стройную девушку, которой годиков через шесть-семь уже можно будет подыскивать жениха. Её глаза, большие и на

редкость красивые, сияли небесной голубизной, оттеняя ею матовую бледность лица и подчеркивая изящество черт, фигура постепенно становилась всё более женственной, голос — всё более уверенным, бархатистым и певучим, и уроженка юго-западных гор не могла никак нарадоваться на свою подопечную. Однако последнее время тревога за Алерту Ахан превысила степень восхищения её приёмной дочерью.

— Я могу только догадываться, от чего она плачет, когда запирается в комнате, — продолжала Эйа. — Но не всегда могу высказывать догадки вслух. Она никогда не говорила, что Гио её обижает или обделяет любовью.

— Отец не виноват, — с неожиданной резкостью сказала Аула, вскинув на неё пронзительный взгляд. — Моё сердце мне говорит... моя сила в сердце говорит мне...

Она запнулась.

— Продолжай, Аула... что говорит тебе твоя сила в сердце?

— То, что мама не завершила или просто не сделала то, что хотела, и очень от этого страдает. И мы не знаем, как ей помочь, а если знаем, то не должны вмешиваться. Мне кажется, об этом знают они оба и могут разобраться сами. Вот только пусть приедет отец.

— В свои четырнадцать ты мудра не по годам, — заметила Эйа. — Но я боюсь, как бы она не сделала чего-нибудь ужасного, пока не вернулся хозяин.

Однако ничего ужасного, вопреки её опасениям, не произошло. Тоска Алерты после возвращения Гио прошла очень быстро и бесследно и сменилась бурной радостью, словно она не видела мужа не двадцать семь дней, а несколько годов. Поэтому Эйа и Аула решили, что Алерта тосковала по мужу. Старшая их дочь тут же уехала в пансион в Оттари, где была приглашена в наставницы для молодых девушек-горожанок, и до её именин с намеченным «сюрпризом» было ещё далеко.

— Вижу, ты по мне скучала, — догадался и сам Гио, целуя и слегка отстраняя повисшую а нём супругу, которая могла оцарапать нежные руки и шею о его шипастый камзол. — Пойдём в дом.

Эйа и Аула тем временем накрыли стол, достав из погребов сушёные фрукты с ароматным маслом и амброзией, пюре из лесных кореньев цветочный сироп и прочие угощения, и поставив посредине стряпню. Вечер прошёл в приятной беседе, и после этого, когда все разошлись каждый по своим делам и заботам, Алерта потянула Гио к себе за рукав и шепнула ему на ухо:

— Ты дашь мне ненадолго ключ?

Гио отстранился и внимательно посмотрел на жену. В её глазах вспыхивали озорные лиловатые огоньки, и он начал тревожиться.

— Все ключи от амбаров у Эйа, — ответил он так же тихо. — Попроси у неё.

— Но я прошу не от амбаров. Я говорю о том самом ключе, который... ты же знаешь...

Гио, нахмурившись, посмотрел на очаг, в котором неожиданно высоко вверх взметнулось пламя — от его ли напряжённого взгляда или от чего-то ещё, обоим было неясно.

— Чего я могу знать из того, чего я не знаю?

Внезапно выражение его лица стало суровым и жёстким. Подойдя к уютно сидевшей на пуфике жене, Гио заставил её встать и потряс за плечи.

Та сверкнула на него явственными лиловатыми огоньками в глазах. Это было для него не совсем понятным: когда Алерта говорила о любви, её глаза, казалось, излучали нежно-розовый свет, о страсти — красный, когда гневалась — багровый, когда была спокойна —

нежно-голубой... Даже когда она врачевала, глаза её приобретали светло-зелёный оттенок. Но это почудившееся Гио бледно-лиловое сияние было для него загадкой.

— Зачем тебе нужен этот ключ?

Алерта молчала, поджав губы. Гио отпустил её и отошёл на расстояние двух вытянутых рук, ближе к очагу, в котором с необычной яростью металось пламя. Он наверняка ничего не видел, зато Алерте на несколько мгновений показалось, что с дальней стороны очага стояла призрачная фигура — слишком характерная, чтобы её не заметить.

Лиловое пламя вырвалось из её глаз и рассеялось в воздухе.

— О, Алерта, теперь я знаю, — похолодевшим голосом сказал Гио, и каждое его слово отражалось по стенам дома непривычным эхом, словно они были в просторной каменной пещере. — Я был дураком, когда думал, что спрятать проклятый амулет в храме значит избавиться от этой напасти. Эйхан Тэрт оказался хитрее, чем мы полагали. Он настолько опутал твою душу и сердце своими незримыми путями и забрал их себе, что это стало грозить нам обоим. Я не воин, радость моя, но готов сразиться с этим мерзавцем в поединке, если он убьёт меня, то знай, что я положил свою жизнь за любовь, честь и священный кровный союз!

— Не смей! — испуганно закричала Алерта, топнув ногой и нечаянно наступив на полу длинного тёмно-зелёного хитона. — Он маг, поэтому не станет биться с тобой на мечах и стрелять из лука. Я должна сама встретиться с ним и всё выяснить. Не беспокойся, он не причинит мне вреда.

— Конечно, потому что уже причинил, — пробурчал Гио и повернулся к огню. Таинственная крылатая фигура исчезла прежде, чем он успел заметить её присутствие.

— Когда будешь в храме в Оттари, не забудь передать привет Ассирусу и его будущему преемнику.

Он сорвал со своей груди верёвку, на которой висел маленький серебряный ключ, и швырнул на пол перед Алертой. Та подняла заветную вещицу и прижала к губам, а Гио с презрительным видом покинул гостиный зал через парадную дверь.

Только человек, ничего не знающий о характерах и нравах обитателей этого семейства, мог бы подумать, что сцена, произошедшая между хозяевами дома, осталась ни для кого не замеченной. Конечно, Мелла не могла этого видеть, однако Аула, Трисия и Эя, пока шёл этот разговор, намертво прилипли к щели между створками двери, ведущей из зала в спальню хранительницы ключей. Когда же Гио решительно покинул зал, а Алерта стала медленно подниматься по винтовой лестнице наверх, в свою спальню, все три отпрянули от двери и плюхнулись на широкий, немного продавленный посредине лежак.

— Вот это да! — выпучив глаза и вращая в воздухе руками, затараторила Трисия. — Ну вы же видели? Мама метала глазами молнии — когда-нибудь такое бывало?

Эя ласково погладила молодую девушку по растрепанным волосам и приобняла левым крылом.

— Всякое бывает, детка. Но ты сказала только о том, что она метала молнии, значит, тебя не взволновало другое — причина этого?

Трисия усмехнулась. За всё время жизни в Авингоре дочь гордого племени Голубых гор очень неплохо освоила амантийское наречие и выговор, однако её всё ещё слегка смущал приглушённый акцент с сильным придыханием и свистящими нотками.

— А чему удивляться? Судя по тому, что иногда говорит наша Аула, отец должен был рано или поздно узнать секрет какого-то камня...

Эйа встрепелулась.

— Ради Ока Богини, тише! Тут никого нет, но мало ли что...

— Чего ты боишься, Эйа? Того, что сейчас скажет Аула?

Она отстранилась от крылатой няньки и внимательно посмотрела на свою приёмную сестру. Та сидела тихо, отвернувшись от них, приглаживая длинные пряди волос и вперив глаза в сводчатые арки комнатных перегородок, но, как только повторно прозвучало её имя, обернулась.

— А что я могу сказать? Только то, что призрак, бродящий вокруг Авингора и этого дома и заглядывающий сюда, тоже ждёт того, чем всё это кончится. Маме очень нужно поехать в тот храм, но я чувствую, что и мне нужно поехать туда с ней.

Трисия недоуменно заморгала, а Эйа теперь обратила всё своё внимание на свою любимицу, прижав её к себе и обняв другим крылом.

— Почему ты так решила, деточка? — спросила она. — В чём тебе нужно развязаться с предводителем моего народа?

— С предводителем? О нет, Эйа, не с ним, я не знаю его, хотя с удовольствием бы с ним познакомилась. Но моё сердце чувствует, что именно завтра я встречу там того, кто виделся мне во снах в ночи Двойного Полнолуния.

— И кто он? — вновь оживилась Трисия. — Не тот ли молокосос-южанин, которого старый жрец готовит в свои преемники?

— Прекрати свои оскорбления, Трисия! — неожиданно резко одёрнула её Эйа и, не очень ловко повернувшись, слегка оцарапала ей плечо острым шипом своего крыла.

Та резко отвернулась и гневно потёрла красноватый след.

— Прости, — прощепетала Эйа и слегка провела указательным пальцем правой руки по нежной коже — след почти исчез. — Но тебе не следует бросаться словами. Я знаю этого мальчика и увидела бы его теперь большим, если бы меня пустили хоть раз в храм.

— Я не стану спрашивать, где и когда ты могла знать этого мальчишку, — обиженно буркнула Трисия. — Но мне кажется, если он будущий жрец главного храма в Оттари, то нашей принцессе там ловить нечего. Жрецы не создают семьи.

Аула осторожно высвободилась из объятий няньки и посмотрела большими грустными глазами на сестру.

— Я не знаю, о ком вы говорите, но мне иногда снились сны про одного красивого юношу, который не был по крови амантийцем, но жил в Оттари в Храме Владыки Мира. В последнем сне я видела, как он, став взрослым, отказался быть жрецом.

— Отказался? Ради чего?

— Ради меня, — с гордостью проговорила Аула и показала сестре язык.

— Это всего лишь сны, Аула, — с ехидцей ответила та, за что снова увидела высунутый язык, теперь ещё и с прищуренными глазами.

— Маленькая хулиганка, — Эйа слегка потрепала Аулу по плечу, заметив при этом, что оно стало немного полнее, чем обычно.

И подумала, что ещё совсем немного, всего четыре-пять циклов Небесного Ока, и пора будет искать девочке жениха, а она всё дерзит и ведёт себя по-детски. Хотя это не было удивительным: дерзкими были и Мелла, и Трисия, и одна из них уже, тайно и ни с кем не советуясь, нашла себе пару.

Поездка в оттарийский храм, которым заведовал старый Ассирус, действительно была назначена на завтрашний день. Гио Трейга с утра был невесел, однако его дружно заверили,

что его жена вернётся гораздо более счастливой, когда освободится от тяготящих её тайных чар, и тогда он, приободрившись, удалился по своим делам. Обнимать Алерту он не стал, так как знал, что сейчас его внимание было нужно ей меньше всего.

Ауле пришлось постараться, чтобы уговорить Алерту взять её с собой, и при том без няньки. Разумеется, она не сказала ей ни слова про свои странные сновидения и намерение познакомиться с учеником Ассируса. Тем более, она не была уверена в том, что встретит именно того юношу, которого видела в своих снах в ночи Двойного Полнолуния, которые были один раз в сезон. Трисия могла оказаться права, однако нужно было убедиться в этом своими глазами.

Матери же Аула сказала, что ей больше всего необходимо увидеть лики Владыки Мира и Его Дочерей, и это даст ей ответы на многое, что ее тревожило.

Для поездки управительный Совет Авингора выдал им одну из самых красивых зимних повозок, которые использовались для поездок в соседние города, в храмы и на праздники. Это было далеко не то «корыто», которое чаще всего доставалось Гио вместе с ленивыми и невзрачными двалифами для его деловых путешествий. Два явно нездешних зверя, запряженных в сани, похожие по форме на туловище птицы пестрокрыла, с тройными полозьями, смазанными горным маслом, были золотисто-древесной масти и не очень похожи на обычных деревенских двалифов. К тому же бесполезных крыльев у них не было. Смотритель оказался новым человеком в Авингоре, приехавшим из Оттари и привезшим с собой целую партию нового транспорта и ездовых животных, называемых монхорами. Жители селения настолько этому обрадовались, что желающих прокатиться было больше, чем он мог себе вообразить, и вокруг заведения выстраивались целые очереди. К счастью для наших героев, они успели с раннего утра, едва только над низким горизонтом показались первые лучи дневного солнца, затмив собой ночные звезды и медленно бледнеющий розоватый диск Ацеры, упросить Совет позволить им поехать в Оттари раньше, чем открывалось само разъездное заведение.

Утренний снег, сияя ослепительным серебром, падал мягкими звездами, покрывая всё пушистым белым ковром. Зимы в Аманте и дружественных ей Королевствах были мягкими, довольно тёплыми, но многоснежными, поэтому всё вокруг было белым-бело и искрилось яркими разноцветными звёздочками.

Женщина в тёплой двойной накидке из плотно сплетённого пуха ветренника, крашенного в темно-фиолетовый цвет, и девочка-подросток в таком же одеянии, только небесно-голубого цвета, под цвет её глаз, разместились в новенькой повозке. Возницей был рослый детина с голубоватым цветом кожи, длиннющими светло-русыми волосами, скуластым лицом и удлинённо-раскосыми глазами бледно-янтарного цвета, выдававшими в нем потомка некогда застрявшей в Огненных горах дзингианской экспедиции. Он был в простом жилете, подбитом шерстью хищного полудикого отра, обнаженные мускулистые руки были стянуты в плечах узорчатыми тесёмками, и такая же, только вдвое шире, тесёмка перетягивала его голову поверх волос. Видно было, что он, так же как и его знаменитые предки, не боялся ни жары, ни холода. Настоящего имени этого существа здесь никто не знал, разве что сам он называл себя Дэбо и предпочитал изъясняться на языке своих предков, заставляя всех остальных понимать его чуть ли не с полуслова.

— Солис куанта ин тара! — прокричал Дэбо, взгромоздившись на предназначенное для него сиденье, повернувшись к пассажиркам и улыбнувшись той самой улыбкой, о которой можно было сказать примерно следующее: «Вы сами напросились». Однако сказанное им,

насколько это знала Алерта, означало всего лишь «Благословений нам в пути», поэтому подобие страха мелькнуло только в глазах не понявшей этих слов юной Аулы Ора.

— Какой суровый этот возница... что он сказал?

Алерта обняла её и засмеялась.

— Дэбо всегда такой, но не нужно его бояться. Он мастер гонок и перевозок и поэтому знает своё дело.

— Но он выглядит таким свирепым и так смотрит... Или я его просто не знаю?

— Просто не знаешь и ни разу ещё с ним никуда не ездила. Дэбо вовсе не злой, но не любит, когда ему мешают в его деле. Поэтому, будь добра, не отвлекай его...

Она не успела договорить. Возница, пристегнув себя широким ремнем к сиденью и натянув длинные ременные вожжи, что-то прокричал ещё пару раз, ударил руками сверху вниз, и тогда металлические полозья, скрипнув, зашелестели по заснеженной дороге, уходящей далеко за пределы селения. Ехали довольно быстро, как будто боясь успеть на важное празднество или же на суд, однако Дэбо вёл монхоров очень уверенно, не позволяя им самовольно сворачивать ни вправо, ни влево. Примерно на середине пути неожиданно поднялся сильный ветер, подняв снежную пелену и закручивая её спиральными вихрями, и тогда наши путешественницы, причитая и слегка препираясь между собой, едва нашли в сложном устройстве саней защитный зонт и закрылись им от разбушевавшейся стихии. Несчастный же Дэбо остался с ней наедине, едва успев накинуть на себя просторное тёплое покрывало.

Глава пятая

Внезапно разыгравшаяся буря испортила весь путь, и до Оттари они добрались лишь ко второй половине дня. Взмыленные животные жалобно завывали, и поэтому Дэбо пришлось как можно скорее отправиться в ближайшую скотоводческую лавку за кормом — мешанкой из питательных зерен и сушеных сладких плодов. Сам он был утомлён не меньше монхоров и промок насквозь, однако выносливое тело и дух дзингианина легко перенесли эту пытку.

— Я знаю, где тут можно безвозмездно помыться и недорого поесть, — сказал он на ломаном амантийском. — И вы хорошо знаете дорогу до храма. Этобе райн, сванта!

Алерта с Аулой одобрительно кивнули, хотя последней фразы, конечно, не поняли. Конечно, он имел в виду заезжий двор с гостиницей, где встречали приезжих, кормили, мыли и караулили их транспорт, однако на этот раз такая честь светила только возникшему, а им нужно было поторопиться.

Храм Владыки Мира находился на другой окраине большого города, довольно далеко от того места, куда они приехали. Поэтому путешественницам пришлось воспользоваться воздушным транспортом горожан. Чем или кем управлялся длинный надутый пузырь с прицепленной под ним крытой колесницей, по бокам которой находились скрипучие рулевые крылья, сказать было сложно, однако поездка на этой чудовищной машине показалась им куда более приятной и удобной, чем на роскошных деревянных санках в снежную бурю, даже управляемую хвалёным возникшим Дэбо.

Полет был недолгим. Описав почетный круг над дальней окраиной Оттари, которая отличалась от остального города более древним стилем застройки, обилием узких улочек и величественных зданий, среди которых было немало духовных заведений и светских семинарий для обучения молодых парней и девушек, воздушный корабль приземлился на ровную квадратную деревянную площадку, от которой во все стороны отходили каменные ступени. Путешественницы из Авингора чувствовали лёгкое головокружение, однако они уже далеко не первый раз добирались до этого места подобным образом, и потому знали, что им делать. Рассчитавшись с городским возчиком и постояв немного на площадке, они осторожно, подбирая подошвы, спустились вниз и побрели в направлении огромного монументального здания пирамидальной формы, с высокими шпилями и колоннами, выстроенного из тщательно обтесанного гранита вперемешку с узорчатыми деревянными конструкциями и вкраплениями драгоценных минералов.

Массивная дверь из камня, дерева и золота была приоткрыта. Алерте не терпелось проникнуть внутрь, пересечь парадный зал и войти в священную обитель Богов — Основателей мира Элайи, где главный жрец хранил в своём тайнике ценную для неё реликвию, которая, в свою очередь, никакого отношения к храму и местной религии не имела (сходство удивительным образом было лишь в том, что жители Голубых гор, по чьей-то счастливой воле, поклонялись младшей из Дочерей Владыки Мира, символизировавшей Небесное Око, и их ритуалы были чем-то схожи с амантийскими). Однако замешкалась на пороге и долго не решалась его переступить.

— Ну что же ты, матушка? — спросила её Аула, взявшись за ручку одной из створок входной двери храма. — Не ты ли сама решила прийти сюда?

— Ты права, Аула, но нам придётся иметь дело со старым неподкупным жрецом, который не выдавал врагам тайны даже под чудовищными пытками. Он устроит нам

настоящий допрос и наотрез откажется исполнить мою просьбу. И потом ещё всё передаст моему мужу, хотя Гио и так всё знает. Что нам делать?

Аула призадумалась, потом её глаза блеснули.

— Да, я слышала, что Ассирус неумолим, но он не каждый раз бывает в храме. Нам повезёт, если сегодня здесь окажется только его ученик.

— Будущий преемник? Но он очень рискует, если пойдет на нарушение наложенного запрета. Могу ли я подвести парня под удар?

— Но ведь... ему уже должно быть годов семнадцать или почти восемнадцать. Он может схитрить и ничего не рассказать Ассирусу. А тот, думаю, вряд ли полезет в шкапулку смотреть, что там, если ключ будет у тебя. Пойдём в храм!

— Но если там окажется сам главный жрец... или ещё кто-то, кто может рассказать.

— Боги нам помогут, мама, если мы их хорошо об этом попросим. Пойдём!

Алерта, конечно, не была уверена в том, что Высшие Боги могут помогать людям в таком совсем не божественном деле, как кража драгоценности, доверенной жрецу Ассирусу, а значит, и самим Богам, лики которых высечены из камня над входом и во внутреннем зале храма. Сам Владыка мира и Его Супругой и свитой, казалось, взирали на мир через эти лики, а три прекрасные Богини на переднем плане, протянув вперёд нежные руки из белого мрамора, казалось, умоляли людей остановиться и прекратить делать зло в сотворённых Ими мирах.

Однако изваянные из мрамора Богини не могли остановить упрямых дочерей Элайи, и те, поколебавшись ещё немного, беспрепятственно вошли во внешний зал храма. Там было прохладно, светло и на удивление безлюдно. Исключение составляли лишь около десятка двуполых монахов, которые жили в храме и содержали его в надлежащем порядке, и несколько прекрасных жриц. Все они почтительно поклонились вошедшим, стоя вдоль двух рядов массивных колонн, и затем две красивые девушки со светильниками и звенящими колокольчиками в руках проводили их по ярко-зелёной ковровой дорожке до входа во внутренний зал, где их ждало главное испытание — разговор с суровым Главным жрецом или его будущим преемником.

Когда створки внутренних врат сами не спеша раздвинулись в стороны, Алерта с Аулой вошли в менее просторное, но величественно украшенное помещение из белого мрамора, гранита и кварца, освещенное солнцем, падавшим в проемы лепесткообразных окон и «вечными» светильниками в форме причудливых кустов или огненных струй. Эти окна и светильники, однако, в полдень не затмевали дневной солнечный луч, падавший через застекленное окно в самом верху купола (изнутри крыла была не пирамидальной, а куполообразной) на небольшой каменный стол, посередине которого стояла массивная золотая чаша со светящейся огненной жидкостью. Но сейчас время уже давно перевалило за полдень и луч Небесного Ока уже не падал в чашу, превращая жидкость в столб огня, который поднимался до самого верха, высвечивая лики Богов, Богинь и их свиты на стенах зала.

В этом зале сейчас не было никого, кроме вошедших «паломниц», которые со страхом и нарастающим напряжением ждали появления хозяина храма, вернее, одного из этих хозяев. Огонь светильников и загадочная жидкая субстанция в чаше двигались, создавая впечатление чьего-то присутствия в полной тишине, прерываемой лишь звуками падающей воды в небольших фонтанах вдоль стен зала.

— Наверное, тут никого нет, — шепотом сказала Алерта, стараясь не нарушить

величественной храмовой тишины. — Напрасно мы сюда пришли.

— Подождём ещё немножко, — как можно тише ответила приёмная дочь. — Моё сердце и сила внутри говорят мне, что мы не одни.

— Верно, не одни. С нами Боги... но о какой силе ты опять мне говоришь?

Аула не успела ответить. Неожиданно для них в тяжёлом темно-красном занавесе позади столика с чашей жидкого пламени образовалась щель, из которой к ним вышел...

Это бы вовсе не Ассирус. Перед ними стоял ещё совсем молодой и очень красивый юноша в алой накидке поверх золотисто-серебристого одеяния, с волнистыми волосами цвета горной смолы, перехваченные по линии лба широкой золотистой ленточкой и спадающие ему на плечи и лопатки. Его кожа была несколько смугловатой для амантийца, глаза и брови — почти чёрными, кроме того, над верхней губой юного жреца пробивался тёмный пушок. Внешний вид и разрез глаз юноши выдавали в нём жителя какого-нибудь из Юго-Восточных Королевств, который никакого отношения к вере амантийцев иметь не мог. Однако для Алерты Ахан, которая не раз уже видела здесь этого паренька, он уже представлял собой ничего удивительного и загадочного, чего нельзя было сказать об Ауле, вперившей в него прекрасные голубые глаза, как в некую диковину.

Алерта вздохнула с облегчением — уж кого-кого, а этого юнца она сумеет уговорить, если он, конечно, не был подвергнут пыткам ради выживания государственных тайн, как его наставник.

— Рад приветствовать вас в обители Творцов мира Элайи, — улыбнувшись, сказал юный жрец. — С какими намерениями и чувствами вы сюда пришли, такова и будет воля наших Богов и Богинь.

— Рада приветствовать тебя, юный служитель Богов и Богинь, — ответно поприветствовала его Алерта. — Мы чтим наших великих Творцов и держателей нашего мира, но не прогневаются ли Они, если узнают о том, с чем и зачем я пришла в Их священную обитель?

— Боги наперёд знают наши мысли, чувства и намерения, — ответил ученик Ассируса таким голосом и с таким взором, от которых у обеих по коже пробежали мурашки. — Каковы бы они ни были, если бы они были противны Богам, вы бы не добрались до внутреннего зала этого храма. Но раз Боги впустили вас сюда, тогда вы можете смело говорить о своих намерениях.

По телу Алерты пробежала странная волна. Её намерение не было богопротивным! Она может говорить о нём этому наивному юноше и тот не станет её за это осуждать! Что это тогда могло быть, коли не милость Богов?

— Мне стыдно признаться, юный Этт Мор... но я пришла забрать отсюда то, что мне не следует забирать. Я пришла, чтобы забрать это из сокровищницы главного жреца этого храма, но сейчас его нет, а прося тебя отдать мне эту вещь, я краду её у Ассируса. Боги покарают меня за это?

Молодой жрец задумался, а Аула, продолжая им восхищаться, теперь не переставала в своих мыслях повторять имя, только услышанное из уст её матери. Этт Мор, Этт Мор... Это имя, как инородное тело, или, точнее, как покрытое крючковатыми шипами семя звёздочника, намертво вцепилось в её сознание и душу. И тогда её очень стало любопытно узнать, что из себя представляет ученик главного жреца храма и откуда вообще он здесь взялся, поскольку его имя и весь внешний вид выдавали нездешнее происхождение.

Юноша улыбнулся, но в то же время в его тёмных глазах отразилось подобие грусти.

— Я не могу знать, о чём говорит почтенная женщина, — сказал он. — Если она говорит о священной реликвии храма, о даре, вещи, отданной на сохранение или имущество жрецов, тогда она намерена совершить деяние, за которое её будут судить люди, Боги и её совесть.

Алерта вздрогнула, но затем приободрилась, узнав, что её замысел отличается от тех кощунственных деяний, который только что перечислил Этт Мор.

— Вещь, которую я намерена забрать, принадлежит мне. Я отдала её на временное сохранение главному жрецу. То есть, это сделали я и мой муж, и мы сами попросили Ассируса не отдавать нам её обратно. А теперь я пришла просить её обратно, но Ассируса здесь нет, а значит...

Будущий приемник главного жреца усмехнулся.

— Так с чего почтенная женщина... которая даже не назвала своего имени...

— Моё имя Алерта Ахан, — перебив, вставила женщина.

Наступила недолгая пауза, затем Этт продолжал:

— Так с чего почтенная госпожа Алерта Ахан думает, что она пришла что-то украсть? Вещь, отданная на сохранение в храм, находится под присмотром Богов и их служителей, но не перестаёт от этого быть имуществом своего владельца. Поэтому, если вы пришли забрать то, что вам принадлежит, это не будет воровством, если вы только не подарили или не пожертвовали своё имущество храму.

Алерта просияла и достала маленький ключ.

— Тогда, — сказала она не без трепета, — принеси мне шкатулку из кварца, которая хранится в тайнике твоего наставника. — Если это не будет воровством с твоей стороны, за которое Ассирус тебя накажет.

— Ассирус накажет меня, если узнает, — внезапно вспыхнув, ответил Этт Мор. — В особенности если я ему солгу. И ещё буду наказан Богами. Вам точно нужна эта шкатулка?

В воздухе повисла неловкая тишина. Действительно, что ждёт несчастного парня, если старый жрец обнаружит пропажу? Но смятение Алерты тут же прошло, едва она взглянула на ключ, который держала в правой руке.

— Видишь этот ключ? Принеси мне шкатулку, я достану из неё то, за чем пришла, а потом отнеси её обратно. Ассирус ничего не заметит, если ты поставишь её точно так же, как она стоит сейчас. И тогда тебе даже не придётся обманывать старого жреца. А Боги... если бы они были против, то вообще не пустили бы нас с Аулой в этот храм.

— Скорее бы не выпустили вас обратно. Но я не увидел, чтобы над вашими головами и моей сгустились тучи. Значит, Боги не гnevаются, а Ассирус точно ничего не узнает.

Он странным образом покосился на стоявшую рядом с ней Аулу, ринулся к противоположной стене и исчез за занавеской, где, как догадались наши посетительницы, находился тайник. Алерта и Аула огляделись по сторонам, стараясь дышать как можно тише, хотя во внутреннем помещении храма сейчас никого не было. Когда же юный жрец появился снова, двигаясь осторожно и плавно, как дикий кот, в его руках был искрящийся в мерцании светильников небольшой восьмигранный ларчик из отшлифованного кристаллического кварца.

— В тайнике была только одна кварцевая шкатулка, — сказал он, подойдя к женщине и девочке. — Надеюсь, она ваша.

— Да, я её помню, — раздался серебристый голосок Аулы. — Это мамина шкатулка, она всегда стояла на её полке над изголовьем.

— Благодарю тебя, добрый юноша, — сердечным тоном, поднеся правую руку с ключом к своему сердцу, ответила ему Алерта. Затем она переложила ключ в свою левую руку, а правой с особым трепетом в душе приняла драгоценную вещицу.

— Да благословит вас Владыка Мира, — полушёпотом произнёс Этт Мор и замер в ожидании.

Он наблюдал, как, лихорадочно сверкая глазами и порой выпуская ими разноцветные молнии (что бывало с людьми, по его наблюдениям, только когда они бывали очень возбуждены, встревожены или в состоянии слишком бурной радости), Алерта поставила шкатулку на невысокий столик, на который, по обыкновению, во время церемоний клали раскрытую Книгу Созидания или, во время других церемоний, ставили малую чашу со священным огнём. Силясь унять дрожь в руках и лихорадочное пламя в душе, она с трудом вставила ключ в замок и три раза повернула его влево. Едва только крышка ларчика оказалась не заперта, женщина откинула её без особых церемоний и схватила лежавший на дне камень, переливавшийся в тусклом свете самыми немислимыми оттенками.

— Благодарю, благодарю, благодарю вас... Боги и Богини, сотворившие мир Элайи и все другие миры, согреваемые животворящим светом Небесного Ока! Вы слышали меня, слышали, слышали! Услышали...

Она ринулась из внутреннего зала во внешний и скрылась за ближайшей колонной. Аула хотела броситься вслед за ней, но оказавшийся более проворным молодой хранитель местных сокровищ опередил её и преградил путь.

— Постой! Я знаю, кто ты, нам нужно...

— Нет, нет! — запротестовала Аула. — Я не могу здесь задерживаться, меня ждёт мама. Если ты не выпустишь меня отсюда, я буду кричать, твой наставник всё узнает и накажет тебя!

Она с силой толкнула его обеими руками — в ответ Этт схватил её за запястья и вместе с нею привалился к массивной колонне. Аула побледнела, не найдя в себе сил для дальнейшей борьбы.

— Выслушай меня, пожалуйста, быстро заговорил он. — Нам нужно помочь госпоже Алерте и её другу, пока не слишком поздно. Но ты дрожишь от страха, я вижу...

Он ласково посмотрел в ясные глаза уроженки далёкой страны, которые она тут же зажмурила и, усмехнувшись про себя, ослабил хватку.

— Наверное, закончим на этом, Этт Мор? — предложила Аула, вновь посмотрев на него. — Я совершенно не понимаю, чего ты хочешь, и мне не нравится, что ты делаешь. Это недостойно ученика Ассируса...

В этот момент в полутёмном зале послышались шаги. Этт предупредительно зажал ей рот свободной рукой. Аула вспомнила одну из своих детских шалостей и пребольно укусила его за палец. Тогда Этт, поморщившись, но продолжая хранить молчание, чтобы не привлечь ненужного внимания других жрецов, применил один из старых приёмов, которые чаще всего используют для успокоения перепуганных детей: глядя девушке в глаза, мысленно передавал ей слова о том, что ей ничто не угрожает, она находится в полной безопасности под неусыпным любящим взором Богов и Богинь. Он поднял руки и стал медленно, осторожно водить ими вдоль висков своей «пленницы» вверх, вниз и над её головой, продолжая пристально смотреть ей в глаза. Теперь Аула была свободна физически, однако ей больше не хотелось бежать вдогонку за своей приёмной матерью и подглядывать за ней. Она словно оказалась накрепко схвачена и связана нитями невидимой, но ощущаемой силы магнетизма,

имеющей мало общего с силой Внутренней Сердечной Сути, которая заполняла порой внутренний мир Аулы, и гораздо больше относившейся к магии.

— Хочешь узнать тайну? — спросил он вполголоса. — Для этого не нужно шпионить в открытую. Закрой глаза и взглядишь в пространство, которое ты увидишь.

Аула совершенно спокойно и почти с радостью повиновалась.

Едва Алерта юркнула за ближайшую из многочисленных колонн обширного и прохладного внешнего зала, скрываясь от любопытных глаз храмовых стражей, она, наконец, осмелилась разжать руку с зажатым в ней камнем. Драгоценный кристалл в изящной оправе манил сильнее всего золота, серебра и алмазов, привозимых из богатых южных стран для украшения дворцов и храмов Аманты и соседних с нею Союзных Королевств. Ни одно из украшений, которые ей дарили родственники мужа в день их свадьбы, или которые она видела в убранстве коронованных особ, не казалось ей таким дорогим и роскошным, как этот кулон, подаренный ей много лет назад предводителем небольшого племени химер из долины, окружённой со всех сторон суровыми хребтами Голубых гор. Гор, которые были одними из самых высоких и диких во всём мире, если не считать, пожалуй, ещё более высоких пустынных хребтов на севере Менанторры, о которых рассказывали немногие вернувшиеся оттуда путешественники. В тех горах, как рассказывали, обитали пожиратели плоти и другие тёмные существа, а люди селились как можно дальше от страшных мест. Голубые же горы и прилегающие к ним нагорья между юго-западным побережьем и территориями Северо-Востока, были населены, самое большее, хищными клювоящерами, места обитания которых, однако, не распространялись южнее хребта Алайды. Таким образом, суровое, но дружелюбное племя, обитавшее в обширной долине к юго-западу от этого высоченного хребта и окаймлённой с юго-запада уже известным читателю Прибрежным хребтом, было свободно от нападений сих грозных хищников.

Разумеется, попасть в долину, оставшись полностью незамеченной, Алерте не «светило»: вся местность была в ведении местных стражей, которые могли с вершины любой горы или холма или с высоты своего полёта увидеть любого непрошеного гостя. Конечно, Алерта была другом, а не врагом Драконов Алайды, однако ей не хотелось, чтобы об её внезапном визите узнала её давняя знакомая — Иха. Наверняка супруга вождя являлась одной из самых почитаемых женщин племени и матерью будущего преемника, у которого были целиком поддерживающие его братья и сёстры. И наверняка сам Тэrr, будучи образцовым эйханом (вождём) и примерным семьянином, старательно делал вид, что любит свою жену, хотя на самом деле это было не так и она наверняка об этом догадывалась и втайне страдала...

Впрочем, чем больше Алерта об этом думала, тем больше водоворот мыслей затягивал её именно в это место. И меньше всего ей, конечно, хотелось быть застигнутой врасплох свирепыми хищниками Срединного Нагорья или жителями родного Королевства. Тогда она выбрала, как ей казалось, идеальный вариант — морское побережье у подножия Прибрежного хребта Голубых гор, где около четырнадцати лет назад они с Гио отпустили на волю двалифа Хойо и отправились в долину через опасное ущелье.

Алерта тёрла пальцем заветный камень, с ясностью дневного света представляя себе это живописнейшее место, до тех пор, пока действительно не ощутила тепло юга, солёный морской ветер и шум прибоя под щедрыми ослепительно-белыми лучами Небесного Ока. Сбросив с себя ставшую ненужной всю тёплую одежду и обувь и оставшись в нижнем лёгком платье, она потопталась по тёплому голубоватому с розовым песку и огляделась в

томительном ожидании, всматриваясь в пики гор, затем в море, лениво катившее волны в сторону берега, в небо и затем снова в горные вершины.

«А придёшь ли ты?» — подумала она, надела кулон на шею и потёрла его ещё раз.

Позади неё раздался характерный скрип, щелчок и затем шаги. Обернувшись, она увидела рослую фигуру крылатого вождя драконид, не в призрачном виде, в котором он нередко навещал её в Авингоре, до тех пор, пока не было решено избавиться от магического камня, а в теле из плоти и крови. Прошедшие годы мало изменили его внешний вид, поскольку дракониды жили гораздо дольше, чем люди в тогдашнем мире Элайи — до полутора тысяч солнечных кругов (когда они встретились впервые, ему было, как говорили, двести тридцать лет), однако вид его был печальным, переносье пересекала складка, а чёрные, как смоль, волосы были подёрнуты дымкой преждевременной седины. Выглядел он понурым, худым и каким-то слабым.

Алерта не могла перевести на свой язык фразу, которую произнесло это существо, увидев её здесь. Однако поняла, что он уже знал о её прибытии. Со свойственной Драконам Алайды невозмутимостью и серьёзностью он подошёл к ней и положил левую руку на её сердце, а правую — на макушку. Это было особое приветствие, однако сие действие было произведено без особого напора и выраженных чувств. И в то же мгновение Алерта прочитала во взгляде и во всех его движениях глубокое страдание.

— Как видишь, я пришла. Я не знаю, что случилось... это было из-за меня?

Эйхан молчал. Глубокое горе, которое он испытывал, затронуло теперь и её, и она переживала его вместе с предводителем Драконов Алайды.

— Скажи мне, Тэrr... горе убивает тебя из-за меня? Из-за того, что я отдала камень на хранение...

— Я рассказать... — оборвал её вождь крылатых химер. — Тэrr рассказать женщина Северо-Востока... потерять его жена и дети и изгнанным из своего племени. Теперь Тэrr не эйхан, а бродяга.

От неожиданности женщина отпрянула от него, и его правая рука осталась беспомощно висеть в воздухе — он даже не стал её опускать. Алерта смутно ощутила, что горе от случившегося точит и постепенно убивает его.

Тогда она протянула к нему руки сама и коснулась тонкими пальцами его плеч и ключиц.

— О, Тэrr... Клянусь Богами, я ничего не знала, ты не мог мне рассказать. Но я чувствовала неладное. Расскажи мне, как это случилось.

Они отошли ближе к подножию горы и уселись на камень. И тогда Тэrr рассказал ей историю, которая потрясла её, хотя не оказалась ничем из ряда вон выходящим. Мало того, эта история была из разряда того, что называется «чего и следовало ожидать».

После священного ритуала и отбытия Гио с Алертой обратно на родину всё племя Драконов Алайды стало расспрашивать своего вождя и его супругу о таинственных гостях, которым отдали на воспитание прекрасную малютку, да ещё и отправили вместе с ними золотоволосую и золотокрылую Эяа. Больше всех их, однако, интересовало то, что они успели подметить: странное настроение эйхана в те моменты, когда они спрашивали об их новых друзьях из-за гор или обсуждали их. Временами Тэrrом овладевало странное чувство, которое лучше всех подмечала его жена. Словно он охладел к ней, в особенности когда стал надолго пропадать из долины, ссылаясь на «извечное» стремление путешествовать, которого у него раньше не наблюдалось, разве что в совсем давней юности, ещё задолго до того, как

он решил связать себя брачными узами с праправнучкой старейшины Эрахха. Смутное тревожное чувство закралось в сердце женщины, которая была матерью четверых его сыновей и трёх дочерей. Ей всё казалось (а заодно всем её сородичам и всему племени вообще), что родной муж разлюбил её и предал. И виною тому, конечно, была бледная бескрылая женщина с северо-восточных территорий, воровка мужских сердец без всякой совести, у которой, при том, была своя семья. Алерту Ахан и её мужа заклеямили дурной славой окончательно после того, как монолог Тэрра, в очередной раз впавшего в дикую меланхолию, был подслушан Ихой и одной из их дочерей — Тэа. Разумеется, сцен ему устраивать не стали, видя его страдания по чужеземке, однако Иха придумала свой план, который, увы, не совпал с целью очередной отлучки предводителя племени.

Однажды он отправился в путешествие на восток, забыв предупредить своё племя и особенно старейшин. Целью его было навестить далёкие пустыни, в которых, по слухам, жили потомки Второго мира, освещаемого Небесным Оком (а Элайя, согласно тому, что писали учёные и говорили звездочёты, была четвёртым из этих миров). Тэрру хотелось познакомиться с отшельником по имени Даг Зан, который уже несколько тысяч солнечных кругов жил в гористой полупустыне Лиора, к юго-востоку от которого располагалось государство Эахора. Старый отшельник давно звал к себе в гости молодого полудракона-получеловека, и, наконец, тот не так давно решил его навестить. Жена же и все дети Тэрра решили, что их глава семьи и покровитель всего племени отправился совершать очередные любовные «подвиги» с Алертой Ахан, отправившись напрямик через опасные для жизни высокогорья напрямик на её родину. И тогда, по наущению старейшин, Иха и семеро её детей запаслись едой и тёмной ночью отправились в полёт. Им предстояло пересечь нагорье, полное опасных хищников и бродяг-разбойников, добраться до плодородных северо-восточных равнин, отыскать селение Авингор в Королевстве Аманта и предстать перед разлучницей, воззвав к её внутреннему голосу совести, чтобы она посмотрела своими глазами, что и кого она губит, даже живя так далеко от них. Быть может, думала Иха, это убьёт Алерту Ахан, а может быть, исцелит и заставит каяться. Каким образом она узнала, что Тэрр тайно навещал любовницу, было понять несложно: ведь она лично подарила ему когда-то камень, способный переносить его владельца куда он пожелает, а до того момента он принадлежал её матери и вообще передавался по наследству от матери к дочери уже несколько десятков поколений. А откуда вообще взялась эта древняя вещица, не знал ни один из нынешних Драконов Алайды.

Путь оказался совсем не близким и опасным. Несколько раз на путников нападали грозные клювоящеры, однажды убив младшую дочь Тэрра и Ихы — Соз и нанеся серьёзные ранения её брату Сетту, пока их не разогнали невесть откуда взявшиеся странные существа, похожие одновременно на людей и на кошек. В другой раз на них напали разбойники верхом на краденых меронгах, но их также разогнали таинственные люди-кошки. Наконец, измотавшись и терпя голод, они встретили по дороге сакридский караван с поклажей, двигавшийся в юго-восточном направлении, и стали упрашивать погонщиков отвезти их в северо-восточные земли. Те нехотя согласились, но сначала, как сказали, доберутся до города Асатта на юго-востоке и продадут товар. Путников разместили в уютной повозке, запряжённой двумя белыми бойдами. На вторую ночь этого путешествия с запада на них внезапно налетели всадники на чёрных меронгах, в чёрных шипастых панцирях и со сверкающими, как молнии, мечами и рапирами. Их было много и, налетев, они вырезали весь караван и убил, в том числе, крылатую мстительницу с её детьми, закололи вьючных

животных, забрали всё добро и исчезли в гористой степи так же, как и появились. Выжил только старший сын Ихи, рыжеволосый юноша по имени Ирриах. Раненный в левый бок и крыло и притворившись мёртвым, он пролежал всю ночь под брошенным пологом, а наутро, похоронив своих близких, стал думать, как ему вернуться обратно и доложить своему племени о случившемся несчастье.

Летать с перебитым крылом юноша не мог, а мысль о том, чтобы оседлать коня, казалась ему абсурдной — разбойники на быстрых, как ветер, меронгах испарились без следа. Но они могли точно так же в любой миг появиться и убить его, Ирриаха, так же, как и всех остальных.

Спасение пришло неожиданно. На берегу небольшой речки, поросшем густым кустарником, Ирриах неожиданно увидел двух резвящихся девиц с кошачьими ушами, когтями и хвостиками. Зная из рассказов своих предков о священном племени, родиной которых был якобы совсем другой соседний мир, связанный с одним из соседних солнц, теперь уже светивших во всю мощь в другом измерении, юноша считал всё это вымыслом, а теперь тем более не мог понять, откуда эти существа взялись в горах Элайи. Однако два раза уже таинственные «кошки», невесть откуда появлявшиеся и затем исчезающие, спасали им жизни.

Увидев грязного, ободранного и ужасно несчастного парня с растрёпанными огненно-рыжими волосами и нелепо повисшими драконьими крыльями, «кошки» зашипели, однако, приглядевшись, сменили гнев на милость. Прочитав его мысли, они свойственной им кошачьей грацией и мягкостью подошли к Ирриаху, нисколько не стыдясь своей наготы, и повели за собой. Завязав ему глаза, паскатки раскрутили его в направлении движения дневного светила по небу, напевая какую-то странную песню на своём, непонятном ему языке. Эта песня ещё долго отдавалась в его ушах и мозгу, когда он уже обнаружил себя вертящимся на месте не в незнакомой ему и полной гибельных сил местности, а в родной долине, перед изумлёнными взорами сородичей.

— Ирриах всё рассказывать старейшины... И когда эйхан Тэrr вернулся, то узнать, что эйхан стал его брат Виррах...

Тэrr вернулся из того путешествия, соскучившись по своим близким, везя им много интересных новостей и подарков от жителей богатых стран Эахоры, Антанеи, Сиас и Табеи, в которых успел побывать вместе со своим другом Даг Заном, заядлым путешественником и любителем восточных культур. Разумеется, если бы Даг Зан, будучи ростом почти вдвое ниже Тэrrа, явился вместе с ним в долину Алайды, старейшины наверняка бы поверили, что их предводитель путешествовал в восточные страны, и решение их суда было бы гораздо менее суровым. Однако Тэrr вернулся один, и родное племя встретило его не радостными приветствиями, а гневными возгласами и угрозами. Ещё не оправившийся от ранения смертоносной рапирой Ирриах выскочил навстречу и попытался броситься на него врукопашную, однако его остановили двое старейшин, самых древних в этом племени. Им удавалось сдерживать гнев толпы, требовавшей самого сурового суда либо немедленной расправы, однако никому не хотелось убивать бывшего вождя — только что-нибудь ему покалечить, чтобы он жил дальше и страдал от мучений. И тогда суд старейшин решил под неусыпным взором Великой Богини Неба: Тэrr из рода Аверраха, последний в династии вождей, будет навсегда изгнан из своего племени, и при том он сполна испытает не только телесные, но и душевные страдания, заслуженные им по справедливости Высших Судей всех миров.

— Теперь у меня нет родные... нет семьи и нет счастья, я проклят и очень страдаю, — подытожил Тэрр, закончив свой невесёлый рассказ.

— Но кем ты в самом деле проклят, Богами или старейшинами? — с неподдельной тревогой в голосе спросила Алерта, поняв, что именно истощает и убивает Тэрра. — Боги добры и милосердны...

— Боги знают, что я невиновен! — неожиданно вскричал Тэрр, подскочив с места и тем самым изрядно напугав женщину. — Они знают, что я навещать женщина северо-востока только как друг и мы не были любовники! Они знают, знают!

— Значит, тебя прокляли...

— Бессердечные старейшины! Тэрр не вернуться к ним... никогда! Но ты, ты, ты... Алерта, дочь Ахана, только ты помочь мне... помоги мне!

Он упал на землю и принялся яростно рыть песок, как взбесившийся двалиф, затем бессильно упал ниц и зарыдал. Алерта отшатнулась, решив, что её давний друг сошёл с ума, но что-то изнутри подсказало ей, что она в силах помочь ему. А заодно и себе, так как её собственное страдание заставило её саму пойти на отчаянный шаг. Так значит, она тоже проклята?!

Подойдя ближе, она попыталась поднять страдальца с земли. Тот, издав нечто среднее между рычанием и стоном и выкрикивая проклятия вперемешку с молитвой Богине в адрес своего брата Вирраха и старейшин своего племени, схватил Алерту за щиколотки и стал подниматься, цепляясь за её ноги и руки. Не выдержав его веса, Алерта упала, тогда, впад вновь в исступление, он с неистовым рвением стиснул её в объятиях и продолжал стонать.

— Ты должна помочь... помоги мне! Я умирать рядом с тобой... помоги!

Первое, что пришло в голову насмерть перепуганной женщине — позвать кого-нибудь на помощь, однако вовремя поняла, что это было бы безумием. Они ведь находились под самым носом у тех, кто объявил своего эйхана предателем и изменником, погубившим свою семью, изгнал его и запретил появляться в их краях! Тогда Алерта, инстинктивно схватившись за заветный камень, подумала о месте, где мог жить его друг по имени Даг Зан...

Всё пространство вокруг завертелось перед их глазами, превратившись в беспорядочный водоворот. Мгновения спустя Алерта со своим спутником снова оказались на песке. Но это был уже другой песок — желтовато-серый, мелкий и сухой, а вокруг там и сям росли колючие кусты, мясистые зелёные «подушки» и растения, похожие на огромные зелёные цветки.

Озираясь по сторонам в совершенно незнакомой местности, женщина попыталась высвободиться из железной хватки обезумевшего человекодракона, однако того, казалось, свело в конвульсии. Мало того, он не шевелился и молчал, и тогда её обуял страх, что Тэрр умер а она так и останется навеки в его мёртвых, холодных объятиях.

Однако ей всё же казалось, что он не был мёртв. В державших её руках и в сердце ощущалось биение, а тело было тёплым. Развернувшись поудобнее, она обхватила руками его голову и воззвала к Высшим Богам, сотворившим миры, с просьбой о помощи.

Совершенно неожиданно для себя она как будто услышала слова или что-то похожее на них. Неведомый голос будто говорил: «Помоги им... направь им силу Божественной Сути, заключённой в тебе. Ты это сможешь. Давай же!» После чего ей почудился другой голос или, скорее, поток мыслей, который показался ей мелодичным серебристым голосом некоего загадочного доброго существа, быть может, самой Богини Небесного Ока: «О да! Я помогу

им».

Реальности сошлись. Мощный поток, невидимый глазу, но воспринимаемый чем-то другим как ярчайший, но не слепящий свет, охватил всё существо Алерты и передался её несчастному спутнику. Как будто неведомый, но мощный ток энергии охватил их обоих. Сколько это продолжалось — несколько мгновений или целую вечность, она не могла прикинуть умом. Когда же её отпустило, она обнаружила себя лежащей на песке посреди незнакомой пустыни, а рядом с ней, растопырив огромные драконьи крылья, лицом вниз Тэrr. По странному капризу природы, одарившей его несвойственными людям третьими конечностями, он не мог лежать на спине, однако никогда не доставляло ему неудобств. И особенно — сейчас, когда, как казалось Алерте, сами Боги решили вмешаться в жизнь людей и избавить их от проклятия, напрасно приписанного им, Богам.

Тэrr улыбался. И тогда Алерта поняла, что страдание отпустило не только её. К нему возвращались былые силы и молодость. Когда же оба встали с земли и отряхнулись, со странным выражением глядя друг на друга и на время лишившись дара речи, они увидели неподалёку тёмный купол чьего-то жилища и рядом с ним — почтенного возраста мужчину очень небольшого роста в песочного цвета хитоне, худощавого, с сухим желтоватым лицом, тёмными раскосыми глазами и свисающими чёрными волосами, в которых было уже порядочно седины. И поняли, что перед ними — тот самый Даг Зан, визит к которому обернулся для Тэrrа и его семьи такими печальными последствиями. Однако во всём этом старый отшельник был, конечно, не виноват.

Глава шестая

Озеро на окраине селения Авингор, окружённое со всех сторон кустарником и деревьями, в которых дружно верещали птицы, насекомые и резвились маленькие крылатые ящерицы, было великолепным. Оно было довольно большое, с прозрачной, чистой, искрящейся на солнце водой. Несколько ручейков сливались с его водами с разных сторон, образуя небольшие водовороты, а в одном месте в него втекала небольшая речка. Рядом же с этой речкой было ещё одно озерцо, небольшое и заболоченное. Купаться здесь запрещалось: озерцо кишело огромными кровожадными пиявками, которые стаями присасывались к жертве и не только пили кровь, но и впускали в неё парализующий и растворяющий плоть яд.

Все местные жители знали это опасное место, поэтому Аула и Эя, пришедшие на большое озеро со стороны реки, держались подальше от его соседа.

Нянька, чей срок жизни обещал быть очень долгим, со вздохом покосилась на свою подопечную. Той минуло уже восемнадцать солнечных кругов и пошёл девятнадцатый. Не успеешь моргнуть глазом, как пролетит мимолётом жизнь прекрасного человеческого существа, одного из тех, что жили, в среднем, всего двести тридцать или двести сорок лет. Они обе слышали байки о том, что жизнь обитателей некоторых соседних миров, в которых не было Тьмы, была во много раз дольше и что, дескать, когда-нибудь наступят времена, когда мир станет другим, в нём исчезнет зло, недуги и войны, а люди будут жить ещё дольше, чем ныне Драконы Алайды и некоторые другие племена химер, населявших горы прекрасной, но грозной и непредсказуемой Элайи. И что даже само название этого мира будет уже иным, а прежнее сохранится лишь в исторических летописях. Но пока они жили в мире, который представлял собой любопытную смесь многих противоборствующих сил, а в людях было ещё много того, что побуждало их вредить самим себе, делая свою жизнь короткой, полной страданий и опасностей.

Пока люди ненавидят себя и друг друга, думала Эя, они не могут быть счастливы и не могут процветать. Однако молодая девушка по имени Аула Ора внушала ей некоторые смутные надежды.

В совершенном молчании, слушая упоительные звуки леса, они подошли вплотную к озеру.

— Наверное, вода здесь приятная, — подмигнув своей воспитаннице, предположила Эя.

Аула, недолго думая, скинула с себя всю одежду и бултыхнулась в воду.

— Почему ты не любишь купаться? — спросила она у няньки, вынырнув и сверкая озорными глазами. — Вода тут в самом деле такая чистая и приятная.

Эя покачала головой.

— Драконы Алайды не ныряют. Они омываются струями водопадов, но здесь их нет, поэтому я привыкла поливать себя с водяных желобов. И я боюсь зацепиться крыльями за камни или взбаламутить всю воду. Вот если бы у меня их не было...

— А я, наоборот, хотела бы иметь крылья, — возразила девушка, выбравшись на бережок и выжимая воду из своих роскошных длинных волос. — Чтобы взлететь как птица и кружить над Авингором, а может быть, и над целым миром, и купаться в лучах Небесного Ока. Я даже завидую тому, как, наверное, это приятно.

— Зависть — плохое чувство, Аула. Ты уже большая девочка и должна это понимать. Полёт приятен, да, но только для того, у кого есть крылья. Ты же имеешь только крылья души, но ты можешь летать душой, а телом лежать на земле.

— Откуда ты знаешь, что я могу "летать душой"?

Эйа негромко засмеялась.

— Наивно полагать, что те, кто тебя вырастил и любит всей душой, не могут догадываться о твоих сокровенных тайнах. Я об очень многом привыкла молчать, но давно уже знаю о том, на что ты способна. И даже о твоей тайной силе, о которой ты время от времени пробалтывалась ещё в детстве.

Аула вспыхнула и, чтобы не выдать чего-нибудь ещё, снова нырнула на самую глубину озера. Когда же она показалась снова, то выпалила:

— Да, конечно, мы с сёстрами всегда была любительницами тайно подглядывать за старшими и подслушивать их разговоры, но чтобы это могла делать ты... И потом... кому и когда я вообще об этом говорила?

Эйа промолчала. Тогда Аула, выбравшись на берег и вытершись большим белым покрывалом, завернулась в него, подокткнув края, уселась на камень рядом с крылатой няней и взяла её за тёплую смуглую руку своей бледной, мокрой и прохладной после купания в озере.

— Ты всё знала, но молчала? Ты знала о той силе, которая начала пробуждаться во мне, когда я была ещё маленькой? И о том, что эта сила... или что это... росла во мне всё это время, заставляя быть непоседой, несдержанной, заставляя учиться всё время себя сдерживать и чем-то заниматься, чтобы куда-то девать этот избыток? Ты знала, что я тайком писала, танцевала, изучала науки и любила ручной труд, чтобы хоть как-то разрядиться? И ты знаешь, что эта самая сила продолжает во мне расти и что однажды наступит момент, когда я не выдержу и... и...

— Знала и знаю, — спокойно ответила та, присела рядом на корточки и погладила руку Аулы, передавая ей своё тепло, чтобы та тоже успокоилась. — И даже знаю, что может избавить тебя от необходимости всё время искать способы, чтобы разрядиться. Многие бы позавидовали тому, сколько в тебе энергии.

— Да? — Аула с подозрением уставилась на неё. — Что же ты мне предложишь?

— Выйти замуж.

От неожиданности Аула даже подпрыгнула на месте.

— Замуж??

— Да, моя детка, замуж. Когда ты станешь хозяйкой своего домашнего очага и родишь детей, как делают все порядочные женщины, у тебя всегда будет повод для разрядки. Многие жёны и матери человеческого рода теряют силы, истощаются и вынуждены отдыхать, особенно когда у них много детей и домашних хлопот. Драконицы, конечно, выносливее, они и живут гораздо дольше людей... но ты, я думаю, способна на невероятное.

— Я вижу, Эйа, ты очень хорошо знаешь человеческий род и в особенности порядочных женщин, — беззлобно усмехнулась Аула. — Но ты ведь никогда не выходила замуж, считаешь ли ты себя порядочной и куда девашь свои силы?

Эйа вздохнула и слегка потрепала её по макушке.

— Я няня, а это тоже большой труд. А не замужем я потому, что было бы очень неловко и странно связать свою жизнь с существом другого рода и обличья, и родить потомков, у которых были бы крылья, но они не могли бы летать, потому что их крылья были бы

недоразвиты. Мне прочили когда-то жениха из другого племени драконид, живущее в Алмазных пещерах, но высшей волей мне было предназначено жить среди людей и растить человеческое дитя. Старейшины нашего племени не захотели доверить тебя целиком бледным бескрылым людям. Только среди этой расы, как говорят наши предки, множится зло, способное угрожать всему миру, другие жители Элайи на это не способны.

— Но почему? — обиженно возразила Аула. — Я ведь тоже отношусь к расе бледных и бескрылых. И ещё...

— Да, но в тебе нет никакого зла, хотя ты бываешь дерзкой. И я бы очень хотела, чтобы тебе в мужья достался человек без зла в душе, который бы тебя искренне любил. А что ты хотела сказать ещё?

— Вот чего ты, Эйа, судя по всему, не знаешь, — хлопнула в ладоши Аула. — Я сама узнала об этом только четыре года назад.

— О чём же? Хотя... не говори ничего. Я знаю эту историю.

Аула глубоко задумалась — наверное, впервые так серьёзно за свою ещё недолгую жизнь — и всхлипнула.

— Мне жаль его... честное слово, жаль... что с ним случилось потом?

— О ком ты говоришь, о Тэрре? Ты не знала, что было потом?

Ауле в очередной раз пришлось удивиться, откуда Эйа могла всё знать

— Нет. Дальше я ничего не узнала и никто не рассказывал. Что случилось с Тэрром?

— Ничего. Он поселился в пустыне у своего нового друга и тоже стал отшельником. Мы с Алертой навещаем их иногда с помощью её кулона и его перстня. Даг Зан, как обычно, всегда рад нас видеть, а в глазах моего бывшего соплеменника, когда он видит у себя в гостях свою возлюбленную, загораются огоньки. Но то, что они не могут соединиться в этом мире, больше никого из них не тревожит, они стали лучшими друзьями. И надеются, что соединятся после смерти, а так как она уйдёт из этого мира раньше, то будет ждать его в ином мире.

— Романтика на пустынном месте, — снова усмехнулась Аула, на этот раз совсем даже не весело. — А почему ты назвала его бывшим соплеменником?

— Ты могла бы об этом догадаться. Меня не изгоняли из племени, как его. Но в тайне он мне совсем не чужой и я очень его люблю.

— Вот даже как...

В голове у Аулы сложилась теперь весьма любопытная картина: её приёмная мать, будучи замужем за серьёзным торговцем, нажившем теперь уже целое состояние, до сих пор тайно и безнадёжно влюблена в существо из другой, не совсем человеческой расы. При этом он точно так же влюблён в неё, однако его душа, будучи заключённой в не совсем человеческое тело, вынуждена маяться, поскольку общественные законы мира Элайи запрещали соединяться тем, у кого были свои семьи, к тому же принадлежащих разным родам и расам. При этом маяться Тэрру предстояло в десять или более раз дольше, чем его тайной возлюбленной, поскольку законы, как человеческие, так и божественные, так же запрещали обитателям мира Элайи заканчивать жизнь самоубийством, если только это не было самопожертвованием во имя великой благой цели. С другой стороны, другое такое же существо по имени Эйа, которое несчастный Тэрр почитал как свою сестру, было тоже влюблено в него, тайно и безответно. И поэтому-то Эйа так часто печалилась, вздыхала и тосковала, а вовсе не от того, что её с трудом принимали и обижали в мире бледных бескрылых людей. За последние несколько лет, при чём, все уже привыкли и перестали

смеяться над бедной драконоподобной женщиной, не имеющей ни своей семьи, ни детей. Вместо этого многие теперь ей сочувствовали.

Одна Аула была, казалось бы, не при делах. Последние два года ей часто прочили в женихи то одного, то другого из местных парней, однако она каждый раз показывала себя невероятной гордячкой. То же самое случилось и во время её первого года обучения в пансионе для девушек в Оттари. В этот пансион, один из десяти, созданных несколько столетий тому назад по велению женщины, объявившей, что каждая девушка в Королевстве Аманта обязана получить хорошее образование, прежде чем станет добропорядочной женой и матерью своих детей, часто приглашали молодых кавалеров. Чаще всего это были воспитанники военных, научных или творческих учебных заведений. Там Аула во время совместных танцев и посиделок познакомилась со многими замечательными, по мнению её подруг, парнями. Однако, вернувшись летом домой на отдых, "обрадовала" отца, мать и няньку тем, что она, "не смотря ни на что, свободна, как вольный ветер".

— Это просто странно! — возмущалась Алерта. — Мелла уже давно замужем, Трисию тоже недавно выдали за командира летучего флота, а у тебя нет на примете даже завалящего женишка?

— Вот именно, мама, что завалящий женишок мне как раз не нужен, — парировала Аула, с привычной дерзостью разбирая тюлевые наряды, присланные ей в подарок одной из тёток мужа старшей сестры. — Чтобы я надела это или это, или вообще представала без всего перед кем попало?

— Так скажи, кто, на твой взгляд, не кто попало, — с усмешкой сказала Мелла. — Тебе же вообще никто не нравится, ты ведёшь себя как та принцесса из баек про трёх сестриц.

Она была в гостях и, собственно, привезла подарки для Аулы в честь дня, когда её привезли в Авингор. Этот день, четвёртый во второй триаде лета, они отмечали вместо дня её рождения, точной даты которого никто из них не знал, даже сама Аула.

За время своего замужества и после рождения двоих сыновей старшая дочь Гио и Алерты изменилась, пожалуй, только внешне, раздавшись в теле. Характером же она продолжала оставаться всё той же насмешницей и завистницей, хотя завидовать ей, по правде говоря, уже было некому и нечему. Разве что, наверное, юности и редкостной красоте приёмной младшей сестры.

— Может, ты и права. Хотя, если ты сама помнишь, принцесса погналась за королём в золотой короне. Но я из простой семьи, и поэтому...

— И что — поэтому?

— Ах, Мелла... мне пришла мысль... если нет подходящих для меня женихов ни в Авингоре, ни в Оттари, может, мне перевестись в другой пансион госпожи Наофин?

— В какой другой? Их десять, — напомнила сестра. — Но мы с Трисией выучились в Оттари и довольны, она нашла себе мужа там, а я здесь, недалеко от дома. Да поменяй ты за шесть годов обучения хоть все десять пансионеров, с твоим характером ты, сестрица, так и умрёшь старой девой.

Аула вспыхнула и гневно сверкнула большущими голубыми глазами.

— Даже если и так, разве я не могу попытаться счастья? Я выберу, пожалуй, пансион в Лиераме.

— Что?..

Лиерам, довольно захолустный городишко, находился северо-восточных окраинах обширного Королевства, граничившего с никому не принадлежавшими лесистыми хребтами

Дейвазии. Точнее, было известно, что в этих лесах обитали полудикие племена охотников, с которыми лучше всего было иметь дело, хорошо зная их нравы и обычаи.

Алерта покачала головой.

— Я бы меньше была удивлена, если бы ты выбрала пансион в самом Арохене. Но Лиерам... кто повезёт тебя в такую даль? И сколько ты будешь туда добираться? Наши деревянные повозки и скакуны не выдержат, даже если их будет вести дюжина дзингиан вроде Дэбо.

— Если постараться, можно выписать летающий корабль. Теперь мы можем себе это позволить, не правда ли?

— Правда, Аула, правда, но всё это странно. Боюсь, Эйа будет не в восторге. Что мешает тебе остаться в пансионе в Оттари? Это ближний к нам город, который мы все знаем, там есть всё, что тебе может быть угодно, и пансион, и развлечения, и храм...

"Храм, где хозяйничает старый злодей Ассирус", — подумала Аула, решив не вводить всех в очередное недоумение, которое грозила вылиться в настоящий скандал. Она решила притвориться наивным детёнышем зельдюка.

— Я не знаю, что именно тянет меня в Лиерам. Но это место кажется мне самым для меня подходящим. Если я не встречу там себе жениха, то хотя бы прикоснусь к тайнам этого старинного города. Мне ведь интересно всё, что связано с древностями и с тайнами.

— А я знаю, — неожиданно раздался приглушённый, с акцентом, голос Эйа, едва ли не прежде чем она появилась в дверях гостиного зала. — Или это провидение подсказывает мне, что она знакома с симпатичным парнем, который живёт в Лиераме и получает там образование в мужском пансионе для будущих духовных лиц?

Аула опрометью бросилась в одну из боковых комнат и заперлась там изнутри. Наступила тишина.

— Вот даже как... — Мелла, накорец, решила прервать немую сцену. — Слава Богам и Богиням, что сейчас здесь нет мужчин, хотя день уже близится к завершению. Когда наша принцесса Аула стала интересоваться духовными лицами?

— Наверняка, — ответила ей Алерта, нервно перебирая в руках клубок тёмно-синих блестящих нитей для вышивки, — это случилось четыре с половиной года назад, когда Ауле вздумалось поехать вместе со мной в тот храм в Оттари...

Мелла едва подавила смешок.

— И кто там мог её "вдохновить"? Главный жрец Ассирус, который уже, наверное, пережил всех своих сверстников после того, как к нему вовремя не пришла смерть во время пыток?

— Возможно, — солгала Алерта.

— Тогда о ком этот жрец мог рассказывать четырнадцатилетней девчонке, кто живёт в таком захолустье, как Лиерам?

— Думаешь, я знаю? Вообще-то в тот день в том самом храме мы встретили его юного ученика и будущего преемника, но после того дня мы ни разу не посещали сей храм вместе. А кто там, в Лиераме...

— Я знаю... я знаю... — тихо твердила Эйа. — Аула всё мне рассказала заранее. Но прежде чем я вам расскажу, позвольте девочке поехать туда, куда она сама хочет. Возможно...

— Даа... — Мелла, как обычно, снова хихикнула. — Изгнанный Король в золоте, к тому же ещё и связанный с областью духовного... тайна, покрытая мраком, о которой никто,

кроме Эйа, не знает. Это забавно.

Алерте зато было явно не до веселья. Что-то нашло на неё, она побледнела и выронила из рук очередной клубок, на этот раз ярко-золотых нитей.

— Теперь я тоже начинаю понимать... Ассирус запросто мог обнаружить следы проделки своего ученика, рассердиться и наказать его... возможно, даже сослать в такое место, как Лиерам, и взять себе нового будущего преемника. Когда я бывала после в том храме, то не видела там больше Этта Мора, вместо него жрецу прислуживал другой паренёк, помоложе и светловолосый... да, это только кажется странным...

Она покрылась испариной и опустилась на пуф.

— Знаете, — вновь подала голос Мелла, — я понятия не имею, кто такой этот ваш Этт Мор, и правда ли, что его сослали в Лиерам, но если это тот темноволосый мальчишка, которого я видела в храме, то он был очень недурён собой, а сейчас, наверное, и вовсе стал красавцем. Тогда нет ничего удивительного в том, что наша принцесса готова податься за ним хоть в пекло. Я бы тоже не отказалась, будь я помоложе. Король в золотой короне... изгнанный своим наставником за какую-то провинность... да...

Всё это время Эйа продолжала стоять в дверях и молча наблюдать, пока, наконец, не сказала ясно, отчётливо и почти без драконьего акцента:

— Не думаю, что это так разумно — обсуждать за глаза свою сестру и смеяться над ней. Если моё сердце принадлежит тому, с кем я не могу быть рядом, потому что его сердце принадлежит другой, то будем надеяться, что любовь Аулы не останется без ответа. Как и твоя, Мелла Гио.

— О, прекрасно! — всё с тем же сарказмом, но уже теряя прежний накал, произнесла Мелла. — Слава высшим силам, что участь быть впутанной во все эти сети меня миновала, у меня есть всё и я живу спокойно.

Ауле Ора пришлось приложить достаточно усилий, чтобы уговорить директорат женского пансиона в Оттари перевести её на обучения в Лиерам. Три почтенные женщины из руководства уютного учебного заведения в уже давно ставшем родным большом городе Оттари, долго отговаривали вздорную девицу от необдуманных и скоропалительных решений. Дело в том, что причину отсутствия в Оттари подходящих кандидатов в мужья они считали неуважительной. По существу, они рассуждали точно так же, как и старшая сестра.

— Сдаётся, что наша юная эйди сама не знает, чего она хочет, — басистым голосом, покачав головой, заключила старшая из трёх директрис. — Но это, поверьте моему возрасту, опыту воспитания девушек и наблюдательности, проделки юности и ранней молодости. Тебе ведь восемнадцать с небольшим, не так ли?

— Да, госпожа Эрита, и я поступаю на второй год обучения.

— Так вот, девочка. Когда ты закончишь обучение в стенах этого священного пансиона, основанного великой образовательницей Наофин, тебе будет двадцать три. А тогда уже появятся серьёзность, ум и стремление создать дружную семью, как у большинства наших воспитанниц. Мы ведь учим не только наукам, но и тому, как лучше всего выбрать себе пару и стать хорошими жёнами. Твоя мать, Аула, училась в нашем пансионе и здесь познакомилась с замечательным парнем по имени Гио Трейга. И твои бабушки...

Эрита могла продолжать до бесконечности, но Аула, не обладавшая никогда достойным высокообразованной невесты терпением и тактом, не могла всё время её слушать. Она переключилась на собственные мысли, зацепившись за то, что ни одна из директрис этого пансиона не знала, что она не является родной дочерью Гио Трейга и Алерты Ахан. Они

даже не замечали или не хотели замечать, что она ничуть не была похожа на своих приёмных сестёр. И уж, конечно, они не знали, что самый большой вклад в её домашнее воспитание внесла представительница другой, не человеческой, расы.

Усмехнувшись про себя, Аула внезапно покраснела до кончиков ушей и пальцев, сверкнула глазами и произнесла голосом, заставившим Эриту и двух других директрис едва ли не содрогнуться от непонятого чувства:

— В вашем городе нет того, кого бы я хотела видеть в стенах этого пансиона, но когда-то он жил в Оттари и однажды мы встретились.

— О-о! — раздался возглас другой директрисы, белокурой женщины со строгим лицом, которая была на пятнадцать лет моложе первой. — А давно ли это было?

— Четыре года назад, госпожа Танфин.

— Четыре года назад... Но тогда ты была ещё девочкой и мы не могли тебя знать. А сколько лет было тому мальчику?

— Семнадцать, госпожа Танфин.

— Семнадцать... что скажет нам госпожа Натиэль, которая заведует приглашениями кавалеров к нашим ученицам?

Сидевшая поодаль третья директриса, почти молодая женщина с густой гривой тёмно-рыжих волос, спадавших ей на плечи и обрамлявших бледноватое лицо с очень выразительными и томными глазами цвета грозových туч, меланхолично задумалась, затем подняла голову очень характерным для неё неожиданно быстрым движением и ответила мелодичным, приятным голосом:

— Увы, моя дорогая Танфин, я не обладаю ясновидением и не могу поэтому сейчас сказать, о ком здесь идёт речь. Может, наша прекрасная ученица нам это скажет?

— Я не могу назвать вам это имя, — снова вспыхивая внутри, но стараясь держать себя спокойной и благоразумной, ответила Аула. — Но я точно могу сказать, что он ни разу не бывал приглашён ни на одну вечеринку в ваш пансион.

Госпожа Натиэль вперила в неё тёмно-стальной взгляд прекрасных глаз, таких же огромных и выразительных, как у неё самой.

— Согласно нашему уставу, мы вольны приглашать в наш пансион юношей из всех сословий и когорт, за исключением городских часовых, заключённых в темницах и тех, кто заранее решает посвятить свою жизнь духовному служению и ради этого отказывается от связей с женщинами. К какой из этих когорт может принадлежать твой друг детства?

Стоя в самом центре просторного помещения директората, похожего больше на парадный зал либо на внутреннее помещение храма, где три хозяйки пансиона выглядели величественными жрицами, сидевшими за устланным тёмно-синим покрывалом полукруглым столом, Аула почувствовала себя так же глупо, как и дома, когда её тайну выставили напоказ, а Мелла над ней очень эффектно поиздевалась. Поэтому она ответила:

— Я не могу открыть вам эту тайну. Но я слышала, что этот человек живёт сейчас в Лиераме и получает там образование. А так как в Лиераме находится десятый пансион для девушек из основанных госпожой Наофин, я прошу вас послать им весть и перевести меня туда. Это правда... я встретила того "друга детства" всего один раз, но не могу его забыть и... мне нужно встретиться с ним снова. Я не знаю, почему он оказался там, но... но...

Неожиданные для всех, и для самой Аулы тоже, из её глаз потекли слёзы. Тогда три властительницы пансиона смягчились, и первой это сделала, конечно, младшая директриса.

— Что ж... я согласна отправить весточку госпоже Серрель, если мне это позволит

сделать госпожа Эрита.

Старшая директриса встала и слегка наклонилась над столом перед большим листом розовой неразмокаемой бумаги, на которой всё это время делала какие-то пометки.

— Я вижу, что вынуждена попуститья некоторыми нашими правилами и уставами. Не найдя действительно серьёзной причины для перевода нашей ученицы Аулы Ора в другой город нашего Королевства, я пойду на риск и запишу "Причины личного характера". Директриса пансиона в Лиераме никогда не узнает, зачем на самом деле мы переводим туда нашу девушку. Но учти, дорогая, — сказала она затем, обращаясь непосредственно к Ауле, — путь до Лиерама далёк, это вовсе не такое уютное место, которое ты вознамерилась самовольно покинуть, и порядки в том пансионе совсем другие. Я училась там когда-то сама и знаю, что это такое.

— Да, — подхватила её речь госпожа Танфин. — Мы можем дать тебе время подумать, прежде чем подпишем этот документ.

Но Аула была непреклонна.

— Подписывайте. Я не стану раздумывать долго, если уже приняла решение.

Документ был подписан, весть отправлена, и через десять дней Аула получила обратную весть. Проснувшись утром в уютной комнатке для учениц (в каждой такой комнатке ночевали четыре девушки), она увидела на тумбе у изголовья своей пуховой лежанки бумажный свиточек, перетянутый ярко-зелёной ленточкой. Развернув его, она прочитала написанное ровным убористым почерком и едва не запрыгала от радости: госпожа Серрель и две её напарницы, Ровена и Дебра, любезно приглашала молодую девушку на обучение в свой пансион, который щедро раскрывал свои двери всякой желающей девице. И в той же записке красовалось напоминание, что в Лиерамский пансион сто три года тому назад поступила учиться сама принцесса Ана, впоследствии прославившаяся как одна из самых мудрых правительниц Аманты.

Аула была так возбуждена, что с особым энтузиазмом совершила утреннее омовение, вычистила рот и съела за утренней трапезой целых пять сладких булочек, запив тремя бокалами нектара, что обычно бывало редко. Подруги позавидовали её аппетиту, но не особо поняли, почему она так же резво стала собирать вещи, чтобы отправиться домой.

У дверей пансиона её встретил Дэбо, вызванный ею из Авингора с помощью живой почты. Чакауты засыпали только зимой, когда им становилось слишком холодно летать и они цепенели, забиваясь в разные щели и углубления, но сейчас было ещё тепло и всё живое в природе всё ещё продолжало порхать и петь, хотя уже не так весело, как летом. Опавшие листья, золотистые, тёмно-лиловые и фиолетовые, уже покрывали дорожки, по которым пока ещё неспешно покатила коляска, запряжённая двумя стройными чёрными меронгами (разбогатов, семейство Гио и Алерты теперь вполне могло себе позволить заказывать более дорогих четвероногих перевозчиков, чем раньше). Сам извозчик тоже, судя по внешнему виду, стал зарабатывать больше: на нём теперь красовалась совсем новая дрипоновая куртка кроваво-красного цвета и чёрные штаны из того же материала, выгодно подчёркивавшие длинные стройные ноги. Гнал он по-прежнему лихо, однако всё же щадил благородных животных, которые и так летели стрелой по прямой дороге до селения на холмах.

Родные, в особенности Гио с Алертой, без особой радости восприняли новости от Аулы, однако не могли пойти против её непоколебимого решения. Отправить её на самый северо-восточный край Королевства в повозке вместе с Дэбо они считали безумием. Путь до Лиерама был труден и лежал, большей частью, через болотистые низины, обширные

пустоши и бесплодные плоскогорья. Особой "достопримечательностью" там были вулканические нагорья почти посередине пути, пребывание на которых хотя бы одни сутки грозило смертельной опасностью. Сам Лиерам и прилежащие к нему селения располагались на низкохолмистой равнине у подножия лесистых гор. Местность эта была гораздо спокойнее и вулканы встречались только ещё дальше к северу и востоку, ближе к морским побережьям.

Подумав хорошенько, Алерта вместе с Аулой решили всё-таки нанять воздушного извозчика на аппарате, похожем на тот, который доставлял их когда-то в храм на отдалённой окраине Оттари. Решение это было, на их взгляд, самым разумным.

Лиерам, как показалось Ауле на первый взгляд, вовсе не был таким маленьким и захолустным, как ей расписывали авингорцы с оттарийцами. Здесь не было, пожалуй, только многочисленных придорожных гостиниц и забегаловок, держать которые было бы совершенно невыгодно их владельцам. Однако отличие от привычной уже обстановки в Оттари было разительным. Лиерам был отдалённым и уединённым городом на самом, можно было сказать, краю света, и народ тут был под стать городу. Местные жители отнюдь не были весёлыми и приветливыми, своими манерами и наружностью смахивали больше на дикарей, а их жилища выглядели довольно мрачно и неприятно. Мало того, в городе было много диких деревьев и кустарников, поэтому в некоторых его частях было сложно понять, что это было — город или селение в лесу. Вдобавок тут было гораздо холоднее, чем в юго-западной части территории Аманты, и Аула, зябко поёжившись, завернулась в тёплый плащ.

Пансион, где предстояло теперь ей обучаться, тоже был заметно отличен от уютного замка в Оттари. Это также был замок конусообразной формы с тремя башнями, но выстроенный больше из тёмно-серого камня и тяжёлого северного дерева, чем из стеклокамня или бело-розового гранита, который был основным строительным материалом для городских зданий и сооружений на юге и юго-западе. Если в Оттари в здании пансиона можно было, не зная заранее, предположить дом добрых радостных фэй, то здесь — скорее суровых непреклонных характером ведьм, ведущих довольно аскетический образ жизни. Аула поёжилась снова, однако нашла в себе мужество заглянуть в эту непривычную для неё обитель.

Внутри обширного замка было довольно прохладно. Вдоль длинной ковровой дорожки тёмно-зелёного цвета с обеих сторон её встретили выстроившиеся в ряд молодые девушки в одинаковых сине-зелёных форменных одеяниях и с остриженными до плеч волосами. Они дружно поприветствовали новенькую, подняв правые руки. В самом дальнем конце парадного зала её встретили три женщины в длинных строгих одеждах, похожих на плащи. Главная из них, имя которой было Серрель, была ещё молодой, высокой и очень красивой женщиной с бледно-матовой кожей, нежно-серебристыми глазами и чёрными волосами, настоящим цветком в этом захолустье. Вопреки тревожным ожиданиям Аулы, они оказались доброжелательными и сперва пригласили её отпить с ними местного согревающего напитка и отведать их стряпню из зёрен северной лауды с питательными орехами кнаррового дерева.

Несмотря на внешне приветливое обхождение и доброжелательность директрис, учительниц и самих девушек, порядки здесь действительно отличались от тех, которые были заведены в пансионе города Оттари. Все девушки здесь носили короткие волосы, поэтому участь стрижки постигла и прекрасные длинные волосы нашей героини. Кроме того, они все были обязаны носить форму. Всё это предназначалось для того, чтобы ученицы обращали как можно больше внимание на себя или друг друга, а на то, чтобы познавать истины наук и

искусств, которыми должна владеть каждая будущая взрослая жительница Королевства. Еда тоже была простой скромной, хотя и не скудной. В этом учебном заведении, как и предупреждали заранее, не было шумных вечеринок и веселий и вообще той свободы, которую могли себе запросто позволить воспитанницы заведения госпожи Эреты и её подруг. Однако, согласно давней традиции, здесь всё же проводились занятия танцами и время от времени устраивались вечера, на которые приглашали местных кавалеров. Их тут было гораздо меньше, чем в Оттари, и за всё время Аула ни единого разу не видела ни одного из них, хоть чем-то напоминавшего собою бывшего ученика жреца Ассируса.

К тому же временами по ночам, проведённым здесь, её стали одолевать кошмары, природа которых была пока ей непонятна. Заключались они в том, что иногда она видела во сне женщину, закутанную в плащ чёрного цвета, с очень бледным лицом, которая приходила к ней и пыталась для чего-то проникнуть в её душу и сердце, как демон, пытаясь схватить её и накрепко связать невидимыми путями. Но каждый раз Аула находила в себе силы и мужество разорвать и сжечь эти путы, прогнать демона или связать его самого, хотя и просыпалась после таких сновидений в холодном поту, благодаря высшие силы, что это был всего лишь неприятный сон.

Ходить в храм, который располагался почти в центре города, среди обитателей этого мрачноватого пансиона заведено не было, ученицы и преподаватели совершали религиозные ритуалы в небольшом зале, обставленном наподобие внутреннего помещения храма. Но ходили туда не все ученицы, а только те, которые исповедовали амантийскую веру в Силу и Закон Владыки Мира и трёх Его Дочерей. Но таких, кто её исповедовал, было большинство. Для совершения ритуалов служения из центрального храма приглашались опытные жрицы, которые занимались духовным просвещением девушек.

По установленным здесь порядкам, ученицам запрещалось самовольно покидать двор замка, а ночью — само здание. Преподаватели и директорат ссылались на разные опасности — от случайно забредавших в город диких зверей и напившихся местных работяг до разной нечисти, с которой девушки могли не справиться. Все эти байки могли напугать кого угодно и заставить прятаться за шестью стенами замка, но только не Аулу Ора, которая всё время чувствовала в себе силы, способные отпугнуть какую угодно опасность.

Путём тайных перешёптываний и обменов вестями, которые разносили неуловимые юркие перкотты (чакауты в этих краях не водились, зато в Оттари не было этих существ, которые в холодное время года не спали, а продолжали жить полной жизнью в тёплых помещениях), Аула узнала от своих новых подруг, что тот, кого она так желает увидеть в стенах этого заведения, является студентом высшей семинарии, которая располагается ближе к восточной окраине города. Из узких проёмов застеклённых восточных окон было видно это величественное и кажущееся неприступным здание. Как поведали девушки, которых звали Эотта и Мирания, там учились не только юноши, решившие стать образованными жрецами и монахами, но и девушки, выбравшие для себя тот же путь. Аула едва не поперхнулась ореховой мешанкой, подумав, каким страшным безумием было бы теперь просить здешних директрис перевести её учиться в семинарию. Ей никому не хотелось это передавать, однако маленькие чёрненькие перкотты кружили почти над самой её головой и самовольно доставили сведения Мирании и Эотте. Подруги прыснули от смеха, что было не очень приличным в этом пансионе, и едва не уронили головы в плоски с едой, а Аула, рассердившись, погрозила перкоттам кулачком.

Уже позже Мирания догнала её в полутёмном коридоре, ведущем из столовой в учебное

крыло, и сообщили уже без перкоттов:

— Если ты вправду хочешь увидеть своего монаха, ты можешь отпроситься у директрис и сходить в храм. Они там часто проходят практику дважды в декаду, но не говори, для чего ты туда пойдёшь, просто скажи, что тебе нужно сходить именно в храм.

— Искренне благодарю тебя, Мирания.

Аула порывисто обняла её, отчего та несколько опешила: манеры и озорной характер этой южанки не раз вводили в недоумение не только её, но и других девушек, а также многих преподавателей.

Глава седьмая

Разрешение госпожи Серрель на посещение храма в дневное время, свободное от занятий и положенных внеучебных мероприятий, было передано Ауле спустя несколько суток в виде официального бумажного свиточка, перетянутого зелёной лентой. Этот свиточек она тайно от всех показала подругам, которые чуть не умерли от зависти — им таких привилегий за всё время ещё ни разу не давали.

Чтобы добраться до храма, много усилий не требовалось. Неудобством были лишь косые, подозрительные взгляды горожан, провожавшие студентку каждый раз, когда она проходила через людные места до заветного места. Очевидно, в Лиераме не очень любили приезжих. Станные взгляды в свой адрес она получала даже в храме и даже от тех жриц, которых уже не раз видела в здании пансиона.

— Тебе дали разрешение ходить в городской храм? — спросила одна из них, когда Аула пришла в первый раз.

Это была роскошного вида молодая женщина, совсем непохожая на местных суровых обитателей Лиерама. Лицо её озаряла совсем не местная добродушная улыбка. Она каким-то странным образом не подходила для этого здания, которое было меньше и куда суровее на вид снаружи изнутри, чем храм Владыки Неба в Оттари.

— Да, вот оно, — Аула протянула жрице свиток. Та развернула его и внимательно прочитала.

— Что ж... Разумеется, никому не запрещено посещать это священное место, но главная здесь не я, а жрец Теоман, воспитатель юных служителей высших Богов Света, Любви и Добра, которые создали и поддерживают наш мир. Пусть он скажет своё слово.

Главный жрец был совсем уже старым человеком, убеленным сединами и опиравшимся на длинную трость. Поднеся к глазам увеличительный кристалл, он прочитал текст и одобрительно кивнул.

— Эта девушка из женского пансиона, а не из семинарии, — прокряхтел он. — А я прошу показывать мне разрешения от директоров только если ученики хотят проходить здесь духовную практику. Пусть пансионка ходит сюда сколько хочет.

С этими словами он вернул документ Ауле и вернулся на своё привычное место за небольшой трибуной.

В первый раз семинариста, похожего на Этта Мора, в храме не было. Во второй раз тоже. Тогда Аула пришла к выводу, что храм он не посещает либо делает это в то время, когда никого там нет. Набравшись смелости, она спросила у служителей, не встречали ли они здесь молодого семинариста по имени Этт Мор.

— Этот Мор довольно странный субъект, и последнее время он чаще уединяется в нашей библиотеке, — ответил главный жрец. — Она находится в подвале прямо под нашими ногами. Если вам так угодно, приходите сюда завтра, я позову его.

Однако на завтра у Аулы были совсем другие планы — целый день занятий в пансионе с короткими передышками и вечером — торжественная встреча с Управителями всей сети пансионеров Аманты, которые заезжали сюда один раз в два года. И к тому же Аула намеревалась встретиться с Эттом в таком месте, где никто больше не мог бы их видеть и слышать, и это было явно не помещение храма ни внешнее, ни внутреннее.

"Вот как! — с досадой подумала Аула. — Я прихожу сюда, чтобы встретить его здесь, а

он прячется в подвале с книгами! О, высшие Силы..."

Вход в библиотеку находился, разумеется, в священной обители главного жреца, который пропускал семинаристов по своему особому разрешению, а значит, вход туда посторонним был заказан.

Аула поделилась своей неудачей с Миранией. Та призадумалась, но затем её осенило.

— У любого помещения есть не только парадный, но и тайный вход или выход, — шепнула она. — Попробуй найти его там с наружной стороны.

Так Аула в другой раз и сделала. Выбрав день, причём совершенно случайно, ни на что не рассчитывая и полагаясь лишь на своё интуитивное чутьё (что-то подсказало ей, что ЭТТ Мор будет в библиотеке именно в тот день ближе к вечеру), она надела вместо форменной одежды одно из лучших платьев нежно-зелёного цвета, которое смастерила не так давно на занятиях по шитью, поверх надела ею же сплетённую из тёплой древесной шерсти накидку и отправилась в очередной раз за тем, за чем, собственно, и приехала в это место.

Она потратила почти час, чтобы найти вход в подвальное помещение храма сначала с уличной стороны, а затем со стороны двора, промерзла насквозь и сильно пожалела, что не надела шубку из вычесанного меха местного наполовину одомашненного среброхвоста — древесная шерсть плохо спасала от здешних морозов. Пару раз попав в кладовые и один раз получив нагоняй от сторожа, она стала искать осторожнее. Наконец, ей попалась совсем неприметная с виду дверь из толстого дерева с прибитым сверху листом из ледяного чёрного металла. Чуть выше головы на двери корявыми значками древнелеггерийской письменности было нацарапано: «Инканента», что означало «Входа нет». Решив проверить, действительно ли его нет, Аула дёрнула массивную ручку — дверь оказалась не заперта. Она оказалась в темноте, однако в дальнем конце неосвещённого коридора брезжил свет. Аула осторожно и тихо побрела дальше, цепляясь руками за выступы шероховатого камня, чтобы не упасть и не наделать шума.

В пустом круглом помещении библиотеки, хорошо освещённом несколькими лампами, наполненными медленно горящей и дающей много света горной смолой, было тепло и совсем тихо. Вдоль тёмных шершавых стен на полках, повторявших их форму, рядами стояли книги. Их было не так много, как ожидала увидеть Аула, с детства посетившая много разных библиотек, однако достаточно, чтобы здесь можно было просвещаться в разных областях духовных знаний, изучать историю религий и постигать сокровенные тайны амантийского жречества, распространённого на большей части континента Эллиоры. Однако одна деталь привлекла особое внимание посетительницы, и это были отнюдь не книги.

В левой от себя половине помещения она заметила стол, за которым среди стопок книг, каких-то непонятных приборов и нескольких зажжённых спиральных свечей, сидел молодой человек, внешне напомилавший, как ей показалось, бывшего ученика Ассируса. По крайней мере, у него были очень похожие волнистые волосы тёмного цвета и весьма схожие черты лица. Углубившись целиком в изучение текста на страницах толстенного фолианта, он время от времени отвлекался на какой-то прибор с вделанной в него хрустальной чашей, в которой барахталось что-то живое. Оно то замирало, то вновь шевелилось и издавало какие-то звуки, когда исследователь смотрел на существо в чаше, и так продолжалось до тех пор, пока тварь, оказавшаяся обыкновенным восьминогим и восьмикрылым пароктусом, с испугу не выпрыгнула из воды на каменный пол и, подпрыгивая, не нырнула в какую-то щель между полом и стеной. Это произошло, когда незадачливый экспериментатор слишком громко, шипящим голосом произнёс какое-то непонятное для слуха Аулы слово «ассафирас».

Сунув указательный палец левой руки в рот (это был привычный с раннего детства жест, который часто помогал справиться с сильным волнением или испугом путем погружения в процесс напряжённого мышления), Аула созерцала это зрелище и пыталась понять, кто же находится в храмовой библиотеке в самом деле и чем, собственно, занимается. Когда же загадочный посетитель библиотеки встал с места и поискал взглядом пропавшего пароктуса, а затем, махнув рукой, вернулся обратно на своё место, она с ясностью молнии узнала в нём своего давнего знакомого, но не того ещё не совсем развившегося физически юнца, какого она видела четыре года назад, а более высокого, достаточно возмужавшего, статного красавца. Он был строен, как молодой килот, однако, как ей показалось, силён, как настоящий воин. Очевидно, подумала Аула, местные семинаристы много времени и сил посвящают не только умственному и духовному просвещению, но и физическому развитию, практикуют единоборства и участвуют в состязаниях наравне со студентами из столичного Арохена, Оттари и других больших городов. Одно только смущало и пугало её — чем таким странным мог заниматься Этт Мор в библиотеке под стенами самого священного места в городе? То, что она сейчас увидела, больше всего напоминало ей колдовство, наподобие того, что она когда-то слышала от пожилых авингорцев или читала во время обучения в школе для детей.

То, что он мог тайно от всех заниматься колдовством, обучаясь при этом в учебном заведении для будущих служителей Верховных Сил Мироздания, никак не могло уложиться в её голове. Хотя то, что будучи ещё в семнадцатилетнем возрасте, он что-то сделал с ней странное. Однако то событие имело исключительно положительный итог: он помог ей увидеть, что происходило в далёком от них месте, и спасти двоих замечательных существ, на которых пало грозное проклятие опрометчивых старейшин племени драконид с Голубых гор. Она никогда не знала, что делать с не совсем понятной для неё силой, которая жила внутри её души, временами распирала её и мучила, не находя выхода, вызывала непонятные озарения и прозрения и ещё в десятилетнем возрасте побудила её внезапно осознать себя дочерью самой Богини Небесного Ока. Этт помог ей собраться и направить эту энергию в нужное русло. И тогда, признавалась сама себе Аула, ей впервые в жизни стало легко, потому что её внутренняя сила, не принадлежавшая ей как человеческому существу, нашла свой выход в добром деле. Значит, сила Этта, которая была другой и была связана с его человеческим существом, оказалась ей полезна. А если он смог это сделать, будучи ещё почти мальчишкой, то теперь наверняка он способен на гораздо большее.

Но то, что сейчас он занимался чем-то, подозрительно похожим на колдовство, рождало в ней самые противоречивые мысли и чувства, пытающиеся опровергнуть его пользу для неё либо наоборот, доказать, что магия — вовсе не богопротивное дело, а являющееся частью Служения великой Творящей Силе, при условии, если маг действительно является служителем Творца, а не своего эгоистического начала или тёмных сил.

— Этт... — произнесла она негромко, отойдя немного в темноту и полагая, что её не видно и не слышно. — Этт...

Она решила незаметно удалиться, чтобы не мешать ему заниматься изучением такого важного для него искусства, как магия. Однако едва слышно произнесённое дважды, это имя вместе с последовавшим шорохом в полной тишине, достигли ушей бывшего ученика жреца храма Владыки Мира в Оттари. Он не спеша поднялся из-за стола, за которым продолжал, не обратив особого внимания на пропажу подопытного пароктуса, читать книгу, и впери́л в незваную гостью взгляд пронзительных тёмных глаз.

Поняв, что отступать поздно, девушка, однако, не двинулась с места, продолжая замороженно стоять и наблюдать за каждым движением будущего жреца либо, что было более вероятным, будущего мага. Когда же уголки губ Этта Мора поползли вверх в улыбке, а глаза его засияли, она почувствовала его доброе расположение, подошла к нему и легонько коснулась длинными изящными пальцами его лба, затем плеч и рук, покрытых природным светло-бронзовым загаром.

— Я пришла к тебе сама, Этт? — не без некоторой робости спросила у него Аула. — Или же ты скажешь, что меня привела сюда высшая воля? Или это была твоя власть надо мной?

Он снова улыбнулся.

— Может быть, всё вместе или ни одно из них. Я ждал тебя и молился Владыке Мира, чтобы увидеть тебя снова. Но я не мог приехать сам, находясь здесь в изгнании.

— Кто же тебя изгнал? Ассирус?

— Да, это был Ассирус Мохад. И он меня изгнал не только за ту самую проделку с кварцевой шкатулкой.

— А за что ещё?

— Тот, кто хотел сделать меня своим преемником, заметил во мне то же самое, что и ты, но ещё раньше ему об этом доложили.

От неожиданности Аула вздрогнула.

— Что же я могла в тебе такое заметить? — спросила она.

В её голосе теперь слышалось заметное придыхание, выдававшее сильное волнение, а лоб покрылся мелкими капельками пота.

— Я прочитал то, что ты думала обо мне, наблюдая за мной из коридора, ведущего в чёрный ход. Не бойся, прими всё и есть. Страх — плохой союзник того, кто воочию столкнулся со сверхъестественным. Да, я наделён от природы некими способностями, которые никак не вяжутся с тем, чему меня учил жрец Ассирус и чему учат в здешней семинарии. И когда мне исполнилось восемнадцать, это стало его пугать и возмущать. Поэтому здесь я сдерживаю и ничем не выдаю себя, иначе меня погонят ещё и отсюда, но во мне пробудился познавательный интерес. Я нашёл в этой библиотеке замечательные книги по духовно-энергетической медицине и у меня получаются неплохие опыты.

— Что за опыты? — в недоумении спросила Аула.

— Ну, допустим... скажи мне, Аула, в чём тебе сейчас нездоровится?

Аула призадумалась.

— Я думаю, что ни в чём. Благодарю тебя, я чувствую себя прекрасно.

— Тогда можно смоделировать. Дай мне свою правую руку, я тебе покажу.

Она бесстрашно протянула ему правую руку. Этт взял её в свою левую, затем склонился и ниже и стал водить над ней своей свободной рукой, повторяя какие-то непонятные слова. Через несколько мгновений кожа на руке Аулы покраснела и стала зудеть, а ещё через некоторое время на ней образовался безобразный и очень болезненный нарыв.

Аула испуганно глянула на свою руку, потом на Этта Мора, и рванулась прочь, но он без особого труда удержал её.

— А теперь смотри, что я сделаю.

Он снова принялся что-то нашёптывать и выполнять пассы ладонью над нарывом, иногда касаясь его пальцами. Аула морщилась от этих прикосновений и всхлипывала, начиная терять терпение.

— Спокойно, иначе я не смогу убрать это бесследно, — предупредил Этт.

Он повторил ещё раз, потом хлопнул ладонью по больному месту, накрыв его ею, и держал так ещё несколько мгновений. Аула мужественно выдержала эту пытку, а когда всё кончилось и боль утихла, перевела дух и посмотрела ещё раз на свою руку, которая была вновь идеально чиста и здорова, потом на Этта. На её лице неожиданно появилась улыбка.

— Что это было, Этт? — спросила она вполголоса, стараясь не смотреть пристально ему в глаза — взгляд его, глубокий и пронизательный, казалось, видел её насквозь и при этом затягивал в глубокую, но приятную бездну.

Он улыбнулся.

— Всё очень просто. Я только что продемонстрировал тебе наглядный пример главного закона медицины, о котором здесь, увы, многие не помнят. Мы сами являемся творцами своих недугов. И поэтому так же можем исцелить себя и друг друга, мысля и ощущая противоположным образом.

— Но ты ведь не мыслил, а просто водил рукой и читал заклинания, — возразила Аула.

— Да, но заклинания и пассы я использовал просто для того, чтобы показать тебе всё это за несколько минут. Я направил и сконцентрировал силу своей мысли, а слова на древнеарассинском языке помогли сделать это быстрее. Это магический язык, и то, что я сделал, чистой воды магия. Я бы мог показать это на пароктусе, но, к сожалению, у меня был всего один и он от меня убежал.

Аула сочувственно подумала о несчастной твари, которая, не выдержав этих "опытов", предпочла скрыться от экзекутора.

— А почему, — снова спросила она, — ты не проводишь все эти опыты на себе?

Этт засмеялся.

— На других их проводить гораздо легче, и потом, это вернее всего заставляет поверить в истинность сказанного великим Аффарисом Лигендианским.

— Значит... — она покосилась на раскрытую книгу, — ты читаешь "Магию медицины" Аффариса? Но такая книга не может храниться в храмовой библиотеке.

Этт обошёл вокруг стола, так что огоньки спиральных свечей и тени на стенах подвала задвигались, производя совершенно жуткое впечатление, захлопнул пухлый фолиант, подогнув край одной из страниц, и показал Ауле название.

— Да, это та самая книга. И ты совершенно права — этой книги здесь не было. Я привёз её из главного книгохранилища Арохена, под залог жреческой диадемы.

Аула вздрогнула и прикрыла рот, чтобы не вскрикнуть от неожиданности.

— Что? Ты заложил жреческую регалию в обмен на магическую книгу?... И когда, скажи мне, ты успел побывать в Арохене?

— Тшшш... здесь нужно вести себя спокойно, чтобы не привлечь лишнего внимания, мы ведь находимся под полом городского храма... Да, я нарушил уже многие правила и общественные принципы, и всё для того, чтобы реализовать свою миссию. В прошлый раз, когда мы встретились в храме в Оттари, я ввёл тебя в гипнотический транс и раскрыл внутреннее око, чтобы ты могла увидеть то, что происходит с твоей матерью и её старинным другом Тэрром из расы драконид. Это было передано другими жрецами Ассирусу, а так же то, что я без его ведома принёс вам кварцевую шкатулку. В Арохене я уговорил Хранителей главной Библиотеки дать мне на время трактат Аффариса Лигендианского и ещё несколько книг по духовно-энергетической медицине и дал им в залог за всё это свою жреческую диадему. Я возьму её обратно, когда изучу эту науку. Пока я не могу быть жрецом храма, так

как золотая диадема с тремя алмазами даётся один раз в жизни и это заверяется особым документом от глав амантийского жречества. И вот теперь я сижу с этой книгой здесь и провожу опыты, рискуя в любой момент быть замеченным и разоблачённым. Но теперь я стал осторожнее и закрутил вокруг себя силовые волны так, что никому нет до меня интереса. А вот тебе придётся поспешить, потому что твоё отсутствие могут заметить, и потом, дверь чёрного хода этого подвала не заперта, мало того, она открыта настежь...

Чем больше Аула его слушала, тем больше убеждалась в том, что перед ней не молодой жрец и будущий преемник кого-нибудь из главных храмовых служителей, а матёрый колдун, который освоил магическую науку ещё в раннем возрасте, гораздо раньше, чем жреческую. И теперь он прикрывался саном и получаемым семинаристским образованием, чтобы тайно от всех продолжать постигать одну из самых таинственных и опасных наук во всём мире и во все времена, причём наставников у него в этом обучении, как обычно бывает у магов, не было. И уж конечно, как ей казалось, он не мог во время их разговора не распространить на неё свои чары — иначе она давно бы уже сбежала от него из этого подвала. И не только на неё, иначе в раскрытую настежь дверь уже давно бы заглянул кто-нибудь любопытный.

Всё же Аула нашла в себе силы ему серьёзно возразить. Сглотнув внезапно подкативший к горлу комок и подавив внезапно нахлынувший страх, она сказала совершенно безапелляционно:

— Ты не должен заниматься колдовством в храмовой библиотеке. Если тебя заметят, ты лишишься своего сана навсегда.

— Сан для меня не главное в жизни, — ответил он, выбив из-под её ног последний островок разумной логики, на который она могла опереться в своих рассуждениях. — Я изучаю магическое искусство и целительство не для того, чтобы осрамиться перед главами жречества или прославиться. Меня тянет к этому уже очень давно и потом... вспомни, кто из великих жрецов древности в совершенстве владел магией? Ими были все основатели жречества на обширных территориях большей части Эллиоры, а также Менанторры и пяти других континентов Элайи. Вся религия упирается своими корнями в магию. Подвох есть только в том, кому служить, настоящий жрец — это опытный маг, который направил свои силы на великое служение Богам и Великому высшему Разуму. А чёрный маг служит самому себе, своему эгоизму, через который орудуют силы Тьмы. Ты понимаешь меня? Понимаешь?..

Он потряс Аулу за плечи, как будто пробуждая от некоего забытья.

— Да... понимаю... но я знаю также, что нынешнее жречество в Аманте живёт по другим законам, оно презрело магическое искусство. Ты пытался стать истинным жрецом-магом ещё при Ассирусе, но он тебя прогнал... кому и чему ты будешь служить, если об этом прознают главы амантийского жречества и король и навсегда закроют тебе дорогу в храмы? Ты станешь чёрным магом?

Этт вздохнул.

— Я бы мог стать тогда чёрным магом, если бы не одна богиня, которой я поклялся служить ещё будучи трёхлетним ребёнком. Да, я это помню... когда мне было три с половиной года, я стоял у колыбели этой светлой богини и мысленно прощался с ней. Тогда я не мог знать своим умом, что встречу её снова...

— Кто она, эта богиня? — спросила вдруг Аула, плохо понимая, о чём идёт речь

— Это не бестелесный дух, — ответил Этт. — Это дух, который воплотился тогда в теле маленькой девочки и живёт в нём. Теперь эта девочка выросла, и... и...

Он загнулся и, как ей показалось, слегка покраснел.

— И что же дальше, Этт? Что с того, что девочка выросла... и богиня живёт в мире людей... где ты намерен встретиться с ней и для чего она сюда пришла?

Он внимательно и долго посмотрел в прекрасные, но беспокойные глаза Аулы и погладил её по щеке тыльной стороной ладони. В её же душе творилась настоящая буря.

— Та богиня, о которой я говорю, ещё очень молода и неопытна, но не как дух, а как человек. Она не знает, как справиться с внутренней силой Духа Богини Эас, которая её распирает. И одна она ещё не знает, как и куда направить свои силы, как проявить в себе это начало. И для этого ей нужен верный жрец, который её искренне любит и...

— Продолжай! Я хочу всё знать!

— ...Который немного знает и продолжает изучать дальше, как обращаться напрямую с этим неукротимым огненным духом, так как он служит Эас, дочери великолепной Сотис, озаряющей своим светом двадцать два обитаемых мира богов, людей, животных и растений. Я молил Эас прийти ко мне, и она пришла, но не когда я её об этом молил, а когда решил отвлечься и поизучать целительское искусство.

— Так где же она, твоя Эас, неукротимая дочь солнцеликой Сотис? — спросила Аула, теперь уже больше подыгрывая ему, чем пытаясь понять, о чем, собственно, идёт речь.

— Где же она... где же она... теперь она здесь, и, надеюсь, больше она меня не покинет.

С этими словами он нежно, но очень крепко обнял Аулу за тонкую талию и прижал к себе, не переставая гладить её блестящие светлые волосы, плечи и руки, прижимая к груди её прекрасную голову и согревая её макушку своим дыханием — ему это было удобно делать, так как ростом Аула была ему ровно до подбородка. Она же попросту наслаждалась этими счастливыми моментами, напрочь позабыв весь свой страх, беспокойство и смутение. Этт снова, как и когда-то несколько лет назад, выровнял её силу и направил её на что-то позитивное и созидательное, о чём она пока не могла догадываться. Возможно, пока она пребывала в его объятиях, где-то расцвели цветы или в пустыне забили новые ручьи, рождая животворные оазисы, потому что именно такие картины представились в эти моменты в её воображении.

Внезапный шум, похожий на скрип, внезапно раздался со стороны коридора. Аула очнулась и с усилием вырвалась из цепких объятий Этта Мора.

— Дверь... я забыла запереть за собой дверь! Нас, наверное, уже засекли...

— Это лишь ветер, — попытался успокоить её Этт. — Уже поздно, а по вечерам в эти краях всегда дуют сильные ветры. Слышишь?

Снаружи действительно доносился шум ветра.

— Да... возможно, дверь скрипнула от ветра. Но ты сказал, что уже поздно? Что ты наделал? Если меня потеряют в пансионе, мне несдобровать!

Она подобрала юбки и понеслась к чёрному ходу. Этт пытался остановить её, подняв руку и изобразив притягивающий жест. Это был очередной его магнетический приём, и она почти ему поддавалась, однако новый порыв ветра и скрип двери в темноте вновь напомнили ей о том, что пора возвращаться. Аула закрыла глаза, затем открыла вновь и отряхнулась.

Молодой маг почесал затылок, соображая, что бы ещё сделать, чтобы её остановить, ради её же безопасности — снаружи тянуло крепким холодом, а свечи от порывов ветра, задувавшего в библиотеку, погасли.

— Мне правда пора, Этт, — взмолилась Аула и, бросив ему напоследок "До скорой

встречи!", скрылась в тёмном проёме массивной двери.

Глава восьмая

Зимние вечера в пансионе, расположенном в далёком городе на северо-востоке обширного государства, по обыкновению, бывали долгими и томительными. Почти целых семи часов занятий разными предметами, среди которых больше всего внимания на втором году обучения уделялось истории прав и обязанностей мужчин и женщин в разные эпохи, документальным основам домовладения, изучению иностранных языков, искусству ведения бытовых расчётов и разным областям домоводства, и меньше всего — интереснейшим наукам о живой природе и космосе. Последнее немало огорчало тех учениц, которые с самого первого года обучения здесь любили захлёб слушать рассказы магистра природоведения Неотены Дейга и почтенного звездочёта, астронома и астролога, профессора второй степени Алистера Виона. Ауле, конечно, в первый год довелось слушать совсем других учителей тех же предметов и она отмечала про себя, что те рассказывали о мире животных, растений и звёзд несколько интереснее. Больше всего здесь ей и другим девушкам нравились лекции по душезнанию в исполнении магистра Лионы Вейан и занятия по рукоделию, которые вела добродушная и не слишком строгая мастерица Инжелия Вэй, поддерживавшая любые, даже самые сумасшедшие фантазии, которые только могли быть изображены на вышитых полотнах. Один раз в декаду проводились также уроки рисования, которые вела та же самая госпожа Инжелия. В другие вечера они занимались пением и танцами. Эти занятия чаще проводились ближе к концу дня или по вечерам.

В один из таких вечеров ученицы старательно рисовали пейзажи, связанные с воспоминаниями родных мест, откуда они приехали в Лиерам для того, чтобы получить достойное для приличной эйди образование и, если им повезёт, стать преподавателями в одном из десяти пансионатов. Немногие из них изобразили Лиерам и его окрестности. Задание усложнялось тем, чтобы украсить этот пейзаж домом своей мечты, в котором каждой из девушек предстояло стать хозяйкой. Госпожа Вэй, несмотря на свой добродушный нрав и ласковость, всё же изобразила на лице некоторое недовольство, недосчитавшись одной из учениц — той, у которой были поразительно красивые глаза и удивительные светло-пепельно-золотистые волосы цвета с серебряными блёстками, украшавшими их от природы. Она воззрилась на пустое место между темноволосой Миранией и рыжекудрой, золотоглазой Эоттой.

— Я не вижу среди вас эйди Аулы, — неожиданно строго заметила она. — С ней что-то случилось?

Эотта раскрыла рот, чтобы ответить, но её опередила Мирания:

— Аула Ора просила передать, что сегодня она пойдёт в городской храм. Наверное, она там и находится.

Инжелия Вэй нахмурилась.

— В городской храм?.. А что она может делать в городском храме во время занятий? Я слышала, что директорат дал ей разрешение на посещение храма или чего она ещё хочет в свободное время. Но не во время уроков, это вопиющее нарушение уставных правил нашего пансионата!

— Возможно, госпожа Вэй, она думала, что сегодня выходной вечер, — вставила своё слово Эотта.

— Выходной вечер? — преподавательница рукоделия и рисования призадумалась,

после чего ответила громко, сверкнув глазами:

— Выходных вечеров здесь никто никогда не объявлял, запомните это раз навсегда! Директорат может выдавать разрешение покидать стены этого пансиона по выходным дням и только в дневное время. Что, хотелось бы мне знать, госпожа Ора делает вечером в городском храме, когда время посещений там — утреннее и дневное до захода Небесного Ока? Подите, разыщите её и приведите сюда! Кто из вас отличится такой смелостью?

Девушки поглядели в зарешеченные окна, за которыми становилось всё темнее и поднимался ветер. Никто не осмеливался вызваться, чтобы выполнить это неприятное поручение.

Мастерица Инжелия Вэй начинала терять терпение.

— Если никто из вас не пойдёт по своей воле, я сама выберу, кому из вас пойти и привести сюда Аулу Ора, — безжалостно заявила она.

Никто из учениц не ожидал от госпожи Вэй подобного обращения: она всегда бывала такой милой и добродушной, но, видимо, все, кто служил в этом суровом пансионе, со временем обретали железное сердце и непреклонный нрав.

— Я пойду, — ответила Мирания и встала со своего места, оттирая руки от красок мягкой влажной тряпочкой.

— Ну что же, сходите, — одобрила мастерица её решение, однако немного пожалела, что сделать это вызвалась одна из самых небольших ростом и хрупких девушек на всём курсе, а не её более рослая и крепкая соседка.

Мирания проворно накинула на себя тёплую флентисовую шубку и шапочку и выбежала из класса. Остальные молча проводили её взглядами, надеясь на скорое возвращение, а госпожа Вэй заботливо прикрыла за собой дверь.

На улице было уже темно. Из-за непогоды на небе не видно было ни одной звезды, кроме пробивающегося сквозь тучи света обоих Ночных Очей, одно из которых было ярче, другое несколько тусклее. Это была одна из очень редких ночей, когда оба этих светила были видны в одно время в разных концах небосвода — гораздо реже, чем одновременное появление на небе Ацеры и Энталии. Жители многих стран в мире Элайи связывали с этим явлением нечто особенное, некий знак, который следовало учесть. Это была всё же не ночь Всех Светил, которая значила в народных поверьях и приметах гораздо больше, однако Мирания всё же уловила в этом «двоеочии» что-то важное для себя или окружающих.

Вечерняя темень всё же не была такой, чтобы ей мог понадобиться карманный осветительный кристалл: город освещался множеством фонарей, которые представляли собой такие же кристаллы, накапливавшие за день солнечный свет и затем испускавшие его всю ночь. Фонари эти были довольно тусклыми, поскольку Небесное Око в этих краях светило и грело далеко не так хорошо, как в её родных юго-восточных краях. Однако положение спасали два маленьких ночных солнца, узкий серп Ацеры в разрывах между тучами и полыхавшее над северным горизонтом разноцветное сияние. К тому же зоркие глаза молодой девушки хорошо видели дорогу и городские здания.

Добравшись до храма и войдя в его небольшой двор через ещё не запертые ворота из узорчатых металлических прутьев, Мирания не стала заходить в массивное здание, напоминавшее шестиугольную пирамиду с куполообразно закруглённой вершиной, а направилась на поиски места, о котором сама недавно поведала своей подруге. Обшарив все стены по периметру с ярким кристаллом в руке и никого, к счастью, не встретив, она, наконец, наткнулась на распахнутую настежь дверь, ведущую в узкий тёмный коридор.

Спрятав кристалл, чтобы не привлечь ненужного внимания со стороны кого бы то ни было, она осторожно вошла в коридор, ведущий в освещённое помещение. Мгновенно распластавшись вдоль холодной каменной стены и стараясь не дышать, Мирания двинулась дальше и остановилась на полдороге, увидев картину, весьма красноречиво свидетельствующую о том, что занятия Аулы Ора в этот вечер были куда интереснее рисования пейзажей в учебном классе госпожи Вэй.

Конечно, как мог уже догадаться читатель, Мирания застала свою приятельницу в объятиях пылкого красавца-семинариста по имени Этт Мор. Они стояли почти в середине освещённого подвального помещения, никого и ничего не замечая вокруг, поэтому Мирания тут же поспешила удалиться, чтобы ненароком не выдать своего присутствия и того, что она за ними шпионила. По пути назад она, однако, задела плечом тяжёлую дверь, отчего та предательски скрипнула. В тот же миг налетел порыв ветра, подняв в воздух мириады снежинок, и Мирании удалось вовремя скрыться.

Появление Аулы в пансионе в то время, когда занятия уже кончились и девушки предавались свободному времяпрепровождению в большой круглой гостиной на первом этаже, пока директорат и преподаватели занимались этим в своей на втором, вызвало бурю удивлённых возгласов и расспросов. Она вернулась несколько позже Мирании Эйн, которая теперь отогревалась у большого очага в центре зала, полного жарко горящих промасленных кубиков из дерева, заключённых в огромную чашу из жаростойкого эморрийского стекла, боясь, не простудилась ли она, пока бегала разыскивать нарушительницу пансионных правил.

— Она не покрыла голову и даже не надела шубку! — причитали девушки, хватая Аулу под руки, подтаскивая её к большому очагу и усаживая рядом с Миранией.

— Это настоящее безобразие! — возмущалась Эотта. — Если вы обе простудитесь, ну и влетит же тебе от директрис, Аула Ора!

— А... почему мне должно влететь? — спросила та, словно не понимая, о чём вообще идёт речь — как будто она была отсюда совсем далеко.

— Ещё спрашиваешь... Ну хорошо, скажу ещё раз: если в директорате узнают о том, что ты ушла за пределы пансиона, пропустив уроки рисования, вечером и без верхней одежды... и вместе с тобой ещё простудится Мирания, которая отправилась тебя искать... что ты, Тьма тебя забери, делала в подвале городского храма??

Остальные второкурсницы дружно охнули. Про подвал Эотте, конечно же, доложила Мирания. Аула рассердилась и тайком от всех мстительно ущипнула её в бок, отчего та ахнула и заёрзала на месте.

— Там находится библиотека, — ответила она, окинув всех сердитым взглядом.

— Ага... — решила отомстить ей Мирания в ответ за полученный щипок. — И в эту библиотеку порой захаживают такие завидные студенты местной семинарии...

Гостиная замерла в немой сцене, даже девушки с других курсов, услышав это, притихли. Затем Аула, сорвавшись с места, бросилась вверх, в студенческую спальню.

— Вот видите, — торжествуя сказала маленькая темноволосая предательница. — Она не хочет публично показывать свой позор. Дверь подвала под храмом была открыта, там действительно находится какая-то старая библиотека... но ни один из этих двоих не читал там книги, когда я увидела их там, они обнимались и говорили друг другу какие-то глупости...

— Хорошее же Аула выбрала место для свиданий! — покачала головой Эотта. — А с

чего ты взяла, что она встречалась там с семинаристом?

— Он был в парадной одежде семинариста — широко длинном плаще красного цвета поверх тёмно-зелёного камзола с вышитыми золотыми нитями шестиугольными звёздами, — объяснила Мирания. — Да, он очень красив и обаятелен, и не таким как он, наверное, следует учиться в семинариях... туда ведь поступают, чтобы получить высший монашеский чин Ордена Звезды Мира и право войти в высший духовный Совет Союзных Королевств Эллиоры! А это означает, что ему навсегда предстоит забыть о женщинах.

— Тогда, выходит, Аула его губит? — вмешалась ещё одна девушка — высокая, светловолосая и зеленоглазая, которая всё это время стояла около них и молчала. — Мне очень жаль того парня, хотя я его не знаю и ни разу не видела.

— Увы, Эйла. Она его губит и совращает. Когда я притаилась у стены, так, чтобы меня не было видно, то слышала такой бред... он называл её богиней Эас, дочерью великой Богини Сотис, а себя вообразил её жрецом! И говорил это с такой страстью и мольбой в голосе... Представляете??

— Меня даже передёрнуло от зависти, — вздохнула Эйла. — Хотелось бы мне, чтобы меня тоже кто-нибудь страстно прижимал к себе и называл богиней, но чтобы это был отнюдь не будущий монах...

— Глупая! — неожиданно засмеялась Эотта. — Кто, кроме жреца или монаха, может назвать тебя богиней? И то, я думаю, это может заявить только жрец, который сошёл с ума.

— Тише! — предупредительно произнесла Мирания. — Если мы будем дальше так шуметь, нас могут услышать преподаватели и потом нас накажут. И мне всё же кажется, что он не был похож на сумасшедшего, разве что на сильно влюблённого.

— Именно — сумасшедшего, — возразила ей Эотта. — Потому что жрец, а тем более претендующий на высший монашеский чин, может быть горячо влюблён только в Бога или Богиню, которым верно служит. Не хочешь же ты нам сказать, что эта авингорская фифа — действительно Богиня Эас, живущая в человеческом теле? Мне кажется, она слишком глупа для того, чтобы быть Богиней.

Негромкий всхлип, послышавшийся сверху, где проходил круговой лестничный пролёт с ответвлениями в классы и преподавательскую гостиную, заставил их поднять головы. Наверху, свесившись с гранолитовых перил, сделанных неким искусным мастером в форме изящных лиловых, фиолетовых и голубых плоских кустиков (деталь, несколько не сочетающаяся с грубовато-мрачноватым стилем зала, выполненного в строгих тонах; такие «кустики» гораздо больше подошли бы более к более изящному и несколько легкомысленному архитектурному стилю пансиона в Оттари, однако там лестницы были винтовыми, а перильца выполнены в форме держащихся за руки тоненьких девичьих фигурок, причём местами между ними были привинчены люмироновые чаши с живыми вьющимися растениями), стояла Аула Ора, уже переодевшаяся в невзрачное форменное одеяние и расчесавшая аккуратно остриженные волосы на пробор, и плакала.

— Чего это она? — спросила Эотта, легонько толкнув в бок Миранию.

— Может, уже прекратите меня тут обсуждать и смеяться? — крикнула Аула во весь голос, несколько не смущаясь тем, что это может потревожить преподавателей, тех учениц, которые находились сейчас в комнатах, или даже докатиться до покоев почтенных директрис. — Что я вам сделала??

В зале воцарилась мёртвая тишина, и даже весело потрескивавший очаг, казалось, на время замер. Однако Эотта тут же решила её нарушить:

— Нам — ничего. А вот если Мирания из-за тебя окажется больна и не сможет посещать занятия, тебе придётся за это ответить перед директоратом. И ещё за то что ты сама отправилась разгуливать по городу без тёплой одежды — тоже.

— Со мной и с Миранией ничего не случилось! — ответила Аула, спустившись ниже, чтобы ей не пришлось дальше так громко кричать. — Точнее, случилось то, что мы больше не подруги. Я не просила Миранию всё рассказывать и вас всех — обсуждать меня и осуждать... Я доверила тебе, Мирания, свою тайну, а ты, ты...

Она вновь разразилась рыданиями. Маленькая черноволосая Мирания, решив искупить свою вину, подошла к ней, пытаясь извиниться и утешить, но та, ударив её наотмашь в ухо, развернулась и побрела обратно наверх. Теперь уже ревели они обе, а остальные девушки дружно зароптали.

Однако вскоре ропот стал стихать: некоторые из посетительниц нижней гостиной заметили, что с другой стороны, облокотившись о лестничные перила, стояли все три директрисы пансиона и рядом с ними — невысокая, полноватая преподавательница женских искусств Инжелия Вэй.

— Что здесь происходит? — раздался звучный, красивый, но холодный голос госпожи Серрель. — Только не нужно оправдываться, немедленно заканчивайте разговоры и отправляйтесь спать. С Аулой Ора и Миранией Эйн разберёмся позже.

Так закончился этот насыщенный событиями вечер.

Однако никаких серьёзных наказаний или публичных порицаний, а также вызовов в директорат не последовало — обеих девушек только строго предупредили насчёт последствий, которые могут их ожидать, если они и в дальнейшем будут так же грубо нарушать уставные правила пансиона. Но Аула с Миранией после этого так и не стали мириться, перестали разговаривать друг с другом и сидеть вместе на занятиях. На стороне своей подруги против Аулы охотно оказалась также Эотта Аралис.

— А я тебя поддерживаю, — сказала однажды Эйла Хан, когда закончились занятия по женским правам и последовавшему за ними душезнанию. — И сделала бы точно так же, будь я на твоём месте. Очень нехорошо подставлять тех, с кем дорожишь дружбой, ели Мирания, конечно, ею дорожила. Однако, Аула, будь очень осторожна, теперь здесь за тобой следят.

— Спасибо, Эйла, я знаю, — ответила Аула и весело ей подмигнула.

На этом, однако, злостные нарушения Аулой установленных правил и распорядков не закончились. Она, как и прежде, могла встать или отправиться спать несколько раньше или позже установленного момента времени, отмечаемого звонком подъёма, доносившегося из всех шарообразных, цилиндрических или плоских приборов, отмеряющих время. Этот пронзительный звон, надо сказать, немало раздражал её, гораздо приятнее был гимн, пропеваемый весёлым женским голосом, когда она жила и училась в оттарийском пансионе. Она могла так же своевольно отказываться от блюд, приготовляемых пансионными поварами, если те ей не нравились, щипать соседок, если те ляпали что-то не то или бросались обидными словами, бурно обсуждать последние новости в коридорах с другими девушками, возмущаться, прыгать по ступенькам, напевая себе под нос песни, когда ей было весело и т. п. К её своенравию и неутомности многие уже привыкли или старались просто не замечать, а преподаватели и директрисы снисходительно улыбались. Всё это было ей на руку, так как открывало лазейку для более серьёзных нарушений здешних правил, обилие которых, как ей казалось, превращало человека в покорного раба, потому что тогда он привыкал слушать других людей и подчиняться им, а не следовать зову своего сердца и быть

свободным.

Ближайший выходной день, последний в третьей декаде последней зимней триады, выдался очень погожим. Стояла оттепель, несвойственная в это время в здешнем суровом крае, и все ученицы были очень обрадованы тем, что им было разрешено целый день гулять во дворе пансиона и лепить фигуры из чуть подтаявшего и ставшего липким снега — прекрасный белый день в конце зимнего сезона длился целых одиннадцать часов.

Аула с Эйлой оказались самым искусными мастерицами: они слепили из искрящегося голубоватыми и розоватыми огоньками ослепительно-белого снега роскошный замок с узорчатыми дверьми и окнами, высокими шпилями и башенками, похожими по форме на архитектурные конструкции каландиенского стиля — в виде немного приплюснутых сверху вниз сферических пролётов, из которых расположенные выше были по размеру меньше нижних, а верхушки башенок были в форме свечных огней. Девушки смастерили также снежный сад из пышных кустов и цветов, которые в довершение опрыскали рисовальными красками из маленьких флаконов с прозрачными приспособлениями для разбрызгивания. Под конец в недвижимом, но красочном саду перед замком появилась алая дорожка, ведущая к главным воротам замка, а среди пышной, но недвижимой растительности — замершие на ветвях птицы и зверьки с разноцветной шерстью, именуемые садовыми кагианами. Под самыми большими плодовыми деревьями же паслись домашние стерры, а рядом к изгороди был привязан большой сторожевой кин.

— Вот это красота у вас получилась! — весело воскликнули проходившие мимо другие ученицы, которые уже закончили свои работы. — Госпожа Вэй была бы в восторге от такого.

— Благодарю вас! — ответила Аула.

Она заметила, что двух девиц — Мирании и Эотты — нигде не было, и сообщила об этой Эйле.

— Ах, эти... — пренебрежительным тоном ответила подруга. — Они вчера подрались из-за кавалера и поэтому их наказали. Наверняка они сидят в северной башне и зубрят «Документальные основы домовладения» Гэрдонии Орис.

Аула невольно засмеялась. Она сама с большим трудом, несмотря на свой светлый ум, могла связать воедино то, что было написано заумными словами и формулами в книге, написанной этой учёной дамой, и сложить в понятную и удобную схему, а уж эти болтушки...

Закончив лепить фигуры из снега, Аула с Эйлой придумали новую забаву на другой половине двора, в стороне от скопления учениц — забираться по изгороди и ветвям на раскидистый ракант, который рос одиночно почти под самой стеной из серо-зелёного тиллового кирпича, поодаль от растущих по всему периметру высоких килотов, и обозревать окрестности. Аула была с детства мастерицей лазать по деревьям, однако Эйла тоже не отставала. Забравшись почти на вершину ракантового дерева и ссыпав с него почти весь снег, они устроились на ветвях и стали обозревать окрестности за пределами территории пансиона.

Среди тёмных шестиугольных, восьмиугольных или круглых строений и узких улочек города или того, что им здесь называлось, царило безлюдье. Не было также животных. Казалось, Лиерам опустел и можно было теперь сколь угодно бродить по его улицам, дворам и закоулкам, не опасаясь косых подозрительных взглядов, злобного бреха голодных кино или внезапного нападения прыгающих с крыш диких котов-гигантов с крыльями, не раз здесь виденных и наводящих страх на местных жителей. Эйла объяснила, что, будучи

уроженкой здешних мест, она знала природу этого затишья: в последний день зимы все люди отправлялись вместе с домашними животными в большой лагерь на берегу реки и устраивали большой праздник, а коты-летуны теряли интерес к опустевшему поселению, поскольку люди заботливо запирали за собой все двери, кладовые и хоромки для домашних питомцев, так что хищникам было негде и нечем поживиться.

— Так воот что... — протянула Аула и сердито трянула ветвью, на которой сидела. — Выходит, все ушли отмечать праздник, провожая зиму, а нам нельзя даже выглянуть за пределы двора этого дурацкого пансиона... живём тут как в тюрьме.

— Тише, Аула, — предупредила её подруга. — Если нас услышат или вообще тут увидят...

— Не думаю, это ведь задний двор, причём восточная сторона, а все преподавательские и директорские окна выходят на юг и на запад. А против нас окон нет вообще.

Это было правдой. Поэтому девушки осмелели и, устроившись поудобнее, принялись покачивать ветви, на которых сидели, и смотреть вдаль.

Внезапно Аула замерла и напряжённо поглядела на восток.

— Что там? — спросила её Эйла, придвигаясь ближе.

— Я вижу человека! Кто-то из горожан, как и мы, не пошёл на праздник, но он хотя бы волен гулять по городу. Он стоит вон там!

Она указала правой рукой с вытянутым вперёд указательным пальцем куда-то вдаль. Эйла заметила сначала, кто кожа рук, как и лица Аулы, была даже на холоде бело-розовая с лёгким серебристым оттенком, без золотистых или бронзовых тонов, свойственных людям юга, или голубоватым, свойственным северянам, таким, как сама Эйла. Поэтому она даже не знала, к какой расе принадлежали предки Аулы, однако её горячий нрав и непосредственность позволяли предполагать, что в этой особе текла кровь выходцев из Клирии, которые были белокожими и пепельноволосыми обитателями срединных равнин, но в текущие времена эта раса была немногочисленна. Среди двух с тремя четвертями миллиардов всех разумных жителей Элайи, относившихся к шести человеческим расам и трём химерным, клирианцев насчитывалось всего шестьсот тысяч и жили они, как описывали учёные расоведы, в разных частях света обособленными группами и селениями.

Человек же, которого разглядели Аула с Эйлой, по очереди приложив к глазам увеличительный кристалл, явно был выходцем с юго-востока Эллиоры и частично принадлежал к расе тенгинцев.

Аула начала раскачивать ветку раканта сильнее.

— Что ты делаешь? Прекрати скакать, или я сейчас упаду! — закричала Эйла.

— Не говори никому, если не хочешь стать предательницей, как Мирания, — ответила ей Аула. — Я хочу с ним поздороваться.

С этими словами она раскачала ветку так, что спрыгнула с неё и оказалась целиком в высоком сугробе по ту сторону кирпичной стены. Эйла ахнула, однако не стала прыгать вслед за нею, а соскочила с дерева во двор и, отряхнувшись, побрела к другим ученицам, думая, что лучше не рисковать, подставляя Аулу Ора, как это не так давно сделала Мирания Эйн.

Глава девятая

Читатель, наверное, уже догадался, что под маской весёлости, смелости и беспечности нашей героини, в глубине её души, ума и сердца, таились ужасные противоречия. Они раздирали её душу и не давали покоя ни ночью, ни днём, ни в другое время суток. Здравый смысл, уже вполне неплохо работавший в восемнадцать лет, приказывал остановиться, осмыслить своё настоящее и задуматься о будущем. Действительно, она находилась в поре, когда её подруги, приятельницы и просто окружающие молодые девушки стремились обрести как можно большее совершенство своего внешнего облика и внутреннего мира, стараясь понравиться как можно большему числу молодых кавалеров самого разного сорта, из которых каждой затем предстоит выбрать себе спутника жизни. Для этого они очень старательно изучали разные женские искусства — с одной стороны, как быть красивыми, милыми и обаятельными, а с другой — как привлечь желаемое счастье искусным приготовлением еды, танцами, рукоделием и др. Стрижка волос, как оказалось, была необходимой мерой в суровых условиях местного климата, хотя отчасти была данью старой традиции, заведённой именно в лиерамском девичьем пансионе: аккуратно подстриженные волосы свидетельствовали о скромности и порядочности их владелиц. Однако появление здесь Аулы и безжалостное состригание её длинных роскошных локонов на глазах у госпожи Серрель и двух других директрис пробудили в последних чувство некоего сострадания, и очень скоро в уставе пансиона появилось разрешение для девушек не остригать волосы, при условии, если они будут регулярно за ними ухаживать и появляться на уроках с аккуратными строгими причёсками, а не похожими на лесных колдуний или площадных танцовщиц, которые часто развлекали народ на праздниках, тряся обнажёнными грудями и невероятно длинными распущенными шевелюрами. Эта небольшая поправка вскоре возымела своё положительное действие: к началу весны волосы у всех учениц стали длиннее и из них уже можно было делать причёски в форме шишечек. Верность старой традиции, однако, решила сохранить Мирания, предпочитая стричься один раз в декаду, чем позволить подругам причинять ей боль не очень умелым сотворением причёсок.

Что касалось Аулы, то безупречная красота и изящество тела, которыми наделила её природа, делали не столь важными для неё хлопоты по созданию и совершенствованию собственной привлекательности, хотя, по мнению мастерицы Орисии Вейал, «женский боевой раскрас» придавал её куда больше неотразимости. То же самое говорила мастерица парикмахерского искусства, каждый раз сооружая на голове Аулы всё новые и новые шедевры. Однако та, внешне нехотя соглашаясь с мнениями преподавателей и сверстниц, всё же считала, что будучи естественной, без всяких «раскрасов» и с расчёсанными на пробор волосами, перехваченными на середине длины тонкими цветными ленточками, она выглядит и чувствует себя гораздо лучше. К тому же, к удивлению всех, волосы на голове у Аулы отросли куда быстрее, чем у её сверстниц, и те, как и все её остальные странности, приписали это к её происхождению от странных и загадочных клирианцев.

Такое скептическое настроение у неё вызывалось как раз тем, что прямо противоречило здравому смыслу и голосу человеческого разума: она не испытывала желания нравиться кавалерам, которых, по традиции, приглашали в этот замок, как и во все остальные, для знакомств и общения с девушками. Ни один из парней, который изъявлял желание познакомиться ближе и хотя бы подружиться с красивой, но гордой и неприступной эйди, не

находил хотя бы намёка на взаимность. Аула хорошо танцевала на вечерах встреч и выглядела лучшей из учениц пансиона в своих изящных, сотворённых своими руками нарядах. Однако всё выглядело так, как будто наряды, украшения и макияж нужны ей были для того, чтобы покрасоваться, показать саму себя и затем скрыться, оставив после себя пару-тройку разбитых сердец.

Окружающие девушки, почитавшие себя приличными, благовоспитанными эйди, втайне осуждали такое поведение Аулы, однако не смели сказать ей это в глаза, боясь её непредвиденной реакции. Однако они не видели истинных причин такого поведения, не видели и не замечали терзаний, которые крылись внутри её чувствительной и романтической души. Казалось, в этих стенах и вообще в этом мрачном городе люди настолько становились нечуткими, зацикленными на себе и своих жизненных проблемах и слепо подчинёнными каким-то внешним правилам и распорядкам, что им было всё равно, что творилось во внутреннем мире друг друга и вообще в окружающей действительности. Конечно, ученицы первого и второго года пребывания в этом пансионе были ещё живыми, часто участвующими и сочувствующими, что недавно показали сами, однако те, что обучались здесь три года и больше, были уже другими — зачастую холодными, надменными и высокомерными, хотя внешне казались милыми и обаятельными. Движущей же силой тех эйди, что были уже близки к завершению обучения и созревания, как здесь говорили, казалось, был лишь холодный расчёт. Некоторые из них явно демонстрировали своё стремление поскорее окончить пансион, чтобы выскочить замуж за видных и состоятельных кавалеров, из которых чаще всего были востребованы королевские гвардейцы, адмиралы, командоры и капитаны разных мастей, а также владельцы крупных производств и торговых лавок. Разумеется, эти кавалеры были заезжими приглашёнными гостями из столицы или прилегающих к ней городов, так как на простых парней выпускницы уже переставали обращать внимания и те оставались не у дел.

Всё это претило чувствительной, тонкой душе Аулы Ора и вызывало в ней такой протест, что она, пробыв в стенах лиерамского пансиона пять с половиной триад (включая переходную между осенней и зимней) и обнаружив здесь столько всего «замечательного», начала всерьёз задумываться о том, как уговорить высшие силы изменить ход её жизни так, чтобы её не постигла участь большинства здешних учениц. Ей вовсе не хотелось «созреть» так же, как они, и поражать взгляды одной лишь внешней красотой, став при этом жестокой, бессердечной и холодно-расчётливой женщиной, которая впоследствии заставит страдать и своего мужа, и своих детей, и всех своих родных, и страдать самой, даже не чувствуя этого. Она хотела, получив образование, остаться живой, доброй и любящей, с открытым сердцем и сильными чувствами. Мало того, она хотела научиться тому, как проявить в себе загадочную, скрытую в глубине сердца и ещё не совсем понятную ей самой тайную суть, некую силу, способную изменить что-то в этом мире в лучшую сторону, а не только блеск внешнего вида и ума, смекалку и кое-какие таланты, которые были заложены в ней с раннего детства. Впрочем, то, что после её появления в Лиераме все эйди перестали регулярно подстригать волосы и стали делать причёски, и было одним из проявлений такой воли, о которой она сама своим умом догадывалась только теперь. Однако этого было ох как недостаточно для того, чтобы побудить директорат изменить многое для того, чтобы растить из юных распускающихся бутонов прекрасные живые цветы, а не замершие в вечном сне холодные изваяния. А если она станет дальше бунтовать против здешних порядков, стремясь к тому, чтобы, пройдя через все эти круги царства Тьмы, расцвести живым цветком, чтобы дарить

окружающему миру силу и радость жизни, а не слепо поглощать её из мира и от других людей, это будет скоро замечено и тогда её серьёзно накажут, самое безобидное, изгнанием из пансиона с пометкой в Главном Характеризующем Документе: «Злостная нарушительница правил».

Другим обстоятельством, которое мучило Аулу и не давало ей покоя, была её странная связь с тем самым семинаристом, который, как оказалось, также злостно нарушал правила и принципы жречества и своего обучения в семинарии для будущих светил религии и духовного мира. Надо сказать, что он ворвался в её жизнь уже давно, когда стал приходить к ней в снах, но чаще — в особых состояниях между сном и явью, когда она начинала засыпать поздно вечером или просыпаться утром. Тогда казалось, что он вовсе не снился ей, а приходил по-настоящему в каком-то ином измерении, пока его тело и ум спали или были погружены в глубокую медитацию. И это побудило её четыре года назад отправиться в главный храм города Оттари, чтобы увидеть воочию юного жреца и познакомиться с ним. Сделав это, а заодно приложив обоюдные с ним силы к спасению двоих разумных представителей различных рас, по некой высшей воле оказавшихся рядом друг с другом в одной и той же беде, она, тем не менее, стала причиной обрушившегося на Этта Мора гнева его грозного наставника. Если бы этого не случилось, то наверняка бы Этт, обучаясь дальше у старого жреца, стал бы впоследствии его преемником. Однако его изгнание привело к принятию им более амбициозного решения: пойти учиться в единственную в этом Королевстве семинарию, которая находилась в Лиераме, чтобы получить, в случае блестящих успехов, высший монашеский чин, а в случае отсутствия одного — стать просто высокообразованным жрецом. Тогда бы он получил право стать кем угодно в этом мире — Хранителем городского архива, духовным исцелителем, поверенным вершителей судеб совершивших злодеяние людей, описателем истории Богов и людей и т. п. или же главным жрецом любого храма с законным правом наставничества, недаром обучение в семинарии длилось семь долгих лет с небольшими перерывами на отдых.

В обоих случаях ему не светило быть семьянином либо же просто страстным любовником, поскольку жреческий устав амантийского сиентата, как и многих других в этом мире, освобождал мужчин и женщин от необходимости иметь семьи и размножаться ради духовного служения и выполнения прочих высших миссий. С другой стороны, нарушители сего закона бывали сурово наказаны изгнанием из мира жрецов и монахов в жизнь, которая в их кругах считалась во многом порочной и грязной. Ещё более тяжким преступлением считалось увлечение чародейством, гипнозом и прочими вещами, имеющими отношение к миру колдовскому, тёмному, которого опасались касаться как жрецы, и монахи и даже сами Боги, так и простые люди.

Однако молодой жрец, увлекшись двумя непростительными вещами — особыми чувствами к юной особе, имевшей честь посетить тот храм вместе со своей приёмной матерью, и искусством духовно-магического целительства, не смог расстаться с этим и перенёс свои тайные увлечения в свою жизнь студента семинарии. Некоторые его сокурсники догадывались, а кое-кто был даже свидетелем его тайных занятий в свободное от учёбы время и принимал участие в его экспериментах. Однако до поры до времени всё было тихо, пока высшее руководство сего учебного заведения ни о чём не догадывалось.

Приезд же в Лиерам Аулы Ора оказал влияние на жизнь молодого, амбициозного семинариста, наверное, едва ли меньшее, чем на причёски юных эйди из местного пансиона. Внезапная его встреча с ней в стенах библиотечного подвала под лиерамским городским

храмом во многом перевернула его мир, и теперь его так же, как и Аулу, терзали противоречия и сомнения, а стоит ли продолжать дальше вести двойную игру, пытаясь стать учёным жрецом и даже получить высший монашеский чин, на который он претендовал в силу своего успешного обучения в семинарии, и при том тайно почитать Аффариса с ещё некоторыми корифеями магического целительства и проводить опыты на пойманных животных, а то и на своих сокурсниках или себе самом. Или же оставить то и другое, навсегда связав свою жизнь с прекрасной небесноокой эйди, нежной, трепетной и порывистой, как ветер в переменчивую пору зимне-весеннего межсезонья. С каждым днём после этой встречи она становилась ему всё дороже и ближе, несмотря на то, что та была отгорожена от него тройной высокой стеной — того заведения, где он был студентом, пансиона, где обучалась она сама, и той, которую воздвигали между ними принципы и правила сиентата.

И вот, в самый последний день этой зимы, когда начинался великий праздник, что продлится, по местным обычаям, целую межсезонную триаду, оба созрели для того, чтобы предпринять в своей жизни что-нибудь такое, что навсегда изменит линии их судеб и, быть может, свяжет их между собою навсегда. Как обитательницы закрытого пансиона, так и студенты закрытой семинарии были лишены права покидать территорию своих учебных заведений, если на то им не выдавалось особое разрешение, с необходимостью всякий раз отчитываться о том, где они были. В этот день, когда все жители города, за исключением «узников» этих учебных заведений, ушли из города, чтобы проводить Владычицу Зимы на временный покой, чтобы затем позже, вернувшись в город, торжественно встретить молодую Весну и радоваться этому целых тридцать дней, Этт тайно сбежал через дыру под неприступной стеной, окружавшей тесный двор семинарии (о существовании этой дыры мало кто знал, ибо она была прикрыта с внутренней стороны двора широкими деревянными листами для обивки внутренних стен, а снаружи её прикрывали кусты таманника и поэтому не особо намётанному глазу она казалась невидимой), а Аула, как уже знает читатель, раскачала толстую ветку ракантового дерева, на которую взобралась вместе со своей новой подругой Эйлой Хан, и перепрыгнула через кирпичную стену.

С трудом выбравшись из огромного сугроба, Аула отряхнулась, сняла с себя и тщательно очистила от снега маленькую бурую шапочку из шерсти, затем серебристого цвета шубку, после чего надела всё это снова и побрела в восточном направлении, где у самого выхода из города увидела фигуру Этта Мора. Теперь он оказался гораздо ближе, так как, увидев неуклюжее падение девушки в сугроб, поспешил к ней на помощь, но она успела выбраться сама раньше, чем он подоспел. Подбежав к нему, она уцепилась озябшими пальцами за рукава его тёплого, расшитого бисерными узорами камзола, который не имел отношения к форменной одежде семинаристов и был, вероятно, приобретён им для таких случаев заранее. Под этим камзолом у него, однако, оказалась также отнюдь не форменная одежда, а обыкновенная, в какой ходили здешние горожане. Это не вызвало у неё удивления, потому что сама она была также не в учебной форме, а в купленном на небольшую часть присланных из родного дома монет скромном городском платье из плотной древесной шерсти, длиной чуть ниже колен, плотных шерстяных тиргах и высоких сапогах из имитированной кожи тёмно-коричневого бербола с пришитыми блестящими бусинами.

Этт посмотрел на запрыгавшую от радости девушку долгим, пристальным взглядом, в котором было столько неподдельной доброты и любви, сколько вообще способно было исторгнуть его сердце, но вместе с тем в этом взгляде была некоторая доля горечи. Он

улыбнулся, но в этот раз его улыбка получилась слабой.

«Бедняжка, — подумал он, подавив невольный вздох. — Н последний ли раз в этой жизни мы касаемся друг друга и можем обменяться словами? Или всё же можно ещё изменить ход нашей судьбы, так, чтобы это могло спасти нас обоих?»

Под словом «спасти» он имел, конечно, не спасение от неминуемого отчисления из учебных заведений, если их разглядят здесь из окон обоих каменных зданий. Ему это было, надо полагать, всё равно в сравнении с тем, что он последнее время осознавал: Ауле не жить дальше без него, так же как и ему — без неё. Без него она запутается в непредсказуемых сетях того, что в этом порочном мире называется жизнью, и погребёт под своими останками великий дар Богини, который могла бы, с его поддержкой, направить а то, чтобы внести свой вклад в избавление этого мира от насилия и висевшей над ним угрозы завоевания тремя оставшимися Императорами Зла и той, что называла сама себя Императрицей. Эти мысли то и дело приходили в его голову всякий раз, когда он думал о своей прекрасной возлюбленной и, в особенности, когда на неё смотрел. С другой стороны, сам он, оставшись вне привычного крова (а другого у него не было, ибо он был с детства бездомным сиротой, отданным неким племенем подобравших его ранее горцев посетившему их однажды жрецу Ассирусу, и, если он окажется наказанным судьями сиентата и изгнанным навсегда из мира жрецов, лишится права жить в стенах храмов), станет бесприютным, никому не нужным бродягой, который будет скитаться по миру, сам себе судья и хозяин, и закончит свои дни под раскидистой кроной дерева, в пещере или где-нибудь ещё. Или же, как иногда предполагал, станет тёмным магом, обретёт могущество и долгую-предолгую жизнь, используя свою магическую силу и служа самому себе, и поселится в отдалённых пещерах Голубых гор, гористых пустынях Юго-Востока, спящих до поры «кузницах» Эморры или же в суровой лесной Дейвазии, однако при этом отнюдь не примкнёт к Императорам, которые стали бы его использовать в своих целях. Если же директорат семинарии и сиентат ни о чём не узнают, то получивший свидетельство образования и высший монашеский чин Этт Мор, подавшись в Совет сиентата или выбрав для себя другую подходящую стезю, останется навсегда разлучённым с Аулой Ора, этим прекрасным человеческим воплощением Богини Ветров Эас, свидетелем того, как она погибает, будучи навсегда разлучённой с ним.

— Пойдём! — сказал он, беря её руки в свои и согревая их.

— Куда же мы пойдём? — спросила Аула, не противясь, однако испытующе посмотрев в его глаза.

— Куда глаза глядят. Этот мир не принадлежит нам до тех пор, пока нас в нём нет, и становится нашим, когда мы топчем его своими ногами.

Эта шутка показалась обоим наполненной глубокого скрытого смысла. Аула взяла своего кавалера под руку, так же, как это делали девушки в пансионах, выбирая себе партнёров для танцев и более близкого знакомства, и они направились по извилистой дороге в восточном направлении.

Оказавшись за пределами города, будучи больше ничем не стеснёнными, они ощутили такую свободу и свежесть, что совершенно расхотели возвращаться обратно, по крайней мере, в ближайшее время. Заметно потеплевший и повлажневший от юго-западного ветра воздух, вкупе с яркими предвесенними лучами Небесного Ока, продолжали растапливать снег в долинах рек, поросших сбросившими листья ветвистыми ракантами, высокими стройными килотами и тонкими извилистыми кустарниками, и на склонах круглых сопок, покрытых древесной растительностью всех возможных оттенков голубовато-зелёного,

фиолетово-зелёного, и тёмно-зелёного с коричневыми шерстистыми "подложками". Аула хорошо знала из местных деревьев игольчатую лауду с прочной тёмно-красной древесиной, дававшую вкусные съедобные орехи, и знаменитое шерстяное дерево, которое росло не только в этих краях, но и в западной части огромного материка. Это дерево было замечательно тем, что его ствол, довольно тонкий и не очень прочный, был покрыт слоями волокнистых выростов, похожих на тёмно- или светло-коричневую шерсть, хотя иногда встречались и белошёрстные деревья. Эта тёплая "подушка" защищала и согревала растение в холодную пору, а весной слои "шерсти" отставали и отваливались клочками, так что летом деревья стояли голыми, зато узкие тёмно-зелёные с фиолетовым оттенком листья, похожие на длинные иглы, опадали и вместо них вырастали другие — широкие и светло-зелёные с лёгким оттенком голубого. Впрочем, были известны деревья, росшие в краях с очень холодным летом, где они никогда не сбрасывали шерсть и не меняли иглы на широкие светлые листья, и экземпляры из южных стран, никогда не покрывавшиеся шерстью и всё время стоявшие с пышной листвой.

В нескольких лингах от города протекала широкая река с местным названием Риехан, за которой начиналась Дейвазия — страна высоких гор, древних седых ледников, покрывающих вершины, и диких северных лесов, населённых бесчисленным зверьём и немногочисленными охотничьими племенами. Ни один местный горожанин или заезжий человек, знающий о том, что может его поджидать в этих горах, не ступит туда в одиночку, без оружия, летательного приспособления, местоуказательного прибора и необходимых знаний. К тому же через глубокую и широкую реку, которая текла на северо-запад и впадала в Северное море, располагавшееся между Эллиорой и покрытой вечными льдами и огнедышащими горами Хеттарией, не пролегало ни единого моста. Поэтому Этт и Аула предпочли прогулку по межсопочным долинам и левому берегу покрытой толстым слоем льда реки, поросшему тимановыми зарослями и, вперемешку с ними — шерсто-лаудово-ерговой шербой с примесью килота ещё нескольких, не столь ценных пород деревьев.

— Как здесь тихо и просторно, — сказала Аула, разведя руки в стороны, словно обнимая ими лес, горы, широкую долину и небо над головой.

Этт оглядел окрестности и остановил взгляд на чём-то высоко над головой.

— Смотри!

Аула посмотрела туда же и увидела почти на самой верхушке высоченной игольчатой ерги двух больших иссиня-чёрных птиц, сидящих на одной и той же ветви и слегка её пригибая. Это была местная порода воронов, которые славились своими размерами, искрящимся оперением и поразительным умом. В Дейвазии, как поговаривали местные жители, охотники приручали этих птиц, приучая их находить добычу и оповещать о ней за довольно щедрое вознаграждение. Просвещённые амантийцы не одобряли охоту, считая её противным Богам и природе убийством представителей царства животных, хотя иногда прибегая к отстрелам не в меру расплодившегося зверья (из шкур и меха этих животных шили тёплую одежду, головные уборы и обувь), но не могли запретить заниматься ею малочисленным лесным жителям, которые питались и обогревались только за счёт данного ремесла.

— Здесь нет охотников, — заметила Аула. — Откуда здесь взяться воронам?

— Точно так же мне бы хотелось узнать, откуда в городе зимой появляются крылатые кошки. Хотя здесь гадать нечего: их развелось слишком много, а добыча в лесу чаще достаётся охотникам и её выслеживают вот такие здоровенные вороны.

— Мне кажется... — Аула вновь посмотрела вверх. — Эти птицы никого сейчас не выслеживают, а просто за нами шпионят.

Она отвернулась от дерева и, подойдя совсем близко к своему другу, уткнулась лицом в широкий ворот его камзола, подбитый мягким серебристым мехом как раз одного из таких отстреленных в городе крылатых чудовищ. Аула посетовала про себя, что он мог бы и не надевать одежду, изготовленную местными охотниками, а предпочесть шерсть среброхвоста, при вычёсывании которой из пышных хвостов этих животных последние не погибают, а только бывают вынуждены до весны прятать голые хвосты под толстыми тёплыми брюшками. Но вслух ничего не сказала, тем более, насколько ей было известно, среброхвосты в здешних краях не водились.

В тот же миг с верхушки высоченного дерева раздалось обиженное краканье и птицы заёрзали на месте, сбросив вних несколько крупных снежных хлопьев.

— Смотри-ка, — заметил Этт, обняв её одной рукой и продолжая любоваться этим зрелищем. — Они нас понимают. И наверняка вовсе не шпионят за нами. Весьма странно, если бы на нас здесь нашлись охотники.

— А ведь верно, — согласилась с ним Аула, отрываясь от него и вновь глядя на воронов, затем на далёкие лесистые горы. — Кому нужно за нами охотиться, кроме директоров наших жутких учебных заведений, а они вряд ли станут заводить себе ручных воронов-шпионов.

Они засмеялись, и тут же произошло странное: два большущих ворона, громко закаркав, снялись с ветки ерги, ссыпав с неё снег, и направились в сторону Лиерама. Этт с Аулой с тревогой наблюдали за тем, как птицы, кружа над крышами домов, спирально скрученными шпилями над зданием городского управления и башнями замков, облетели город и бесследно исчезли где-то в его сердцевине.

— Похоже, это не простые птицы и они действительно за нами следили, — мрачным тоном произнесла Аула. — И, будучи хорошо обученными, без труда доложат всё нашим директорам.

— Не бойся, — Этт засмеялся, привлёк её к себе и внимательно посмотрел в глаза. — Я ни разу не видел в замке семинарии ни одного ворона.

— Я тоже не видела их ни разу в нашем пансионе, — ответила девушка, высвобождаясь из его объятий. — Но это всё странно. Уж не может ли быть такого, чтобы кто-то из них не выучился обращаться воронами, чтобы выискивать тайных нарушителей уставных правил и потом их сурово наказывать?

— Вот это уже совсем неправдоподобно, — покачал головой Этт, беря её за руки и вновь заключая в объятия. — Если уж нам суждено быть наказанными, тогда это произойдёт и без этих ухищрений, к тому же вряд ли директор нашей семинарии станет заниматься магией превращений или любой другой.

— Это верно. Но наши директрисы, как мне кажется, похожи на ведьм. О, Этт, я так не хочу быть наказанной... и не хочу также, чтобы наказанию подвергся ты. Что нам делать?

— Что нам делать? — переспросил он. — Что нам делать, если мы уже совершили преступный побег и наверняка нас потеряли наши директора и прочие воспитатели? Конечно же, расслабиться перед грядущей расправой и отправиться отмечать праздник. Чему быть — того не миновать. Пошли!

Он указал кивком головы немного севернее, где на правом берегу небольшой безымянной речки, которая была одним из многочисленных притоков Риехана, было заметно какое-то движение и отуда раздавался доносимый ветром шум. Этт повёл Аулу туда

через неширокую тропу в густом прибрежном тиманнике. Шум раздавался всё ближе и ближе, и вот — заросли расступились и перед ними открылся широкий просторный луг, который упирался в высокий берег речки.

Здесь, казалось, собралось население не только небольшого Лиерама, но и заезжие гости, торговцы и путешественники, так как народу было хоть отбавляй. Здесь собрались все — мужчины, женщины, старики, дети и домашние животные. Там и сям виднелись шатры, в каждом из которых могло разместиться на ночлег десять-двенадцать человек. В центре обширной поляны горел большой костёр, а поодаль от него стояла огромная снежная баба, раскрашенная красками и похожая, как показалось Ауле, на госпожу Серрель, разве что в руках у неё вместо свитка с очередным списком распоряжений был ледяной жезл, а на голове — корона, вырезанная из основания старого медного чана.

Аула вместе с Эттом стали поодаль и принались наблюдать. Аула усмехалась, наблюдая за местной забавой: молодёжь бегала вокруг неподвижной "Серрель" с зажжёнными факелами в руках и тыкала её во что придётся, надеясь каждый следующим тычком заставить её упасть и рассыпаться. Вскоре всё основание высокой снежной фигуры было истыкано и подточено, а солнечные лучи тем временем делали свою работу, так что через какое-то время статуя Владычицы Зимы стала подтаивать, промокать и покрываться сосульками. Наконец, под всеобщий задор она рассыпалась, но не упала простой кучей наземь: внезапно на тот самом месте, где она стояла, возник вихрь, закружил останки Зимы, поднял вверх столбом и унёс вдаль, оставив на поляне чистое место, едва прикрытое снегом.

— Это настоящее чудо! — воскликнула Аула, порываясь выбежать вперёд, чтобы поздравить горожан и гостей с победой, но Этт её не пустил, и тогда она с немного обиженным видом стала смотреть, что будет дальше.

А дальше было вот что: все собравшиеся на поляне принялись приплясывать и кружиться на месте под звуки тримбалов, похожих на большие сита, только с металлическим дном и навешанными по краям блестящими звонцами, и виолтов, напоминавших большие пузыри с торчавшими в разные стороны трубочками разного калибра. Были ещё некоторые инструменты, не знакомые Ауле и её спутнику. Однако наибольшее внимание привлекали музыканты: среди них оказались не только наряженные в разноцветные камзолы и нацепившие высокие вилоксовые шапки городские тримбалисты и виолтисты, но и несколько косматых и грозных на вид коренных дейвазийцев в шкурах диких орхалов и шапках из голов этих лесных хищников, причем из ушей этих голов торчали длинные бурые, чёрные, белые и синеватые перья местных птиц.

Пока длились эти пляски, несколько мужчин из числа гостей сидели у восточного края костра и жарили съедобные клубни хелтока, приправляя их пряностями и продавая желающим за мелкие монеты или же в качестве награды — за верный ответ на загадки, которые они задавали. Многие желающие попробовать кушанье, привезённое с далёкого юго-запада, не разгадав загадку, вынуждены были доставать монеты, и вскоре рядом с весёлыми торговцами их накопилась целая куча.

— Этт, может быть, всё-таки поучаствуем в празднике? — упрасивала Аула своего спутника. — Ты ведь сам хотел повеселиться.

— Ну пойдём тогда, — согласился он и, взяв девушку за руку, повёл её к центру большого круга.

Поначалу они были смущены, но вскоре, подбадриваемые местными жителями, которые, находясь не в городе, уже не косились на них злобными и недоверчивыми

взглядами, вошли во всеобщий задор и плясали вместе со всеми. Они ухитрились также отгадать целых шесть загадок подряд и в награду получить вкусное угощение. Так прошёл остаток дня, и когда стало понемногу темнеть, горожане устроили целое феерическое представление. Как только лучи Небесного Ока стали исчезать за восточным горизонтом, все, кроме Аулы и Этта, которые решили просто на это посмотреть, собрались вокруг большого костра и принялись кружить вокруг него наподобие разбушевавшихся лесных духов, словно вызывая некие силы. Их движения сопровождалось непрерывно вспыхивающим в небе холодным сиянием, и ветер крепчал, превращая тёплый день и вечер в холодную северную ночь. Однако празднующую встречу Весны было жарко, многие снимали верхнюю одежду и шапки и продолжали взывать к силам уже почти зашедшего за горизонт солнца пробудить всё живое к жизни и цветению. Наконец, прошло ещё некоторое время, пока произошло то, чего все добивались: прямо над головой сошлись в парном танце полные диски обоих ночных (или, скорее, вечерних, так как до наступления ночи было ещё далековато) светил — Ацеры и Энталии и рядом с ними возник небольшой, ярко светящийся диск Траона, населённого, как писали учёные жрецы и преподаватели, целым огромным сонмом тощих черноволосых карликов. И в самый неожиданный момент стало светлее, как будто мир повернул вспять в своём вечном движении вокруг себя самого, и единственный луч света, неожиданно показавшийся из-за горизонта, ударил в самую середину костра, вызвав в нём кружение вихря. Этот вихрь поднимался всё выше и выше, пока не рассыпался в небе множеством искр, обдав всех собравшихся тёплым ветром. И, казалось, в самом центре этого вихря возникла огромная фигура женщины, которая напомнила Ауле уже не холодную сердцем директрису лиерамского пансиона для девушек, а... её саму. Это немало удивило и обрадовало её.

— Вот и пришла новая Владычица, — прошептала Аула, глядя блестящими глазами в глаза Этта Мора и приглашая его на последний танец перед тем, как начнётся межсезонье, в котором весна, борясь за свои права, постепенно получит их целиком, до следующего наступления холодного сезона.

Тот поддался чарам юной эйди и, прежде чем они пустились кружить вокруг костра, поцеловал её. В наступившей темноте (точнее, в полумраке, поскольку в северных краях, где солнце долго не заходило за горизонт, полной темноты никогда не бывало), никто этого, казалось, не заметил, однако для Аулы это был настоящий переворот вселенной вверх дном. Её обдало с головы до ног огнём, как будто феерическое представление рождения Владычицы Весны разыгралось в ней самой. Казалось, она превратилась в само пламя и, лишившись опоры, взлетела в воздух, как будто её подняла и понесла некая таинственная сила. Однако на самом деле это были руки Этта, подхватившие её в самый момент потери чувств и закружившие в танце под звон тримбалов и прихлопывания веселящейся толпы.

Глава десятая

В небольшой, но очень уютной спальне на втором этаже большого дома, увешанной дарёными покрывалами и освещённой ночными светильниками, было жарко и совсем тихо, если не считать едва различимого скрежета маленького стенового бурильщика. Хозяин с хозяйкой, умаявшись в течение бурного, весёлого, беспокойного, насыщенного хлопотами и праздником дня, крепко спали.

Внезапно сон хозяйки прекратился, как будто его не было вовсе. Она с трудом могла вспомнить, что видела в этом сне, а потом из её головы вылетели и эти скудные воспоминания. Вместо них снова нахлынул поток непрекращающихся, надоедливых, навязчивых мыслей, посещавших её регулярно с тех пор, как произошла череда уже описанных событий. Спасением, пожалуй, были сны, в которых можно было отдохнуть от этих натисков и даже порой поговорить со своей названной дочкой, рассказав ей всё, чего та о себе ещё не знала. Однако это действовало только на время, ибо дочка была теперь так далеко, что видеться они не могли, по крайней мере, до середины летнего сезона, если она ещё пожелает приехать домой, а не останется коротать время отдыха в далёком от цивилизации городе на краю великой державы, в котором, по многочисленным слухам, жили угрюмые, замкнутые и полудикие люди, а по улицам разгуливали дикие звери.

Всё же Алерте казалось, что Аула вскоре прибудет домой и обрадует их с Гио глаза, причём гораздо раньше, чем она предполагала умом. По тому, что Аула писала в посланиях, которые в виде маленьких свитков отправляла с изредка курсирующими до Лиерама и обратно воздушными кораблями, жилось ей там несладко, и единственной её отрадой были занятия рукоделием, рисованием и изучением новых книг и рукописей в библиотеке. К рисованию она ощутила последнее время даже большую страсть, чем к привычному с детства рукоделию, шитью и постижению наук, и писала, что, вероятнее всего, в недалёком будущем станет художницей и будет продавать свои картины на выставках в разных городах, причём не только в пределах Королевства Аманты. Кроме того, Аула сообщала о том, что ей удалась первая тайная встреча с тем, кого она "всегда желает видеть, слышать, ощущать и осязать" и что эта встреча, возможно, заставит его задуматься, а стоит ли ему дальше делать всё, чтобы облачиться в монашеские одеяния и навсегда забыть её прекрасные глаза и пылкую, влюблённую душу. Алерта дивилась смелым помыслам приёмной дочери, однако ей самой всё ещё недоставало смелости написать Ауле то, что, по её мнению, та должна была знать уже давно: о том, что о ней сказали удивительные жители Голубых гор, когда передали девочку им с Гио как некий бесценный дар Богов.

Но в этот раз Алерта решила написать. Не став будить мужа, она потихоньку встала с удобной лежанки, завернулась в покрывало, подпоясавшись плетёным матерчатым ремешком, после чего, достав из стоявшего на полке ящика для свитков большой лист розоватой-белой кальсозовой бумаги, невидимые чернила и маленькую чёрную палочку с заострённым кончиком, уселась на пуф за немного наклонный столик, зажгла яркую лампу и принялась писать очередное послание. Писало скрипело по бумаге, превращая мутноватые капли невидимой краски в аккуратные тёмные значки и закорючки причудливых извилистых очертаний, характерные для нынешней амантийской письменности. Вместе с этими каплями на бумагу падали и другие прозрачные капли — крупные, прозрачные и горько-солёные, как вода тёплых южных морей или солёных озёр. Но она должна написать и

отправить это письмо, какими бы последствиями это деяние не обернулось.

Когда Алерта закончила, она ещё раз перечитала написанное, скрутила лист в плотный свиток, спрятала его подальше и встала из-за столика, погасив лампу. Затем поглядела на мерно похрапывающего мужа и, не решившись его будить, легла рядом на самый край лежанки. Когда же она попыталась накрыться одеялом, Гио в тот же миг перестал храпеть и, открыв глаза, поглядел на свою жену.

— Алерта, — шёпотом позвал он, легонько сжав её руку под одеялом. — Я знаю, что ты не спишь. Ты писала письмо?

— Да. Но откуда ты знаешь?

— Я догадался, потому что, когда ты не спишь в такое время, то наверняка писала. Кому на этот раз, Мелле или Трисии?

— Я писала Ауле, — ответила Алерта, поворачиваясь к нему. — Ты удивишься, потому что я отправляла ей недавно свиток с посланием, но тогда я не решилась сказать ей то, что хотела, и чего ей Эйя наверняка не рассказывала. А теперь я набралась смелости и написала.

Гио хмыкнул, рассеянно поглаживая тёмную с едва заметной проседью волну её волос, выбившуюся из-под одеяла.

— Что же ты ей написала?

— То самое... я открыла нашей Ауле тайну, как она к нам попала и что о ней тогда сказала Ихя, супруга вождя племени Драконов Алайды. Помнишь её?

Гио улыбнулся, припомнив крылатую спутницу ненавистного ему с определённых пор предводителя этого племени, наградившая их с Алертой, неведомо за какие заслуги, прекрасным "даром Великой Богини". Однако нахмурился, припомнив его самого.

— Да, помню. Вот бы узнать, как сложилась жизнь Ихя и её детей.

Алерта горестно вздохнула, поджав губы.

— Я слышала о том, что Ихя погибла во время путешествия с караваном торговцев, шедшим на восток, и вместе с ней погибли и её дети, в живых остался только старший сын и он не стал эйханом.

— А отец этих детей? — продолжал любопытствовать Гио Трейга.

— А об отце я ничего не знаю, — солгала Алерта. — Кроме единственной новости с том, что он подружился с траонцем и теперь живёт в пустыне, которая находится за огненными горами Эморры.

— Хм, странно... Оррам рассказывал, что Драконы Алайды очень редко отбиваются от своего племени, и уж тем более не их вожди. Какая-то сложная и запутанная история, о которой мы так и не узнаем, если вдруг не решим снова к ним наведаться.

Алерта испуганно сверкнула глазами и порывисто схватилась за плечо Гио.

— Не надо.

В ответ он поцеловал жену и уткнулся лицом в её плечо.

— Ну как хочешь. Если эта история тебе неприятна, не будем это поднимать. Но узнать про траонца мне было бы интересно.

— Я полагаю, Гио, что о траонце Драконы Алайды ничего не знают или слышали только мельком. Но мы ушли в сторону. Я только сказала, что сообщила Ауле то, о чём не решалась до сих пор ей сказать. Как ты думаешь или чувствуешь, она обрадуется этому или опечалится?

— Радость, печаль... это простые человеческие чувства, они могут быть какими угодно, главное — знание, которое она получит. И потом решит, что с ним делать дальше. Увы, я не

родной отец Аулы, но думаю и смутно ощущаю, что с ней всё будет хорошо.

— Я тоже, Гио. Но мне кажется, что моё письмо она получит позднее, чем оно придёт по назначению.

— Это почему же? — восторженно воскликнул Гио.

— Я не знаю. Может быть, это озарение придёт позже, утром, а пока давай спать.

И они уснули, обняв друг друга, как делали часто в давней молодости и после окончательного примирения в более зрелом возрасте.

Что касается дальнейшей жизни Аулы Ора в жутком, по мнению многих, захолустье под названием Лиерам, то события, которые имели место быть дальше, целиком вписывались в схему, замысленную ею самой, поэтому ничего непредсказуемого и потрясающего неподготовленное воображение в них не было. После знаменательного побега из пансиона, который увенчался участием в фантастическом, самом грандиозном в этих краях празднике проводов зимы и встречи ранней весны, который в других местах называли праздником Рождением Небесного Ока, для юной ученицы наступило странное затишье. Часы следовали за часами, дни за днями, а в её сторону ни от кого из других девушек, преподавателей и директората не поступало ни единого выговора или нарекания. От Аулы тщательно скрыли даже то, о чём она сама догадывалась по взглядам сокурсниц: в тот праздничный день её потеряли и едва ли не до самого захода солнца обыскивали весь двор и весь замок. Лишь один раз за несколько дней Эйла Хан призналась ей, что обманула всех своих подруг и других эйди, сказав, что ей, Ауле, неожиданно стало нездоровиться и она отправилась в лечебное крыло, откуда его давнишняя хозяйка Криста Арго направила её в городской лекарский тетрагон, поскольку у неё самой закончилось снадобье от ледяной горячки. Разумеется, госпожа Криста была заранее предупреждена сообразительной Эйлой и сумела, в свою очередь, ввести в заблуждение всех преподавателей, смотрителей, поваров и даже двух пронырливых "мастериц чистоты". Возможно, некоторые из них всё же внутренне ощущали подвох, поскольку большинство обитателей мира Элайи в разной степени обладали внутренним чутьём, а некоторые даже — выраженным ясновидением, яснослышанием и яснознанием, однако комедия была сыграна безупречно. Ауле казалось, что гроза, несмотря на растущую в её душе тревогу, так и не разразится.

Однако гроза всё же разразилась. И случилось это на пятый день, когда после очередной лекции по душезнанию, которой, по окончании длинного и нудного курса женских прав и обязанностей, стало уделяться вдвое больше внимания, к ней подошла госпожа Серрель и повелительным тоном велела подняться вслед за ней в её кабинет.

Сгорая от тревожных ожиданий и дрожа, как лист ветренника, когда с последнего снимают лёгкий белый пух, Аула поднялась по прозрачным гранолитовым ступенькам лестницы на пятый этаж. Этот этаж, расположенный над спальнями преподавателей, был примечателен тем, что пространство здесь было небольшим, соответственно тому, что замок пансиона имел конусообразный вид и сужался к вершине. Здесь находилось несколько дверей и входы в три башни, в одной из которых находилась библиотека, во второй — хранилище каких-то древних артефактов и принадлежностей преподавателей, назначение которых ученицам не раскрывалось, а третья была пустой и использовалась чаще всего для наказания провинившихся студенток. Между первой и второй башнями находилась изысканно выделанная кусочками непривычного для здешних мест бело-розового гранита с вкраплениями тёмно-красного смоляного камня дверь в помещение, которое госпожа Серрель называла своим кабинетом. Это помещение было бы мало отличающимся от

большинства других комнат, ибо здесь был точно такой же высоченный потолок, уходящий стрельчатым куполом ввысь, откуда свисала на длинной цепи массивная люстра, и такие же ланцетообразные окна с резными решётками, начинающиеся от самого пола, если бы не его обстановка. Вся мебель здесь была изготовлена из тщательно отполированного и покрытого прозрачным лаком тёмно-красного дерева, была узорчатой и стоила, как прикинула Аула, целое состояние её приёмных родителей и сестёр с их мужьями, вместе взятых. Задние внутренние стенки высокого шкафета, выполненного в той же форме, что и окна, были зеркальными, и в них отражались выставленная на стеклянных полочках изысканная посуда из лучшего в мире голубого, белого и розового хрусталя, добываемого в рудниках Темпрадории в центральной части огромного южного материка Гинвандии, населённого преимущественно синекожими терангва и драконидами, находящимися в тесном содружестве с потомками выходцев из Клирии и Тенгина. Кроме того, на полках других двух шкафетов и тонких этажерках, вперемешку с книгами и аккуратно сложенными в штабеля бумажными свитками, стояли статуэтки разных животных, птиц и мифических существ, выполненные из самых разных полудрагоценных и драгоценных камней. Стены этого помещения были увешаны изысканными полупрозрачными занавесками, расшитыми тропическими цветами, а пол устлан круглыми узорчатыми коврами, сотканными искусными руками сакридских мастериц. Мало того, массивная люстра, похожая с виду на фантастическую птицу, была выполнена в теккерийском стиле из мельчайших хрустальных капелек белого, синего и ярко-красного цветов, собранных в длинные цепочки и звеневших, как маленькие колокольчики, от малейшего движения воздуха или дуновения ветерка.

Была ли вся эта роскошь личной собственностью всех трёх директрис, принадлежала лично госпоже Серрель или же являлась имуществом пансиона, Ауле было неизвестно. Она знала только, что богатство учебных заведений в Аманте напрямую зависело от благосостояния обучающихся в них студентов: чем богаче были родители, тем большую сумму могли себе позволить заплатить за обучение своих отпрысков. Богатые родители платили за своих детей от десяти до двенадцати тысяч сигренов за год, люди среднего достатка — от пяти до семи, а те, что были беднее — от двух до четырёх. Совсем бедные амантийцы, коих было не особо много, не могли себе позволить обучаться в подобных учебных заведениях и отправлялись в специальные пансионы для плохо обеспеченных граждан, либо платили символическую сумму денег и, кроме учёбы, занимались работами, за которые получали монеты и вносили их за обучение. Были и такие студенты из числа бедняков, которые, в силу своего неимущего положения или тяжёлой болезни, своей или своих родителей, получали из королевской казны особую милость в размере от трёхсот до трёхсот пятидесяти сигренов за каждую триаду и поэтому могли позволить себе обучение в обычных городских пансионах и институтах. Что касалось семинаристов, единственное учебное заведение для которых находилось в Лиераме, то все они получали пособие от сиентата Ордена Звезды Мира в размере пятисот сигренов в триаду и поэтому были довольны своим положением, поскольку плата за обучение в семинарии была около шести тысяч сигренов в год и на протяжении многих лет оставалась почти неизменной.

Как могла предположить Аула, в Лиераме вряд ли обучались дочери самых богатых людей Аманты и соседних Союзных Королевств, а заносчивость и высокомерие многих здешних старшекурсниц было вызвано вовсе не их богатым наследством и высоким положением в обществе, а скорее, своеобразным стилем и ходом воспитания девушек, которым вместо должного смирения и скромности, как внушали девушкам в начале

обучения, им прививали гордыню и чувство собственного превосходства друг над другом и над всем миром. Как известно, богатые и знатные девушки обучались преимущественно в столичном пансионе и в прилегающем к Арохену большом городе Сильфироне, или же в богатых северо-западных королевствах, входивших в Непобедимый Союз — Альстарию и Эрдоне. Поэтому разгадка сказочного богатства директората лиерамского девичьего пансиона лежала где-то за пределами её понимания.

Больше всего, конечно, поражала своим внешним видом главная директриса: стройная, высокая, изысканная, она была одета в поразительно гармонирующее с её внешним видом тёмно-фиолетовое с зелёными и искорками длинное одеяние. В ушах, волосах, на запястьях на точёной шее госпожи Серрель красовались изысканные украшения. Всё это делало её похожей, по меньшей мере, на королеву бала или просто королеву, принарядившуюся для торжественной встречи с очень важной для неё персоной. Разница была лишь в том, что у королевы местного пансиона для не слишком требовательных в свободе, зато амбициозных и рассчитывающих на будущее светское процветание девиц, был необычайно болезненный вид. Светлая матовая кожа её в этот раз выглядела совсем бледной и на ней был более чем обычно, заметен синеватый оттенок, а красивые светлые глаза потускнели. Других двух директрис, Ровены и Дебры, здесь сейчас не было, поэтому Аула не могла сравнить и прийти к выводу, было ли это игрой света и тени в кабинете или же госпожа Серрель в самом деле была больна и потихоньку чахла в этих стенах. Впрочем, сейчас это не имело для Аулы такого важного значения, чем то, что скажет ей сейчас эта женщина.

— Итак, — начала, как обычно, госпожа Серрель, медленно прохаживаясь по комнате и оглядывая молодую девушку так, как будто рассматривала экспонат на столичной выставке. — Вы ведь никогда не были в моём кабинете, верно, госпожа Ора? Вам здесь нравится?

Аула едва не поперхнулась, услышав из уст главной директрисы такую несусветную чушь. Однако, как было заметно, Серрель Обриа (Аула прочла под одним из портретов на стене второе имя директрисы, которое принадлежало, как у всех амантийцев, её отцу) решила начать издали.

— Да, но... могу ли я спросить вас, госпожа Серрель...

— Да, конечно, спрашивайте, — последовал ответ.

— Не могу ли я видеть здесь госпожу Ровену и госпожу Дебру?

— Нет, вы не можете их видеть. Это мой персональный кабинет и здесь я живу, а они обитают в своих и мы встречаемся вместе в гостинной директората. Это вам понятно?

Она поглядела на дерзкую ученицу, сложив руки на груди и с трудом пряча негодование под маской непроницаемого спокойствия. Такое самообладание, решила Аула, в последнее время могло быть подточено болезнью, и, если испытывать терпение этой женщины, оно вот-вот может лопнуть.

— Понятно, — кротким голосом, потупив взор, ответила Аула и подумала, что это весьма странно — требовать покорности от тех, из кого впоследствии целенаправленно воспитывают чопорных, бессердечных гордячек и эгоисток.

— Тогда это уже лучше, — госпожа Серрель улыбнулась. — Вы, бесспорно, очень умная, сообразительная и талантливая девушка, но скажите мне, кто мог дать вам такое странное имя? Такого имени, как Аула, среди амантийцев, я думаю нет, есть похожее имя — Эйла...

— Но моё имя Аула, — краснея от внезапного негодования, перебила её ученица.

— Замечательно! — госпожа Серрель мечтательно глянула на свисавшую с вершины потолочного купола люстры и жеманно накрутила тонкую прядь своих волос на тонкий указательный палец правой руки. — А вы знаете, госпожа Аула, что перебивать старших, а тем более стоящих выше вас в общественной иерархии — верх неприличия? Хотя... но... ответьте мне ещё на один вопрос: какое происхождение имеет ваше второе имя — Ора? Это ведь не имя вашего отца, на самом деле вас должно называть Аулой Гио. Я знаю, что иные законы присвоения фамилий принят у жителей других государств и континентов. Вы иностранка или предпочитаете законным именам прозвища?

Лицо Аулы зарделось снова, но на этот раз она смолчала, подумав, с какой такой целью госпожа Серрель Обриа мучает её, задавая нелепые вопросы и цепляясь к её именам?

— Ответьте же мне, — настаивала директриса.

— Я не знаю, — ответила Аула, пожимая плечами. — Меня просто так все называют — Аула Ора, это имя записано во всех моих свидетельствах и хранится в главном архиве переписи народонаселения Союза Восьми Королевств.

— Охотно верю, так как свидетельство вашей принадлежности к семейству Гио Трейга с вашим записанным именем хранится в моём потайном хранилище документов. Так вот... это было моё небольшое отступление насчёт вашего необычного имени. А теперь я перейду к главному.

Аула напряглась всем телом, ожидая этого самого «главного», для чего её, собственно, позвали в этот роскошно обставленный кабинет. Серрель Обриа неторопливо совершила вокруг неё ещё один круг, попутно заглядывая ей в глаза, уши и затылок, оценивая её, как крылатая кошка, загнавшая добычу в свою нору и любующаяся ею, прежде чем приступить к трапезе. Она явно наслаждалась своей победой.

— Так вот, моя дорогая Аула Ора, — заговорила она, наконец, снова. — Вы должны были уже догадаться, зачем я вас сюда позвала. Или не догадываетесь?

— Догадываюсь... — промямлила Аула, опуская глаза, чтобы не видеть направленного на неё издевательского взгляда.

— Очень хорошо. Только не думаю, что разумно опускать взгляд, когда я говорю с вами, эйди Ора, — снова принялась критиковать её госпожа Серрель. — При том вы даже не краснеете... Нет, нет, не говорите больше ничего. Вы и так всем своим видом показываете, что недостойны того, чтобы обучаться в стенах пансиона, основанного великой Наофин Этрам. За тот короткий промежуток времени, что вы провели здесь, юная госпожа, вы нарушили столько правил и настолько презрели наш устав, что я даже не в силах подумать, какое наказание было бы для вас самым подходящим и справедливым. Похоже, вы совершенно забыли, что в нашем пансионе запрещено прыгать по лестницам, шептаться в коридорах с подругами, перебивать старших, отсутствовать без предупреждения на занятиях, громко кричать, бить сверстниц и лазать по деревьям? Вы могли сломать тот раkant очень редкого вида, который мы всем директоратом заказали из северных лесов Менанторры и с большим трудом здесь вырастили. И, конечно же, у нас категорически запрещено перепрыгивать через стену за пределы двора пансиона и как ни в чём не бывало отправляться на свидания с будущими монахами Ордена Звезды Мира или, говоря иначе, жреческого сиентата! Конечно, на сей раз он был не в форменной одежде, но я не первый год здесь живу, чтобы не заметить и не узнать студента жреческой семинарии, который обучается в нашем городе четвёртый год! Вас видели в городе, далеко за городом и, как я догадываюсь, вы были вместе на местном языческом празднике проводов зимы!

Госпожа Серрель распалаясь всё больше, а бедная Аула была готова провалиться сквозь пол.

— Вы ведь уже не один раз встретились с тем семинаристом, не правда ли? — спросила она, слегка понизив голос и беспощадно буравя её своим стальным взглядом.

— Два раза, — ответила Аула.

— Да. И оба раза — тайно, полагая, что никто ничего не заметит и не увидит. Но... — директриса неожиданно посмотрела вверх, — не всё так просто, как вам кажется, милая.

Аула глянула туда же и только теперь заметила сидевших на люстре, поверх не зажжённых в дневное время ламп и мириадом свисающих вниз капелек хрусталя, двух большущих чёрных птиц. Одна из них тут же снялась с места, немного раскачав люстру и вызвав приятный, мелодичный звон, а вторая, сделав то же самое, вылетела в небольшое раскрытое окошко между двумя большими, на которых были решётки, и уселась на ветку ближайшего дерева, росшего во дворе.

Аула испуганно вздрогнула. Ей пришли в голову сразу две мысли, одна из которых точно была верной: то, что госпожа Серрель держит у себя ручных воронов-шпионов, и то, что этими воронами могли быть каким-то магическим способом обратившиеся другие директрисы. Однако вторая мысль показалось ей абсурдной, и Аула тут же её отбросила.

Птица, оставшаяся в помещении, сделала круг над их головами и, деловито каркнув, уселась на правое плечо госпожи Серрель. Та, не снимая с себя питомицу и погладив её по голове (как догадалась Аула, это была самочка, а самец, который был немного крупнее и выглядел более грозно, вылетел в форточку), с победной улыбкой продолжала:

— Так я скажу всё до конца. Своим несносным поведением и вопиющим нарушением правил вы вносите в наш тихий мирок бурю и хаос. Но не только, оказывается, вы также вносите разлад и хаос в жизнь ни в чём не повинного молодого жреца. Если его заметили в вашем обществе, Ора, то ему грозит исключение из семинарии, и второй раз его туда никогда не примет! Или вы скажете, что за всем этим кроется ваша к нему страстная любовь?

В душе у Аулы всё кипело, когда директриса произносила эти слова. Но и в этот раз она умудрилась собрать всю себя воедино и не сорваться.

— Я знаю, вы меня отчислите, — спокойно и тихо произнесла она. — И, наверное, будете правы, если я действительно гублю и ваш пансион, и жизнь Этта Мора. Но, если вы хотя бы раз бывали в пансионе в городе Оттари, где я училась до этого, то там меня вовсе не тянуло нарушать правила...

Она хотела было добавить: «Потому что там нет таких дурацких и нелепых правил, которые, чтобы выжить не только телом, но и душой, и остаться самой собой, нужно непременно нарушать», но промолчала, боясь вызвать новую вспышку гнева этой женщины, которая могла иметь невесть какие последствия.

— Пансион в Оттари — не наш дом, — подчёркивая каждое слово, ответила госпожа Серрель. — А в каждом доме свои законы, порядки и правила. Но не торопитесь, я ещё думаю над наказанием, которое бы могло...

— Ну и как же вы меня накажете? — неожиданно осмелев, словно чувствуя некую поддержку свыше, или, точнее, изнутри себя самой, спросила Аула. — Отчислите с пометкой, которая навсегда перечеркнёт мой путь к просвещению, убьёте или, быть может, превратите в пароктуса или ещё какое-нибудь гадкое существо?

Последними словами она явно намекала на свои подозрения, что госпожа Серрель была

самой настоящей ведьмой — если не по каким-либо магическим умениям, то уж точно по характеру, внешнему виду и манерам.

— Перестаньте говорить глупости! — неожиданно взорвалась Серрель, дёрнувшись, так что чёрная птица слетела с её плеча и с громким недовольным карканьем закружила по комнате.

На лице её, бледном и выглядевшем болезненным, выступили красные пятна. Она прерывисто дышала и вращала глазами, как сумасшедшая, и казалось, вот-вот задохнётся.

— Я бы с удовольствием вас отчислила, мелкая негодница, — продолжала она уже тише. — И уже была на совете директоров всех десяти амантийских пансионатов, где задала этот вопрос. Но есть, по крайней мере, три человека, которые высказались решительно против вашего отчисления и пожелали вместо этого вашего возвращения. Особенно старалась Натиэль Сорро, которая, как видно, питает к вам больше всего симпатии. Поэтому я придумала для вас подходящее наказание. Вы немедленно отправитесь в Оттари и продолжите обучение там.

Любая другая девица на месте Аулы была бы очень удивлена — как возвращение в такое место, как оттарийский девичий пансион, могло быть наказанием, особенно после пребывания здесь в течение нескольких триад, тянувшихся, как нескончаемый кошмарный сон. Возможно, она бы даже расхохоталась. Но Ауле было не до смеха: это было действительно для неё наказанием, ударом в самое сердце — ведь госпожа Серрель навсегда разлучала её с Эттом Мором и не давала ей дальнейшей возможности убедить его избрать другой жизненный путь, на котором он мог бы помочь ей, а она — ему в их нелёгкой, как ей подсказывало нечто изнутри её, обоюдной миссии, сути которой она сама ещё не знала. Будучи же просто отчисленной, она могла бы найти себе способ заработать в этом городе и жить в нём, встречаясь с Эттом без всяких нареканий с чьей-либо стороны, так как его, как она полагала, не «пасли» с такой бдительностью, как девушек из пансионата. Казалось, ведьма всё рассчитала заранее.

Это заявление оказалось настолько потрясшим душу молодой эйди, что она разрыдалась. В то же время госпожа Серрель была, как казалось, в явном недоумении.

— Отчего слёзы? — спросила она, изобразив самое неподдельное сочувствие, хотя Аула уже знала, что она притворяется, ибо эти слёзы были тоже ею рассчитаны и предусмотрены. — Вы ведь любите пансион в Оттари и много раз говорили о нём только хорошее, сравнивая с лиерамским не в нашу пользу. Вытрите свои нюни и отправляйтесь к себе в спальню — завтра утром вы отъезжаете. Я даже сама закажу вам воздушный корабль до Оттари. Прощайте. И вот... возьмите себе это.

Она порылась в своих тайниках и, достав оттуда коробочку с аккуратно сложенными свитками из прочной мелковолокнутой бумаги, вручила её Ауле. Это были её свидетельства и прочее, что она сдала директорату при переводе в лиерамский пансион.

Больше слов и недомолвок между ними не было. Забрав с собой коробочку с документами и попрощавшись с госпожой Серрель, Аула покинула её кабинет. С трудом сдерживая себя и дрожа всем телом, она добралась до третьего этажа и ворвалась в небольшую комнату, где ночевала вместе с Эйлой и тремя другими девушками, перебравшись туда из спальни Мирании и Эотты после памятной ссоры с ними. В спальне никого не было. Пользуясь этим, Аула аккуратно поставила коробочку на низенький столик, на котором стояла непогашенная кем-то из девушек кристаллическая лампа, бросилась на постель в ближайшей спальне нише, которая принадлежала Эйле (место Аулы находилось

повыше, и ей пришлось бы карабкаться туда по вделанным в стену деревянным перекладинам) и разразилась такими безутешными рыданиями, что, наверное, вся вселенная бы, услышав это, издала сочувственный вздох.

Глава одиннадцатая

Пока в далёком, холодном, оторванном от всего остального амантийского мира местечке под названием Лиерам происходили уже известные нам события, на другом краю Королевства, в селении под названием Авингор, дела шли куда веселее. Безусловно, скучая по самовольно отбывшей едва ли не на край света Ауле Ора, её сёстры, пока их мужья бывали на службе или занимались разными делами вне своих жилищ, собирались в старом родительском доме и устраивали там небольшие пирушки с посиделками, приглашая также живших неподалёку дедов, бабушек и других родственников. Трисия пока ещё не обзавелась другими своими детьми, кроме маленького Гилло, и поэтому с огромным удовольствием нянчилась с двумя сорванцами Меллы — Оррамом и Орисом. Больше всего хлопот доставалось при этом Алерте и её верной подруге Эйа, которая за всё время пребывания здесь стала поверенной душ всего семейства, так как ей любили доверять самые сокровенные тайны, и она никому их не разбалтывала. Не говорила она также и своих тайн, хотя то, что она безумно скучала по своей любимице, было заметно и без её слов. Но была у Эйа и другая тайна, о которой пока никто в этом семействе не догадывался, хотя некоторые старые женщины в селении и мужчины, которые содержали повозки и двалифов с меронгами в большом общественном дворе, не раз видели странную картину, которая поражала даже их не слишком развитое воображение.

Спасаясь от меланхолии и тоски, по чему и кому бы она ни была — по своей покинутой родине, Ауле или не сложившейся женской судьбе — она завела тёплую и тесную дружбу с ещё одним одиноким, покинувшим всех своих сородичей и далёкую родину существом. Читатель уже наверняка догадался, что речь шла о возникшем по имени Дэбо, светловолосом и добром великане с голубой кожей, родившегося от предков, прибывших сюда из далёкого мира солнечной Дзингии. Какого возраста он был, представить было очень сложно, так как, по слухам, эти существа жили тысячелетиями, даже дольше, чем драконицы, но несколько меньше, чем примианцы. Считалось, что два этих населённых мира находились несколько в ином измерении, в них отсутствовало зло и насилие, и уклад их жизни во многом отличался от элайского. К примеру, они свободно могли видеть Богов, обитающих в высших измерениях, общаться с ними и учиться у них, не делясь на касты жрецов и прочих, хотя некоторое подобие иерархии в их обществах всё же было. Удивительным было так же то, что физическая сила, которая была у Дэбо, родившегося в мире Элайи, в его родном мире не играла такой роли, как сила духовная и магическая, и поэтому сородичи на его родине были чаще не мускулистыми богатырями, а стройными и изящными существами с тонкими мягкими чертами и проникновенными взглядами огромных голубых глаз, в которых, казалось, отражался весь их внутренний и внешний мир.

Все эти знания, которые простой возникший некогда унаследовал от своих предков и бережно хранил в памяти, ни с кем ими не делясь, он, как ни странно, с удовольствием выкладывал своей новой приятельнице, предполагая, что она никому этого не расскажет и вообще никто от неё не узнает об их встречах тихими вечерами в просторном деревянном сеннике, где зимой и весной хранили корм для ездового, шерстяного и молочного скота.

Собственно, мало кому, наверное, было интересно, что делали по вечерам на сеновале, а иногда и днём, когда были свободны от всех дел, Дэбо и крылатая чужестранка с золотыми волосами, далёкие предки которой, как поговаривали, сами были пришельцами из какого-то

далёкого мира, неведомого простым амантийским селянам. И поэтому они могли сколько угодно пропадать где им вздумается, даже порой покидая своё прохладное убежище.

На седьмой день великого праздника, который отмечали не только жители Аманты, но и весь цивилизованный мир тех частей Элайи, где зима сменялась весной (на далёких южных землях, где вместо лета, наоборот, стояла зима, а вместо зимы — лето), Эя в очередной раз задумала отдохнуть, но отправилась не в сенник к Дэбо, разговоров с которым, уже состоявшимся, хватило бы уже на целую вечность, чтобы осмысливать их и вспоминать, а в близлежащий лес, по уже давно известной ей тропинке, ведущей к озеру. День стоял погожий и солнечный, снег под ногами хлюпал и быстро таял, обнажая жирную серо-чёрную грязь, а окружающие сугробы посерели, набрякли и быстро становились от лучей набиравшего силу Небесного Ока ноздреватыми. Это ещё не значило, что наступила настоящая весна, ещё почти целую триаду можно было ожидать нового пушистого снега и ветра, но всё же это была уже не настоящая зима и заново выпавший снег растает так же быстро, как и появился. Настоящая весна наступит тогда, когда растает весь снег в долинах и начнутся первые вечерние «звездопады». Всё это она наблюдала здесь уже много лет, а также много чего другого, чего на её далёкой южной родине никогда не бывало.

Прогуливаясь так по безлистным рощам с изредка встречающимися шерстистыми деревьями, одетыми пока ещё в причудливый игольчатый наряд, Эя вдыхала потеплевший воздух, подставляя лучам солнца немного озябшие крылья и расправляя их. Всю зиму она, как обычно, прятала их под намеренно сшитой большой тёплой мантией, когда выходила на открытый воздух, но теперь в ней уже не было нужды. Наконец, она взлетела, первый раз за много триад, опасаясь, не разучилась ли она за год летать. Однако способность, заложенная при рождении и развитая после, ещё ни у кого никогда не терялась, так же как и способность ходить, если бы только были целы ноги. Эя кружила над лесом, радуясь жизни и подставляя лучам горячего Небесного Ока лицо и руки, пока не опустилась на твёрдую почву, но не там, где взлетела, а совсем рядом с озером.

Любуясь гладью, покрытой ещё не начавшей таять тонкой коркой льда, с которого ночным ветром сдуло почти всё снежное покрывало, она забыла обо всём на свете, отрешилась от всего мира и пришла в себя только тогда, когда услышала у себя за спиной скрип снега под чьи-ми то ногами, обутыми в тяжёлые подкованные башмаки, и уловила чьё-то движение. Кто-то остановился сзади, вероятно, наблюдая за ней. Но Эя продолжала любоваться озером и лесом, вдыхая аромат свежего воздуха, так как внутренним чутьём ощущала, что, кто бы там ни стоял, он не станет причинять ей вред, а если попытается, то окажется помятым и исполосованным острыми загнутыми ногтями, похожими на когти, твёрдыми чешуями и шипами на её сильных крыльях. Она могла также запросто опалить непрошеного гостя пламенем. Справиться со взрослой драконидкой, пожалуй, не сумел бы только монстр, закованный в прочный панцирь из чешуй, наподобие свирепого хищного клювоящера или обитающего в далёкой Гинвандии марангула. Их дракониды боялись, а остальные хищники и злонамеренные люди были им не страшны, если только их не было слишком много.

Поэтому Эя оставалась спокойной, хотя всё же внутренне напряглась, готовая к защитному прыжку в любой момент. Она едва не совершила его, когда некто стоявший позади неё приблизился и потрогал её за блестящие в солнечных лучах крылья. Но прикосновение было приятным, и поэтому она расслабилась, но всё же не спеша обернулась посмотреть, кто это был.

Честно признаться, она бы мало удивилась, увидав подсматривающего за ней Дэбо или кого-нибудь ещё из деревенских увальней. Или даже Аулу, неожиданно прибывшую из Лиерама, чтобы навестить свою няньку. Или хотя бы телепортировавшийся сюда старина Тэрт вместе со старым звездочётом Даг Заном. Но тот, кого она увидела, заставил её подпрыгнуть от неожиданности.

Это был молодой воин из племени драконид, живущих в Алмазных пещерах в нескольких десятках лингах от долины под названием Алайда. Принадлежность его к этому племени была видна по большой броши, приколотой на груди к длинному светло-зелёному хитону и выполненной в форме красиво огранённого алмаза, а к воинскому званию — по длинному загнутому клинку из лучшей темпраторийской стали, которая накапливала дневной свет и ночью светилась в темноте, как фосфорная свеча. Эя напрягла память и вспомнила сына одного и старейшин, которого когда-то прочили ей в женихи. Имя его было Дрейд, и происходил он из древнейшего рода Танхиррана, жившего в горах юго-востока материка Эллиоры уже много тысяч лет.

Как Дрейд из Алмазных пещер мог разузнать, где находилась его несостоявшаяся невеста, та не могла уразуметь, однако увидеть его теперь и здесь, в чужой ей северной стране, было для неё приключением в высшей степени приятным. Молодой воин был высок, строен и очень красив, с манящим взглядом ясных тёмных глаз, благородными чертами лица, чёрной, как южная ночь, гривой волос, зачёсанных назад и схваченных по линии лба серебристой тесёмкой. В уши и нос его были вдеты серьги с подвесками из чистейшего алмаза на золотых колечках, а широкий золотой пояс был украшен крупными бриллиантами голубоватого оттенка. На левом плече у него висела небольшая сумка на длинном ремне, в которой наверняка лежали съестные припасы, целебные травы и ещё какая-нибудь мелочь.

Эя вспомнила, как старейшины обоих племён дружно сватали ей этого парня, который тогда ещё не носил воинского звания, а был, в разные годы, простым стражем пещер, воспитателем подрастающих горцев, целителем, собирателем даров гор, сеятелем желтока в плодородных долинах рек между склонами Приграничных гор... Он был старше Эя на сто двадцать пять лет, а ей было в ту пору всего двадцать семь и создавать тогда семью она ещё не собиралась. Решение предков отдать её замуж за Дрейда из рода Танхиррана было принято исключительно из-за того, что она, Эя из рода Хирро, жительница долины Алайда в Голубых горах, стала для него дороже всей его жизни, предков и пещерного края. Она же колебалась и всячески пыталась избегать прямых разговоров об этом со старейшинами обоих родов и родителями, а также встреч со своим ухажёром, которые могли вызвать дальнейшие такие разговоры. Она убегала от Дрейда, улетала от него далеко и высоко в горы, пряталась в потаённых пещерах и лабиринтах, которые знали драконида только её племени, а он долгими часами и днями рыскал по горам, сбивая в кровь ноги и крылья, разыскивая её. И однажды, подглядев из-за скалы, как непокорная золотоволосая красавица осторожно, боясь поранить босые ноги, спускается со склона горы, усеянного острыми камнями и обломками скал вперемешку со скользкими подушками из грибомхов, вместо того чтобы взлететь и добраться до родного жилища гораздо быстрее — налетел, как ветер, схватил, закружил, как вихрь, и понёс по воздуху, взмывая высоко над вершинами гор, в долину. Бедная девушка изворачивалась, хватая ртом воздух, выпуская из ноздрей струйки огня и пытаясь вырваться из его крепких, как каменные тиски, объятий, думая, что, освободившись, она расправит в воздухе крылья и полетит дальше прочь сама. Так продолжалось до тех пор, пока не показалась излуцина реки, которую они называли Орахо, что означало «Сладость жизни».

Тогда, выбившись из сил, Эйа перестала сопротивляться и покорилась — всё равно, решила она, теперь он ни за что её не отпустит и сделает своей женой. Когда же Дрейд опустился на твёрдую землю на берегу реки и посадил её на мягкую траву, росшую между россыпями гальки, а потом полил водой из прихваченного с собой оловянного сосуда для сбора диких ягод, она улыбалась, отмечая про себя, что вода очень приятна, а Дрейд очень мил в своём рыцарском и жениховском упорстве. Тогда он ей поведал, что она ушла очень далеко и почти приблизилась к склонам гор, за которыми начиналось обширное степное плато, кишевшее опасными хищниками и скрывающимися от правосудия разбойниками, представляющими собой остатки войск Императоров со времён последней войны, закончившейся созданием Непобедимого Союза прежде ссорившихся между собой правителей восьми королевств, разгромом вражеских армий и гибелью Императора Паллиэна. И Эйа внезапно поняла, как велик был её страх стать в первой молодости женой и продолжательнице рода, что она забыла о настоящей опасности, и устыдилась своего страха. Она плакала, прося прощения у Дрейда, который в ответ осыпал её ласками, признаниями в искренней и пламенной любви и обещаниями сделать её жизнь похожей на Сказку Гор из сказаний великого Арихха, а затем — у предков и старейшин обоих племён, пока народ из Алмазных пещер пребывал в Алайде, приглашённый гостеприимным эйханом Тэрром. Вскоре было решено сыграть свадьбу, сначала пригласив всё Алмазное племя в Алайду, а затем продолжить торжество в долине Алмазных пещер. Однако в тот самый день, когда было решено начать торжество, волей Великой Богини племени Драконов Алайды был ниспослан «великий дар» в виде малютки, которую принесли из далёких краёв два чужестранных крылатых воина, и Эйа тут же, привязавшись к Ауле Ора, как её здесь нарекли, вызвалась стать её няней и решила на некоторое время отложить свадьбу. А потом, спустя некоторое время, в Голубых горах появились новые гости — бескрылые люди с северо-востока, мужчина и женщина...

Вспомнив всё это сейчас, Эйа с трудом сдержала слёзы и ещё раз взглянула на Дрейда. Он почти не изменился, разве что выглядел немного суровее и серьёзнее, чем когда-либо. А вот Эйа пришлось немного устыдиться, так как, живя в няньках и служанках в доме Гио и Алерты, она умудрилась немного пополнеть. Это сделало её полёт не таким проворным, как раньше, а более стройные соплеменники запросто называли бы её теперь неуклюжей, разъевшейся бойдихой.

Однако Дрейд, казалось, вовсе не замечал в своей возлюбленной никаких неприятных перемен. Напротив, ему казалось, что со временем она стала ещё милее. Ему хотелось обнять её и унести с нею в далёкие Приграничные горы, похитить её и привести к своим предкам, чтобы поскорее осуществить свою давнюю мечту. Прочитав это по его глазам, Эйа слегка отстранилась от него, поклонилась и заговорила с ним на языке драконид:

— Приветствую тебя, Дрейд, светлый воин славного рода Танхиррана. Что привело тебя сюда, в эти края, и как ты узнал, где я нахожусь?

— Приветствую тебя, Эйа, светлая дева из славного рода Хирро, — отвечал он ей в том же тоне. — Узнать о том, где ты, было трудно, но об этом мне поведал бывший эйхан племени Драконов Алайды, светлый отшельник Тэrr из рода Аверраха, некогда изгнанный и проклятый старейшинами своего племени, а затем спасённый сердцем Той-Что-Ветром-Разгоняет-Тьму. Я хранил в своём сердце твой светлый образ и ни разу не предал свою мечту. Я хочу быть с тобой, дочь Золотой Зари, даже если ради этого мне придётся навсегда покинуть родные горы и своих предков с сородичами. Подойди ко мне. Не бойся.

Он протянул к ней свои руки, покрытые тёмными, сверкающими в свете Небесного Ока роговыми чешуями. Она же, поддавшись внезапной робости и чему-то ещё, внезапно нахлынувшему и охватившему её жарким пламенем, подала ему только свою правую руку, что было знаком простого дружеского расположения. Но Дрейд не пожал её, как полагается друзьям, а поднёс к губам, после чего потянул девушку к себе, пытаясь заключить в объятия и осуществить свой давно вынашиваемый замысел. Однако на половине шага к этому он остановился, внимательно посмотрел в глаза Эйа и принялся с рассеянным видом трогать золотистые чешуйки на её руке, надавливая на них попеременно пальцами обеих рук и осторожно вращая ими по этим чешуйкам. При каждом таком надавливании и вращении по руке Эйа пробегал ток, распространяясь дальше по всем её нервам, проникая в каждую частичку её тела и сознания и вызывая волну приятного тепла, которое её захватывало и поглощало. Как будто сам Великий Огненный Змей, Предок всех Драконов, окутывал её сейчас своим пламенем, пробуждая в ней самой фейерверк огневой мощи, способной превратить весь окружающий мир в горстку пепла.

— Дрейд, Дрейд, что ты со мной делаешь? — взмолилась Эйа, всеми силами стараясь удержаться хотя бы одной ногой в привычном ей мире, но руку не вырвала.

— Это очень приятно и тебе, верно, нравится, — с улыбкой ответил Дрейд, продолжая эту пытку, которая должна вскоре, по его расчётам, привести к тому, что она перестанет противиться и тогда он легко сможет украсть её, переместившись вместе с нею в далёкие Алмазные пещеры.

Однако у Эйа были в этот раз иные планы, связанный с жизнью в Авингоре, ожиданием вестей от Аулы и, вдобавок ко всему, её завязавшейся дружбой с возникшим по имени Дэбо. А тут явился её когда-то несостоявшийся красавец-жених и всячески пытается её умыкнуть. Прочитав это по его взгляду, Эйа дёрнулась и заозиралась, к тому же ей почудилось, судя по скрипу снега на тропинке, ещё какое-то движение.

— Мы здесь не одни! — сказала она своему теперь уже, по её расчётам, несостоявшемуся похитителю.

В ответ, однако, он рывком прижал её к себе и достал из заплечной сумки небольшой круглый камень, сияющий в дневном свете всеми цветами радуги. В этот момент их окликнул высокий девичий голос, говоривший на чистом амантийском.

— Э-эй, что вы такое тут делаете?

Эйа резко обернулась и увидела свою подопечную — Аулу Ора. Девушка стояла неподалёку, прижав к груди большую сумку, и молча созерцала это зрелище, наверное, уже несколько минут.

— Аула!

Вырвавшись из объятий своего ухажёра, она подбежала к воспитаннице, обняла её и расцеловала, потом подняла немного в воздух, закружила и вновь поставила на место. Однако Аула вовсе не была так весела и беззаботна, как её нянька, которая, судя по всему, теперь была ещё и по уши счастлива, хотя сама ещё не поняла толком своего счастья, так неожиданно свалившегося ей на голову среди бела дня, прямо с ясного неба.

— О, Эйа... — Аула посмотрела на няньку своими огромными грустными глазами, на которых были видны следы недавно пролитых слёз, и шмыгнула носом.

— Что случилось, моя милая? — с тревогой в голосе спросила её Эйа. — Почему ты сейчас здесь и почему плакала?

— Я всё расскажу... только выслушай до конца.

Она опустила на тот самый камень, на котором часто сидела летом, и подробно поведала няньке свою историю, всё, что случилось с ней в Лиераме. В конце своего рассказа она снова плакала, и Эйя пришлось её успокаивать, подняв к холодного камня и прижав к своей груди.

— О да, это очень печальная история, — сказала она, продолжая успокаивать плачущую Аулу, которая своими слезами уже промочила ворот её одежды. — Но ты ведь не забыла своего Этта, нет?

— Нет. Но, если мы больше никогда не встретимся и он отдалится от меня, став монахом, тогда мне придётся его забыть. А это так тяжело...

— Иногда судьба поворачивает так, что не знаешь, как и откуда может появиться то, о чём уже почти забываешь, — ответила мудрая нянька. — Когда-то меня сватали за Дрейда из рода Танхиррана, о котором я тебе когда-то рассказывала, и я его уже почти забыла...

— А кто этот молодой воин, который за тобой ухаживал? — спросила Аула, кивнув головой в сторону Дрейда, который теперь молчаливо прохаживался неподалёку, сложив ну груди руки, слегка ссутулившись и, видимо, ожидая, чем закончатся эти переговоры на неизвестном ему языке, чтобы снова приступить к осуществлению своего коварного замысла.

— Оо... это и есть тот самый Дрейд. Он появился здесь неведомо откуда, пока я любовалась замёрзшим озером и деревьями, и всё это время пытался меня украсть, и даже достал камень, с помощью которого можно мгновенно перемещаться на какое угодно расстояние...

— Я всё видела, — перебила её Аула. — Но мне кажется, что этот Дрейд неправ, пытаюсь утащить тебя в горы тайком от всех нас. Тогда бы мы все тебя потеряли, искали и потом, не найдя, оплакивали бы, думая, что ты... Какой он нехороший!

С этими словами Аула схватила голыми руками кусочек снега, скатала из него плотный комок и запустила им в Дрейда. Снежок прилетел прямо в непокрытую голову дракониды. Тот резко обернулся и, увидев озорные глаза Аулы и испуганные — Эйя, подошёл к ним и угрожающе растопырил длинные шипы на крыльях, выпустив из ноздрей несколько колечек дыма. Аула тут же юркнула за спину няньки и спряталась под её большими крыльями.

— Кто она? — спросил Дрейд у Эйя на своём языке.

— Аула Ора, моя воспитанница. Ты напугал её сейчас, и теперь она прячется за мной.

— Прости, я не хотел никого пугать и причинять зло, но мне в голову угодил снежный камешек и я почувствовал боль. Просто дал ей об этом знать. Так это и есть та самая Аула, которая разлучила нас с тобой, моя золотая радость?

Услыхав своё имя, Аула вынырнула из-под нянькиных крыльев и присоединилась к ним, с любопытством разглядывая подошедшего незнакомца.

Он же, улыбнувшись девушке и затем положив свои руки на слегка пополневшие плечи своей давней невесты, поглядел в её глаза своим глубоким, как омут, захватывающим и уносящим в неведомые дали взглядом.

— Аула уже такое взрослое дитя, скоро придёт её время создавать семью и своё счастье. Но ты... ты готова соединить свою жизнь с моей, Эйя?

— Я скажу тебе свой ответ. Но поклянись, что не станешь похищать меня, тайно или на глазах у всех, в любое время дня или ночи. Я сама к тебе приду, но сначала представлю тебя своим новым родственником. Я теперь как родная дочь для Гио Трейга и Алерты Ахан, очень люблю их и не хочу огорчать своим внезапным исчезновением.

— Как скажешь, моя родная. Но ведь твои настоящие предки остались в Голубых горах и тоскуют по тебе. Они упрашивали меня принести им вести о тебе, хорошие или дурные...

— Но ты попытался принести им ещё и меня саму, — не сдавалась Эйа. — Зачем?

— Чего ты всё время опасаясь? Я бы вернулся с тобой обратно, если бы только ты захотела. Я ведь не держу никого силой.

— Но ведь ты пытался увести меня силой и хитростью... я прочла по твоим глазам... ты одержим, Дрейд, ты... ты...

Она замялась, снова утонув в его завораживающем взгляде и улыбке. Потом, не в силах совладать с собой, отпустила себя и упала сама в его руки.

— Ох, Эйа... если бы мой выбор пал на женщину, которая бы не оказывала столько сопротивления, наверное, жизнь была бы куда менее интересной. Хорошо, будь по-твоему, пойдём к Гио с Алертой.

По дороге до селения они болтали о разных пустяках и смеялись, уже не выясняя вежду собой отношений. Аула же успела заметить, что новый гость, несмотря на странные манеры и немного утрашающий вид (к Эйа она привыкла с самого раннего детства, однако другие представители её расы могли запросто её напугать, хотя при первом разговоре показывали себя простыми, дружелюбными и немного наивными), был занятным собеседником и совсем не злым. Немного зная по-драконьи, она задавала Дрейду разные вопросы о нём самом и его жизни и улыбалась, слушая внимательно ответы, и таким образом, он вскоре стали друзьями.

Подходя к селению, они встретили тех самых двух старых тёток, которые уже несколько раз видели крылатую красавицу с золотыми волосами гуляющей под руку с голубокожим верзилкой, а теперь увидели её, идущую под руку с таким же, как она сама, только смуглым и черноволосым существом, очевидно, из её или родственного ей народа. Это, само собой, вызвало у них новый интерес посудачить, чем они с удовольствием и занялись, едва завернув за поворот.

Когда же они проходили мимо разъездного двора, то увидели Дэбо, снаряжавшего повозку для очередного маршрута. Так как снег в этих краях таял неумолимо быстро, он отказался от саней и велел выдать ему каталак на колёсах, но таких, которые везли бы и по снегу, и по голой дороге. Несчастный мастер уже несколько дней подряд ломал голову, строил схемы и пробовал разные варианты, что называется, на вкус, пока, наконец, не представил идеальный — колесо, «обутое» в наклеенный на обод толстенный слой гибкого материала из вываренного в особом растворе каучука, при этом с выпирающими шипами, делающими колесо не проскальзывающим на снегу или льду.

Пока этот мастер прилаживал и закреплял своё изобретение к стоявшему посреди улицы крытому каталаку, а заказавшая его молодая чета и развлекавший её всякими разными способами Дэбо нетерпеливо ждали конца этой возни, мимо них прошла компания из двух странных существ к драконьими крыльями и человеческими фигурами, и молоденькой девушки из человеческого рода, которая, как и они, но при этом далеко не так умело, изъяснялась на странном свистяще-придыхающе-прищёлкивающем языке. Узнав среди них Эйа, дюжий возница учтиво поклонился, однако, когда они прошли мимо него, разочарованно махнул рукой. Видимо, решил он, не только человеческий, но и драконий род обладает свойством, которого ему, повидавшему многое в своей долгой жизни, до сих пор не понять умом, и которое губит многих, оставляя их в одиночестве, наедине со своими разочарованиями и проблемами. И имя ему — Непостоянство.

Глава двенадцатая

Ардамант.

Большой замок из серо-чёрного камня, выстроенный ещё в середине прошлого эпихрона первыми покорителями Геспирона и Клирии, прибывшими в этот мир весьма странным образом. Некогда лишившиеся своего родного, полного жизни мира Аттары и беломраморных дворцов, в которых заседали Советы Мудрых, подаривших всем мирам Небесных Очей своё бессмертное Искусство, отошедшие от заведённого порядка десять Архонтов из ста предпочли на тайно захваченных кораблях перебраться в неизвестный им мир блуждающей звезды под названием Линоман. Остальные девяносто Архонтов расселились по разным мирам Небесного Ока, неся в них Светлое Учение Добра, Любви и Мудрости. Десять же отщепенцев, рассорившихся с остальными Архонтами Аттары, в течение многих эпох скитались по неизмеримым просторам Мироздания вместе со своей новой обителью, называемой местными обитателями Энибией. Расселившись по всему новому миру и выстроив там свои цитадели, они поделили его на десять частей, установив между собой прочные добрососедские отношения. Разумеется, используя боевую мощь, силу, хитрость и чёрную магию вместо преданного ими Искусства Мудрых, они поработили все народы Энибии, заставив их служить Злу, а несогласных уничтожили. Судя по всему, они не боялись, что местное солнце, светившее им тусклым оранжевым светом и окрашивающее в дневное время весь мир планеты Энибия в тёплые золотистые тона, начнёт краснеть от гнева, пока не взорвётся, уничтожив их новую родину. Будучи бессмертными существами, Архонты Аттары повидали очень многое, в том числе и то, как зародился, развивался и умер мир Аттары и надеялись, что Линоман прослужит им поддержкой жизни гораздо дольше.

Путешествуя по вселенной и посещая разные звёзды с населёнными мирами, потомки бессмертных Десяти Архонтов, которые, увы, здесь рождались смертными, хотя и долгоживущими существами, расселялись по этим мирам, завоеывая и поработывая их, а порой уничтожая, если встречали достойный отпор. Хозяева Энибии обладали такой мощью, что могли даже сдвинуть с места звезду и отправить её в путешествие по вселенной, но, увы, не могли направлять маленькую оранжевую звезду, которая неслась по бескрайним просторам далеко за пределы Великой Спирали, в бескрайние пустыни Космоса, а все основные манёвры и высадки энибийцы совершали на своих крейсерах, похожих на гигантских монстров из серого металла, добываемого на астероидах. Эти чудовищные крейсера были грозой многих населённых миров в разных измерениях, но находилось также много воинов Света, смертных и бессмертных, которые могли с ними справиться. Однако всё же Архонты, вспомнив и применив все свои знания, нашли способ, как можно управлять своей звездой, и изменили её движение, направив обратно в сторону Небесного Ока. И вот, спустя ещё несколько десятков тысячелетий, звезда Линоман, дурная слава которой распространилась уже в нескольких галактиках, вновь приблизилась к небольшому, но яркому голубовато-белому солнцу, носившему имя Сириус. Однако обитатели светлых миров встретили вернувшихся Архонтов Энибии, что называется, огнём и мечом. Завязалась долгая смертельная битва между силами Тьмы и Света, закончившаяся победой последних. Девять из десяти бессмертных Архонтов и их бесчисленные воинства были уничтожены, а десятый, имя которого было Архимант, собрал остатки своей армии на уцелевший крейсер и удалился далеко за край вселенной, в Антимир, пообещав вернуться, как только соберёт новые силы.

Но когда бессмертный Повелитель Зла остался всего один, он не мог рассчитывать на то, что так скоро восстановит свои силы и соберёт новое несметное войско Тьмы, и Великая Битва закончилась не менее великой Победой. Обрадованные сирианцы, вступив тем временем в тесное содружество со Светлыми силами других звёздных обитателей, отправили вместе с ними свои корабли в страдающие от произвола сил Тьмы миры. Посланники этих сил высаживались в этих мирах, воплощаясь в них великими Учителями Света, Любви и Мудрости, и делают это до сих пор, ибо силы Тьмы, поддерживаемые единственным оставшимся великим Архонтом, всё ещё имели силу над умами и чувствами многих обитателей вселенной.

Однако, в самый разгар Великой Битвы Сил, четверо приближённых последнего оставшегося в живых Архонта Тьмы — Паллиэн, Арихон, Эристан и Сехантер — выкрали с уцелевшего корабля челнок и сели на нём на один из больших островов приветливой и красивой планеты под названием Элайя. Долгое время, пока шла Битва, эти четверо прятались в горах и об их пребывании здесь никто даже не догадывался. А когда наступила Победа и последовавшие за ней три столетия затишья, они неожиданно дали о себе знать, перебравшись через океан на юг на самодельных воздушных крейсерах и захватив приветливый зелёный материк под названием Клирия, населённый красивыми, умными и добрыми представителями человеческого рода. Поработив клирианцев и поделив их родину между собой, так же как десять Архонтов планету Энибия, а несогласных уничтожив (хотя некоторым из них удалось спастись, сбежав из Клирии на другие материки), четверо узурпаторов, объявив себя Императорами, установили в захваченной стране свой режим. Свергнуть их и освободить поработённых клирианцев вознамерился тогда весь остальной мир Элайи, однако дело решила сама Природа: внезапно над Клирией пролетела “хвостатая воительница”, врезавшись в материк и вызвав на нём чудовищные стихийные бедствия. В одну ночь Клирия вместе со всем, что на ней было, была уничтожена яростным пламенем, вырвавшимся из её недр, и ушла под воду. Через некоторое время она поднялась из океана снова, но имела уже другие очертания и стала немного меньше по размеру. Как оказалось потом, четверо Императоров, будучи ещё совсем не старыми (жизнь их составляла, как и других прямых потомков бессмертных Архонтов от их браков со смертными женщинами Энибии, десять тысяч элайских лет), спаслись на одном из кораблей и причалили на нём к далёкому северному острову, выстроив на гористом юго-восточном побережье громадный, величественный замок...

Оторвавшись от увлекательного чтения очередного тома «Всемирной Истории» Ортена Сеттия родом из Королевства Траниан, Этт Мор зевнул и, закрыв книгу, покосился на мерно падающие в высокий, узкий стеклянный сосуд капли воды, отмеряющие мгновения. Эти мгновения складывались в минуты, а минуты — в долгие и томительные часы, которые показывал уровень воды в сосуде. Однако последние четыре часа и двадцать минут, проведённые в хранилище рукописей учебного крыла Лиерамской жреческой семинарии, показались ему занятым и полезным времяпрепровождением. Этт Мор любил историю, даже если ему предстояло по ней очередное испытание перед взыскательным взором жреца-преподавателя по имени Афарис Терам.

Было десять с половиной часов вечера. Все другие семинаристы уже давно покинули библиотеку, отправившись, после вечернего служения в городском храме, ужинать, отдыхать и развлекаться, играя в «божественного умника» или во что-нибудь наподобие этого. Однако Этт Мор был натурой увлекающейся, и, застряв на Сеттии, никак не мог оторваться. И уж,

конечно, расскажет старому «сухарю» историю завоеваний Клирии и основания Ардаманта на самое большое в их конкоре число звёздочек.

Теперь же он начитался вдоволь, даже больше того, чем требовал от четверокурсников придиричивый Афарис Терам, и чувствовал себя немного усталым. Словно заподозрив, что в этот вечер ему будет уже не до магических экспериментов и можно не опасаться быть пойманными и посаженными в стеклянную коробку, из разных углов и щелей на него уставились несколько любопытных пароктусов. Этт покосился на поджарых зеленовато-коричневых тварей, похожих на маленьких, величиной с кулак, поджарых дракончиков с восемью длинными ножками и восемью крыльями, напоминающими драконьи, и устало зевнул, показав им, что сегодня у него по их части выходной. Воспользовавшись, однако, этим, два самых крупных и, по-видимому, самых наглых пароктуса выползли из своих щелей, расправили крылышки и подобрались ближе к человеку, продолжая сверлить его своими маленькими чёрненькими глазками-буравчиками. Этту стало не по себе и он, недолго думая, встал из-за читального стола и направился прямо к ним. Но не стал ловить, а просто шикнул и топнул ногой, отчего любопытные твари мгновенно прыгнули задом на длинных ногах и забились обратно в щели. После чего аккуратно поставил увесистый том на полку, погасил светильник и покинул библиотеку, отправившись в нижнюю гостиную.

В просторном зале, по трём углам которого горели три очага, сейчас никого не оказалось, кроме двоих служителей в коротких драпинах, следивших за ещё не погасшими огнями. Увидав студента, в такой час вышедшего из дверей библиотеки, они издали удивлённый возглас. Поприветствовав их кивком головы и слегка улыбнувшись, Этт глянул на одном из длинных, покрытых бледно-жёлтой скатертью столов нетронутое блюдо с едой, сосуд с питьём и небьющийся бокал из металло стекла. Это была, без сомнения, его порция вечерней снеди, оставленная для него поварами, уже давно отправившимися на вечерний отдых.

Пожинав в одиночестве, Этт оставил блюдо, сосуд и бокал на столе и отправился в спальню, которая располагалась на четвёртом этаже. Туда вела винтовая лестница, которая проходила в самой середине замка и пронизывала всё здание от нижнего до самого верхнего, седьмого пролёта. Дверь в комнату, которую он всё своё время обучение здесь занимал, как было положено сиротам, один, находилась в самом конце одного из трёх длинных коридоров четвёртого пролёта (точно так же были расположены учебные классы на втором и третьем этажах, комнаты преподавателей на пятом и директорат — на шестом). Она оказалась, к его вящему удивлению, приоткрытой и оттуда в полутёмный коридор падал луч яркого света. Сердце Этта ёкнуло, и он поспешил поскорее проникнуть в свою спальню.

На широком лежаке, выдолбленном в стенной нише и устланном толстым гибким матрасом, перед маленькой восьмиугольной тумбочкой сидел один из его одноконкорников, белокурый молодой жрец по имени Лаэртис Рам. Он сидел на самом краешке лежака и был погружён в чтение книги, которую Этт годами прятал от всех любопытных глаз — «Магию медицины» Аффариса Лигендианского.

Не сразу заметив вошедшего, Лаэртис продолжал водить стилусом по страницам, упиваясь описаниями чудесных исцелений с помощью выяснения истинных причин недугов и последующими за этим магическими манипуляциями по их устранению, которые приводили к невероятному для обычного человеческого ума исцелению тела и даже отрастанию отрубленных ушей, пальцев, рук и ног у жертв вражеских экзекуций или несчастных, попавших под колёса саней или летних повозок. Увидев же Этта Мора,

вошедшего бесшумно, как тень, он быстро захлопнул книгу, вскочил и устоялся на него полубезумными глазами.

Тот улыбнулся очень странной улыбкой, словно говоря мысленно: «И кем ты теперь будешь меня считать, Лаэртис Рам?»

— Я помешал тебе, Лаэртис? — вместо этого спросил Этт вслух, и в этом вопросе промелькнула еле заметная усмешка. — И кто дал тебе ключ от моей спальни?

— Честно скажу тебе, приятель, ты оставил ключ в двери, когда уходил. А я заглянул просто из любопытства.

— Ага, и просто из любопытства ты принялся читать эту книгу? Что там такого интересного пишет Аффарис?

Белокурый парень сверкнул глазами, внутренне вспыхнув, взял книгу в руки и потряс ею.

— Магия... ремесло, созданное теми, кто предал Заветы Мудрых и тех, кого этим Заветам научили Боги, — медленно, чеканя каждое слово, произнёс Лаэртис Рам. — Кто-нибудь ещё об этом знает?

— Никто, — ответил Этт. — Если кто-то об этом узнает, тогда мне никогда не стать учёным жрецом и членом Совета Ордена Звезды Мира.

— Тебе и так им не стать, — усмехнувшись, сказал его друг. — Тот, кто предал Заветы Мудрых, не может вернуться на прежний путь. Так говорят жрецы.

— Но жрецы тут не правы. Если бы ты и другие, кто учится в семинарии, читали больше книг, то наверняка нашли бы и те, в которых говорится, что магия есть Искусство Мудрых, созданное Богами. И то, что те, кто предал Великий Совет Ста Архонтов, извратили это Искусство, превратив его в чёрную магию. Аффарис же учит тому, как обращаться к силам Создателей Мироздания для того, чтобы исцелять тех, кто нуждается в исцелении. Это не совсем магия, Лаэртис.

— А кто из членов сиентата в это поверит? Если хоть один из них, в том числе наш главный директор или кто-нибудь из его соратников, увидит у тебя эту книгу или заметит, что ты применяешь магию, как бы ты её не называл, ты вылетишь из семинарии так быстро, что не успеешь моргнуть глазом.

— Боюсь, мой друг Лаэртис, — ответил ему Этт, пряча улыбку, — что мои природные способности таковы, что моё намерение сделать свои тайные увлечения совершенно неинтересными для преподавателей и директората работает прекрасно. До сих пор они ни кем не были замечены, и только ты сумел заметить, потому что я по ошибке оставил в этой двери ключ...

— Вот именно. Если бы вместо меня здесь оказался мастер преподавания или кто-то из директоров, или даже кто-то из других ребят, тебе было бы несдобровать. А я давно уже думал о тебе как о волшебнике и даже участвовал в нескольких твоих опытах, не подозревая, что ты такое творишь. Теперь я знаю и благодарю вдвойне за то, что ты излечил меня от гнойного насморка. Я не стану закладывать тебя, но имей в виду, что не только я могу догадываться о том, кто ты такой и чем занимаешься. Всё это выплывет на выпускной Комиссии.

Внимательно его слушая, Этт стоял, повернувшись к двери, чтобы Лаэртис не мог видеть на его лице улыбку, которая так и норовила расползтись до самых ушей. Потом, повернувшись и уже не скрывая торжествующего выражения на лице, ответил довольно громко и, надо сказать, чересчур смело:

— Ты бы не говорил мне всего этого, если бы знал одну небольшую деталь. Я не собираюсь становиться членом Ордена Звезды Мира и сиентата и даже не хочу быть больше жрецом.

От неожиданности Лаэртис Рам подпрыгнул на месте и бухнулся на стоявший рядом с тумбочкой пуф на колёсиках.

— Как? Ты не собираешься... ты ополоумел, Этт Мор... Куда ты пойдёшь, не имея ни дома, ни семьи, ни друзей, кроме жрецов? Ты ведь сирота!

— Да, я сирота... — Этт повернулся на каблуках вокруг своей оси и вновь оказался лицом к лицу со своим приятелем, вставая в позу. — Да, я сирота, меня приютил старый жрец, который затем от меня избавился, и потом приютили в семинарии Ордена Звезды Мира. Но есть в этом мире тот, вернее, та, что может приютить меня и без вашего сиентата и без вашей религии. И она ждёт меня, ждёт, надеется и страдает!

Последние слова были произнесены им громче обычного и с таким накалом, что второй семинарист слегка попятился назад, передвинув под собой пуф.

— Так вот что... — пробормотал он. — Женщина... а мы с друзьями думали, куда ты тогда удрал через дыру в стене, в первый день Праздника. Тогда тебе простили этот побег и эту страсть, которая может появиться, а потом настоящий жрец должен её преодолеть... как, наверное, и все другие свои страсти... но нет, Этт, ты оказался безнадёжен. Или прошло ещё слишком мало времени, чтобы твоя страсть кончилась?

— Если уж ты всё знаешь, тогда скажи мне, где эта девушка? — почти закричал Этт Мор. — Где она?..

— Да тише ты, не поднимай столько шума. Если ты спрашиваешь о той пансионке, которую отправили из Лиерама в конце прошлой триады, то её тут нет. И где она теперь, спрашивать нужно не меня — я не знаю.

— А как она выглядела, во что была одета? — продолжал допытываться Этт.

— Кажется... она была среднего роста, стройная, большеглазая, с золотисто-пепельными волосами, в серебристой одежде вроде шубы, маленькой шапочке тёмного цвета и в сапогах с бисером. Ещё у неё в руках была большая сумка, и она всё время плакала, особенно когда прощалась со своими подругами, которые пошли её провожать. Я видел это, выглядывая в окно спальни в западной башне, когда было нечего делать.

— Да, мой друг Лаэртис, это была она... Как жаль, что никто не может мне сказать, куда она уехала, зачем и вернётся ли сюда снова.

— Мне кажется, она не вернётся, такой у всех у них был вид...

— Довольно! Я завтра же отправлюсь прямиком в директорат и признаюсь мастеру Дерриусу во всех своих страстях и в том, что я не намерен от них отказываться и побеждать. Пусть выкинет меня на улицу — я уже не ребёнок и найду, как устроиться в этой жизни. Сегодня уже не стану, наверняка он спит глубоким сном.

В ответ его друг вскочил с пуфа и кинулся к двери, загораживая её собой, как будто Этт собрался идти к директору прямо сейчас.

— Завтра? Подумай хорошенько, Этт! Ты хочешь испортить себе всю жизнь и лишиться себя будущего звания члена сиентата прямо сейчас, поддавшись страстям? Разумно ли это?

— Да пошёл он в пекло, этот сиентат! — выпалил Этт, сверкнув глазами, после чего с размаху бухнулся на постель, задев головой край каменной ниши и помянув Тьму. — Никто, ничто и никогда не заменит мне богини, которой я поклоняюсь и которую мечтаю обучить Искусству Мудрых. Эас — моя судьба. Я не хочу быть монахом. Я всё равно найду её, всё

равно...

— Поступай как знаешь, — бросил ему в ответ Лаэртис Рам и со вздохом вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Назавтра Этт Мор, как и обещал, вместо занятий, начинавшихся в восемь утра, отправился напрямик на шестой этаж, где жили три управителя семинарии, называемые директорами. Все трое были почётными членами сиентата Ордена Звезды Мира и потому, как пить дать, очень важными персонами. Особенно важным, по представлениям студентов-семинаристов, был главный из них, которого звали Дерриусом. Он был родом из Рангиона, столицы северо-западного королевства Эрдон, которое, после сокрушительного разгрома войск Императоров, произошедшего около девятнадцати лет тому назад, входило в состав Непобедимого Союза. И, как все остальные эрдонцы, очень занятно произносил амантийские слова и фразы со своим иностранным акцентом, но не переставал от этого быть важной шишкой среди местных жрецов.

В то утро мастер Дерриус проснулся рано, почти в одно время со студентами. Приняв утреннее омовение, облекшись в жреческое облачение и свершив свой регулярный акт служения Богам — Создателям Мироздания и, в особенности, Владыке Мира с Его Великой Супругой, он выпил чашку ароматного грейна с припасёнными с вечера панисовыми булочками и решил немного расслабиться перед важными делами, среди которых была подготовка к экзаменации выпускников. Он сделал это, углубившись в чтение наизусть стихов Терагиуса Варроха, эрдонского поэта и прорицателя. Расхаживая по круглой башенной комнате, стены которой был увешаны полочками со статуэтками и полотнами с изображениями светлых Богов, Богинь и Их милосердных Посланников — победителей Зла в Великой Битве, и жестикулируя, словно выступал с трибуны перед огромно толпой слушателей, он декламировал вслух, громко и выразительно, слова знаменитого поэта:

...И грянет гром. Палящий Свет
Растопит в жилах лёд и камень.
Тот вспомнит Вечности завет,
Кто носит в сердце Божий пламень.
Кто чист душою и велик,
Того не сгубят злые чары,
Узнает он Богов Язык...

Неожиданно любимое занятие мастера Дерриуса было прервано звоном колокольчика, за которым последовал не менее громкий, чем его голос, стук в дверь.

— Кто стучит? — спросил директор, остановившись посреди комнаты и вперив глаза в створки двери, выложенной блестящими зеленовато-голубыми камнями.

Створки приоткрылись, и в комнату вошёл студент с толстой, немного потрёпанной книгой в руках. Он был одет, по обыкновению, в тёмно-зелёный камзол с шестиугольными звёздами, узкие чёрные патлоны, ярко-красную жреческую накидку и такие же красные сапоги высотой почти до колен. Взгляд его тёмно-карих глаз и выражение лица были решительны, брови нахмурены, а губы поджаты, поэтому мастер Дерриус тут же начал подозревать неладное.

— Это я, мастер Дерриус, — ответил студент, низко поклонившись, отчего его лицо во время этого поклона оказалось завешано длинными чёрными волосами, расчёсанными на пробор.

— А-а, — протянул директор, сделав обрадованное лицо. — Наш лучший ученик и

бедный сирота Этт Мор... приятного вам рассвета! А что вас привело сюда в такое раннее время?

Этт выпрямился, лицо его пылало. Он протянул мастеру Дэрриусу книгу с поистёршимся названием на обложке, нанесённым золотыми чернилами. Тот взял в руки толстый фолиант, взвесил в правой руке и прочёл название.

— «Магия медицины»? — спросил он, в недоумении взглянув на парня. — Вот уж не ожидал, что вы можете найти такое в нашем замке и принести прямо мне в руки. А вы, случаем, не выяснили, кто в нашей семинарии занимается такими вещами?

— Я, мастер Дэрриус, — со всей возможной честностью в голосе признался Этт Мор. — Больше здесь некому этим заниматься. И такой книги в семинарии никогда не было, я привёз её с собой, когда поступил сюда учиться.

Почтенный жрец со знаком сиентата из чистого золота (орёл, несущий в раскрытом клюве солнце), приколотым к алой мантии, испуганно поглядел на семинариста с пятью звёздами на вороте его камзола, которые были ни чем иным как наградами за его успехи в учёбе и жреческом служении. К концу обучения, если Этт Мор будет продолжать в том же духе, их у него станет десять и тогда можно будет смело обращаться в Высшую Комиссию за получением высшего монашеского чина великого Ордена, который даст ему право вступить в сиентат.

— О нет, мой мальчик, нет, — сказал он, подойдя к нему ближе и, похлопав Этта по плечу, повёл его вглубь просторного прохладного помещения с высоким крутым куполом вместо потолка, делавшим комнату похожей на главное, внутреннее помещение храма. — Я верю и вижу, что вы благородный человек и наверняка решили взять на себя чью-то вину, может, кого-то из ваших друзей. Мы разберёмся со всем этим. Оставьте мне эту книгу и отправляйтесь на занятия.

— Я могу оставить книгу, но только на время, потому что должен её вернуть оттуда, откуда взял, заложив за неё свою жреческую корону. Когда-то я был учеником главного жреца храма в городе Оттари и носил её... если вы помните.

— Да, да, конечно, я помню... но всё остальное вы, очевидно, придумали. Вы не похожи на колдуна.

— А кто тогда, мастер Дэрриус, похож на колдуна? Вы подозреваете в этом моего друга Лаэртиса Рама или, может быть, Рена Отто или кого-нибудь ещё?

Вопрос был задан прямо в лоб. Директор помялся, после чего выдал не менее сокрушительный ответ:

— Как мне думается, Лаэртис Рам гораздо больше похож на колдуна, чем вы. Я не раз слышал его обсуждения с друзьями весьма странных вещей и опытов, а вчера я случайно увидел его в вашей спальне, читающим вот эту книгу. Я только не смог разобрать её названия.

От неожиданности Этт замер на месте. Так вот оно что! Оказывается, мастер Дэрриус тайно шпионил за ним или пытался это делать, только вчера, заглянув в щель приоткрытой двери, застал в ней его друга Лаэртиса Рама! Это казалось в высшей степени несправедливым.

— Вы ошибаетесь, мастер Дэрриус. Это я изучаю магию и провожу опыты на пароктусах, и пару раз провёл их на Лаэртисе с его согласия. Также я тайком покидал семинарию через потайное отверстие в стене двора семинарии и уединялся в подвальной библиотеке городского храма с этой книгой и ещё с другими, и проводил там опыты на

пароктуссах и других мелких существах, и никто до сих пор этого не замечал. Как и того, что я целых два раза встретился с ученицей из девичьего пансиона, эйди Аулой. Первый раз она пришла ко мне, когда я занимался магией в подвале храма, а второй — когда убежал через ту самую дыру в стене, и мы отправились с ней на праздник, в долину речки, куда ушли все жители города, кроме нас и обитателей того пансиона. Вы и этого не заметили?

— Вы говорите очень странные вещи, юноша. Я, конечно, слышал о том, что один из студентов то и дело покидал территорию семинарии, но уж точно не мог предположить, что это окажетесь вы, не пропустивший ни одного занятия, сдающий вовремя все предметы и претендующий на получение высшего звания! Немногим светит такая честь. И потому мне не понять, ради какой цели вы себя очерняете?

Этт посмотрел на него долгим пронизывающим взглядом.

— Ради какой? Я влюбился. Это вы можете допустить?

— Влюбились? Понимаю... как я уже начал догадываться, в ученицу из местного пансиона?

— О да, мастер Дерриус. И произошло так, что её отчислили или просто перевели в другой город, в общем, она уехала. И теперь я не знаю, где она и что с ней.

— Ну тогда, мой мальчик, вам вовсе не о чем беспокоиться. Девушка уехала, значит, ваша страсть скоро пройдёт. Или не очень скоро, но это излечимо. Чего не скажешь о страсти к чародейству, но в этом я вам, как вы сами понимаете, не верю.

Этт замотал головой.

— Нет, нет и ещё раз нет, мастер Дерриус! Моя страсть к этой девушке зародилась очень давно, когда мы были ещё детьми, она сопровождает меня повсюду, живёт в моём сердце и течёт по моим жилам в крови. Я чувствую, что нуждаюсь в ней, равно как и она во мне. И ради этого я готов пожертвовать всем, что имею или собираюсь иметь. Мне не нужна жизнь в богатстве, почёте и высшие духовные чины без моей Эас... то есть... без моей Аулы Ора!

— Что вы сказали? — пожилой жрец внезапно вскинул голову, слегка отстранился от него и поглядел пристально в его глаза. — Эас — Владычица Ветров, вот она. Смотрите!

Он показал на полотно с изображением юной девы в одеянии голубовато-серебристых тонов, длинными серебристыми с золотым отливом волосами и огромными ясными глазами ярко-голубого цвета, сжимающую в руках большой прозрачный сосуд, в котором был нарисован бушующий вихрь. Этт вздрогнул, отметив, что нарисованная красками Богиня странным образом похожа на его несравненную, непредсказуемую, любимую Аулу Ора. Однако та была трогательна, наивна и слаба, её хотелось защитить, прижать к себе и никогда больше не отпускать, а Богиня Ветров выглядела грозной стихийной силой, которой, для того, чтобы снискать её милость, необходимо было каждый раз преподносить дары искреннего служения своей верой, правдой и почтительной любовью. И всё же он видел в изображении этой Богини свою Аулу, как в той видел Эас...

— Да, я вижу... Это Богиня Эас, Дочь Небесного Ока, я знаю Её.

— Хорошо, что знаете, — ответил глава семинарии. — Но вы только что назвали этим именем смертную девушку, в которую влюблены. Это, конечно, поэтично, но не стоит хулить Богов в стенах семинарии. Это такой же храм, только для обучения.

— Я всё понимаю, мастер Дерриус. И всё же... вы сказали, что я себя очерняю? Не посмотрите на меня. Мой волос и взгляд чёрен как ночь... и, наверное, душа тоже черна, если я вздумал нарушить главные правила и законы духовной жизни и предать жречество,

увлекшись чародейством и смертным существом женского пола! И признаюсь в этом... вы мне всё ещё не верите? Так смотрите!

На глазах у почтенного жреца он достал из кармана камзола полудохлого пароктуса и положил его на стол. Отвратительное, на взгляд мастера Дерриуса, существо было к тому же всё покрыто странными волдырями, закатило глаза и едва могло переставлять конечности. Пока директор пытался сообразить, что за странная болезнь могла поразить одну из этих вездесущих в замке мелких тварей, которые, к счастью, не нападали на людей, а только беспокоили своим видом и отвратительным скрежетом по ночам, Этт наклонился над столом, поводил над несчастным существом руками, сверля его взглядом, и произнёс что-то на незнакомом ему, Дерриусу, языке. В считанные мгновения волдыри исчезли и внезапно поправившийся пароктус выставил все восемь конечностей, расправил крылышки и запрыгал по всей директорской комнате, разыскивая подходящую щель в полу или в стене.

— Теперь-то вы мне верите? — спросил волшебник, с победным видом глядя на директора семинарии.

Тот внезапно отошёл от него подальше и замахал руками.

— Всё, всё, всё... похоже, то, что я сейчас видел, точно — какое-то колдовство, которое вы намеренно мне продемонстрировали, чтобы я принял решение изгнать вас из семинарии. И перед этим отняли уйму времени у меня и у себя. Сиентат сам разберётся, что с вами делать, а сейчас отправляйтесь на занятия. Но имейте в виду, что то, что вы честно пришли и признались, свидетельствует как раз не о чёрной душе, а о честной и светлой. Осознание своих страстей чаще всего приводит к победе над ними. Но знайте — если в сиентате узнают о ваших проделках, вы покинете семинарию прежде, чем успеете победить эти свои страсти, и путь в жречество будет для вас навсегда закрыт. Не обидно ли будет, если вы были жрецом храма с детства?..

Этт вздохнул и, задумавшись, посмотрел сначала на пол перед своими ногами, а затем снова на главного директора.

— Если жречество намерено разлучить меня навсегда с моей любимой, оно мне более не нужно. Я не хочу становиться монахом, пока в моём сердце живёт страсть посильнее увлечений магией. Вы можете отчислить меня за колдовство, если любовь к женщине для вас — пустые слова. А если я перестану быть жрецом, то мне не придётся отказываться ни от своего чувства к Ауле, ни от магии, я вольюсь в мирскую жизнь и стану целителем. Почему вы, имея высший монашеский чин и являясь членом сиентата Ордена Звезды Мира, не можете выполнить мою простую просьбу — заявить обо мне в высшем жреческом совете как о чародее и нарушителе священного устава?? Не беспокойтесь за меня, я не пропаду, хотя и являюсь сиротой.

В глазах почтенного мастера Дерриуса мелькнуло бешенство.

— Хватит болтать! Идите на занятия и перестаньте уже меня изводить! Да, и... заберите свою книгу, если она принадлежит кому-то другому, кроме вас и меня.

В сердцах он швырнул Этту Мору «Магию медицины» Аффариса Лигендианского. Отвесив низкий поклон, тот подобрал книгу и удалился, а мастер Дерриус, захлопнув за ним дверь, привалился к ней, и, переведя дух, воздал благодарность Богам за то, что избавили его, наконец, от этих мучений.

Глава тринадцатая

Читатель теперь, наверное, задастся вопросом — а что случилось после отъезда Аулы Ора с главной директрисой лиерамского пансиона для девушек, Серрель Обриа? Ещё в начале зимы, во время пребывания в Лиераме Аулы из Оттари, она стала замечать у себя признаки странного недомогания, о котором никому не рассказывала. Втайне же она приписывала их причины дурному влиянию новой ученицы, которая своим характером и поведением поставила с ног на голову весь пансион. Виновность в этом голубоглазой девушки с нежной бело-розовой кожей и золотисто-пепельными волосами, так непохожей ни на одну из местных и других приезжих эйди, смутно подтверждалась «откровениями», которые приходили госпоже Обриа во снах, а иногда даже наяву. Почти в каждом своём сновидении или просто видении она видела фигуру высокой женщины с чарующим мраморно-светлым лицом, золотисто-рыжими волосами, завитыми в локоны и уложенными в перевитую прозрачными бусами сложную причёску, расшитых золотом одеждах немного фривольного покроя и изысканных украшений. Эта женщина улыбалась, подмигивая чуть прищуренными глазами благородного нефритово-зелёного цвета, брала её за руку и каждый раз рассказывала новое, давая очередные советы и расспрашивая о жизни пансиона и его юных обитательниц. То, что эта призрачная наставница рассказала ей об Ауле Ора, казалось для Серрель невероятным, и ещё более странным было то, какие она предлагала способы борьбы с этой напастью. По мнению незнакомки, ни разу не назвавшей своего имени, просто наказывать дерзкую девчонку было нельзя — это не искореняло в ней того начала, которое могло, будучи высвобожденным, перевернуть вверх дном весь мир и свергнуть все устои, на которых держится нынешняя цивилизация Элайи. Она предлагала, по крайней мере, два варианта: попытаться договориться с Аулой Ора или же сделать так, чтобы тайная сила, спрятанная в ней, оказалась связанной настолько, что никогда не могла бы пробудиться. Будучи женщиной неглупой, госпожа Серрель, конечно же, последовала второму совету своей наставницы, ибо договориться об этом с дитём, которое само наверняка не подозревало, что вообще из себя представляет, она считала шагом неразумным и опасным. Поэтому она попыталась применить тот же способ, с помощью которого, слушая советы рыжего «хранителя», успешно воспитывала высокомерных, расчётливых, жестоких и холодных сердцем девиц, привлекая к этим методам воспитания двух других директрис и всех преподавателей. Иные способы, как говорила неизвестная дама, были опасными, так как могли привести к тому, что воспитанницы станут действовать по побуждениям своего сердца и выйдут из-под контроля, но особенно нежелательным это было в отношении Аулы Ора из Авингора. И госпожа Серрель, посоветовавшись со своими коллегами, принялась с особым энтузиазмом претворять этот совет в жизнь.

Однако, как помнит наш читатель, все попытки преподавателей и директрис влиять на Аулу приводили к тому, что та, словно заранее улавливая их намерения, делала всё наперекор. Каждый вдох и выдох, каждое слово, движение и действие этой юной эйди словно были вызовом установленным порядкам и новым, которые время от времени вводились директоратом. Разумеется, все они, и другие девушки тоже, замечали странные реакции, поведения и действия Аулы и были эти поражены, однако не знали истинных причин, отчего это могло происходить. В свою очередь, госпожа Серрель, пытаясь прибегнуть к тайному искусству ограничения и связывания внутренних сил и побуждений

Аулы Ора, которому её старательно учила неведомая наставница, теряла свои собственные силы, что вызывало у неё истощение и болезнь. Она словно всё время пыталась опутать некоего врага, сидевшего в этой ученице, невидимыми сетями, из которых этот дух никогда бы не выбрался, но каждый раз оказывалось, что сети разорваны и сожжены дотла, а душа Аулы свободна и соединена воедино с вечно свободным, светлым духом Эас. Госпожа Серрель раз за разом пыталась связать и покорить своей воле душу Аулы, отрезав её от этого внутреннего сакрального истока, который её питал, но всё более выбивалась из сил, пока, наконец, не приняла решение, не зависящее от мнения и советов невидимой наяву особы — отослать Аулу подальше. Это решение было принято даже не столько по собственному побуждению отомстить Ауле, лишив её возможности встреч с будущим учёным жрецом и монахом (этим бы она и так отомстила самой себе, поскольку Этт Мор, оставшись на своей стезе, отказался бы от неё), сколько по желанию трёх директрис из Оттари, которые очень за неё волновались. Однако болезнь от этого не прошла, а только усилилась, поскольку она всё ещё продолжала, уже на расстоянии, тратить силы на безуспешное связывания и погашения очага, пылающего в неугомонном сердце Аулы Ора.

Пытаясь разобраться с этим как можно скорее, Серрель Обриа, через некоторое время после отъезда Аулы, вызвала свою наставницу тем магическим способом, которому та её научила в сновидениях: ровно в полночь начертила кусочком спрессованного мыльного порошка на поверхности висевшего на стене большого овального зеркала круг, расставила вокруг зажжённые высокие свечи и, глядя в зеркало, вошла в глубокий транс. Она продолжала глядеть на своё отражение до тех пор, пока оно не стало расплываться, и тогда перед ней возникло изображение большого старинного замка, огороженного высокой каменной стеной. Пройдя, как она видела, через главные ворота, она пошла мимо стражников и прочего народа дальше, в высокую стрельчатую дверь замка, массивные чугунные створки которой оказались распахнуты настежь. Она оказалась в огромном зале, который был пуст. В дальнем конце этого зала находился огромный трон из прочного стекла, металла и золота, стоявший на плоской каменной вертушке и вдобавок подвешенный к высокому куполообразному потолку на трёх огромных цепях. Как только Серрель подошла ближе, вертушки на полу и потолке пришли в движение, развернув трон, и тогда с него по ступеням, покрытым золотой ковровой дорожкой, сошла Королева. Она была великолепна в своём наряде и в золотой диадеме с рубинами, и холодный взгляд её нефритовых глаз внушал страх и почтение. Позади неё, около трона, стоял, судя по всему, принц — довольно красивый, но грозный с виду молодой воин в чёрных блестящих доспехах и серпообразным клинком на поясе, черноволосый, довольно смуглый, со сверкающими тёмными глазами, но отдалённо чем-то похожий на свою мать. Серрель очень удивилась, увидев, что её наставница оказалась коронованной владычицей огромного, величественного замка, и поклонилась ей.

— Ты нужна мне сейчас, Владычица гор, морей и целого мира Элайи, — сказала она, приветствуя королеву.

Та сдержанно засмеялась.

— Быть бы мне такой владычицей, многое было бы совсем иначе, чем есть. Для чего ты пришла ко мне, Серрель?

Та выпрямилась.

— Как видишь, великая госпожа. Я пришла сказать, что больше не в силах выполнять твою задачу. Я не могу бороться с той, кто сильнее нас.

Королева захохотала.

— Сильнее нас? Ты сказала — сильнее нас? Быть может, она сильнее тебя, потому что твоих мощей не хватает на то, чтобы справиться с девчонкой, но не меня. Если не возражаешь, я возьмусь за неё. Но не напрямую, потому что её не схватишь голыми руками. Мне нужен волшебник?

От неожиданности Серрель икнула и попятилась, а незнакомый воин-принц в чёрных доспехах насмешливо осклабился.

— Во... волшебник? Какой волшебник?..

— Тот, что живёт в вашем городе, дурочка, — не менее насмешливо ответила Королева. — Напряги свою память и вспомни.

— Но я не знаю в нашем городе никаких волшебников, — возразила та.

— Не знаешь? Сейчас тогда вспомнишь. Он живёт в вашем городе уже почти четыре года и делает вид, что обучается в семинарии для жрецов. Теперь помнишь?

Серрель замотала головой.

— Нет... я не знаю такого. Хотя знаю, что там учится некий Этт Мор, о котором ходит молва, что он странный и непонятный молодой жрец, и то, что он тайком покидал семинарию, встречаясь с...

— Довольно! — оборвала её королева-наставница. — А говоришь, что ничего не знаешь. Он и есть волшебник. Повлияй на него, сделай что-нибудь, причини ему вред — и ты привлечёшь к себе внимание его подружки. Бросишь ей вызов — и, поймав её, приведёшь ко мне. Или, лучше, приведи ко мне Этта Мора, и пусть она об этом узнает, тогда она обязательно придёт ко мне, чтобы освободить его, и окажется в моих руках. А я уже решу сама, что с ней делать. Поняла?

И для острастки пустила в неё из своих рук целый сноп длинных бледно-зелёных искр, обдавших посетительницу током и сбивших её с ног.

— П-п-поняла, о великая Владычица... — проямлила та, поднимаясь. — Но я не могу уразуметь, как я могу пов-в-влиять на... на волшебника?

— Я вижу, от страха ты уже стала заикаться. Делай, что тебе говорят, иначе...

Она повторила свой приём, на этот раз — сильнее. Серрель упала на пол и закричала, потом, когда это прекратилось, встала на четвереньки, отряхнулась, и потом, переводя дух, встала на ноги. Чёрный принц засмеялся.

— Прекрати смеяться, Моран! — закричала на него королева и замахнулась гранёным золотым кубком с какой-то жидкостью. — Ну, теперь-то ты уразумела, Серрель?

— Я п-п-п-постараюсь... — ответила та. — К-к-клянусь...

— А теперь — иди! И помни мои слова. Если не приведёшь ко мне девчонку или хотя бы того волшебника — будешь уничтожена. До встречи!

Серрель поплелась к выходу, тем временем образ злобной королевы, принца и их замка стал постепенно гаснуть, пока не исчез совсем. Она снова увидела и ощутила себя в Лиераме, перед зеркалом.

— Это безумие... я не верю! — шёпотом произнесла она и стёрла нарисованный круг.

Однако боль, причинённая во время пытки бледно-зелёными электрическими искрами, давала о себе знать, и в то же время — болезнь, которая не давала ей покоя всё это время. Но над всем этим стояло душевное и умственное смятение. В прошлой триаде она получила письмо из Авингора, которое случайно забыла отдать Ауле при их последнем разговоре наедине. Потом перед тем, как отправить его воздушной почтой в Оттари, из любопытства

развернула и прочла его. В нём излагалось то, что Аула Ора была неким «подарком Богов» людям Элайи, но ничего не говорилось о богине Эас. Следовательно, Ауле было рановато ещё об этом знать, если, конечно, она уже не знает это от кого-то ещё.

Всё же, о «подарке Богов» до этого госпожа Серрель уже знала до этого из уст рыжей ведьмы, что приходила к ней в сновидениях, но до сих пор была с ней любезной, пока она, Серрель, не заявила прямо о своей неспособности справиться с данными ей поручениями.

Теперь на её голову свалилась ещё одна напасть — волшебник. Если уж и впрямь тот парень, о котором в городе ходила странная молва и который сбегал из своего учебного заведения, встречаясь с Аулой, сбегавшей в это же время из пансиона — волшебник, тогда дело существенно осложнялось. Магические познания и силы Серрель оказались бы просто смешными, если бы она вступила в магический поединок с настоящим волшебником от природы. Оставалось надеяться, что Этт Мор, так же как и она, баловался тайком магией и хвастался своими познаниями, рискуя быть отчисленным из семинарии и выброшенным из мира жрецов на улицу (Серрель не раз слышала о том, что он был круглым сиротой и поэтому в семинарии ему многое сходило с рук), но реально не был способен ни на что серьёзное, и тогда она сама или через неё — загадочная Королева Тёмной Магии — могли бы причинить ему вред или пленить его и каким-то образом уведомить об этом Аулу, чтобы привлечь к себе её внимание и силы.

Однако всё это казалось Серрель Обриа таким страшным безумием, что ей даже не хотелось о нём думать. Внутри её всё сопротивлялось и кричало, а голос совести настойчиво и мучительно "сверлил", коря за гнусные намерения ради снискания милости у Тьмы чинить вред невинным молодым людям и приносить их ей в жертву. Однако всё же она, порывшись в своих тайниках, достала оттуда письмо, адресованное Ауле, решив завтра же отправить его по новому адресу. Может, хотя бы таким образом, минуя «волшебника» и необходимость с ним возиться, она сможет привлечь к себе её внимание и тем самым смягчить гнев своей коронованной наставницы.

Раздумывая так, Серрель погасила свечи, оставив гореть лишь тусклые светильники по углам, затем откинула один из висевших на стене ковров, за которым находилась её постель, и помолилась Владыке Мира, чтобы избавил её от необходимости видеть в грядущем сне разгневанную Королеву Тьмы и говорить с ней.

А теперь наверняка будет разумным вернуться к дальнейшему описанию судьбы главной героини нашего повествования. Итак, вернувшись из Лиерама и погостив дома, чем она немало обрадовала всех, даже завистливую с детства старшую сестру и занудную среднюю, Аула Ора на восьмой день вернулась в Оттари, в свой прежний пансион. Разумеется, там её встретили целым шквалом удивления и радости, и даже суровые по своей натуре директрисы "расцвели" улыбками при её появлении и кинулись её обнимать. Старые подруги даже устроили в честь приезда Аулы вечеринку в большой нижней гостиной, закупив на городском базаре всякой разной снеди, напитков и сладостей. По очереди расспрашивая, как жила Аула в суровом Лиерамском пансионе, как с ней обращались преподаватели, директорат и местные эйди, почему она похудела и т. д. и т. п., и были немало удивлены ответами.

— Мы были об этом месте лучшего мнения, — сочувственно сказала одна из подруг, высокая белокурая второкурсница в бело-золотистом одеянии вроде полуплятья-полухитона, с ровно подстриженной чёлкой, длинными прямыми волосами, большущими глазами светло-фиолетового цвета и приветливой улыбкой, похожая на Эйлу Хан нежным голубоватым

оттенком светлой кожи. — На твоём месте я бы, наверное, тоже начала нарушать правила и делать всё наоборот. Какое-то логово Тьмы, а не пансион.

— Совершенно согласна, — поддержала другая девушка, полноватая шатенка с агатовыми серёжками в ушах и со сложной аристократической причёской, видимо, сделанной специально для этого весёлого вечера, одетая в пышное светло-красное платье с оборками. — Но я бы вообще тогда предпочла вернуться обратно. Ты стойко держалась.

— У меня была своя на это причина, Эйра, — ответила ей та. — Если вы с Геллой будете не против, я расскажу, для чего вообще поехала туда учиться.

— Конечно, не против, — почти в один голос ответили Гелла и Эйра.

Аула отвела их в сторону и уселась вместе с ними на длинную скамью около стены.

— Как-то я вам говорила... что, когда мне было четырнадцать лет, я бывала здесь и однажды встретила в храме Владыки Мира юношу, которому было тогда семнадцать. Ещё раньше я не раз видела его в своих снах. Его имя Этт Мор. Он тогда был учеником жреца Ассируса, и тот хотел, чтобы в будущем Этт стал его преемником... когда Ассирус умрёт.

— Но ведь Ассирус до сих пор жив и заведует храмом, — ответила Гелла. — Мы были там с Эйрой в выходной день. И он, кажется, уже нашёл себе нового преемника по имени Рен... как там дальше, Эйра?

— Рен Орас, — напомнила подруга.

— Да, точно, Рен Орас. И он так усерден в своих жреческих обязанностях, что старый жрец считает его безупречным и возлагает на него большие надежды. А что там было, с тем жрецом?

— Ассирус выгнал его из храма и лишил своего покровительства, а ведь у него нет ни отца, ни матери, ни дома, он жил в этом храме. К счастью, он, как и все сироты, получал из королевской казны сиротскую милость...

— Так он сирота? — нахмурившись, спросила Эйра. — Это грустно. А что с ним случилось потом и какое отношение это имеет к твоему решению переехать в Лиерам?

— Я узнала, что он живёт и учится в Лиерамской семинарии для жрецов, — со вздохом ответила Аула, нервно теребя оборки нарядного светло-голубого платья из лёгкой материи, привезённого из дома и надетого специально для этого вечера. Это платье, скроенное по последней арохенской моде, красиво облегалo её талию и бёдра, было слегка открытым сверху и прекрасно гармонировало с ажурной белоснежной накидкой, делая её похожей на принцессу.

— Только не говори, что ты отправилась туда из-за жреца-семинариста, — пробормотала Эйра, поправив зацепившуюся за локон серьгу. — Это совершенно несерьёзно.

— Серьёзно это или нет, судить не нам.

Она порывисто встала, чтобы прекратить эту беседу, и направилась к большому накрытому столу, но подруги удержали её за руки и вернули на прежнее место.

— погоди, — сказала ей Гелла. — Ты хочешь нам сказать... что влюблена в жреца, который к тому же ещё и учится в семинарии?..

В ответ Аула всхлипнула, покраснела и закрыла лицо руками. Гелла обняла её.

— Ну, перестань же... мы с Эйрой уже всё поняли. Безответная любовь, готовность бросить всё ради любимого и бежать за ним на край света и тьмы... а потом...

— Моя любовь не безответная! — возразила ей Аула, слегка отталкивая от себя.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила, в свою очередь, Эйра.

— Я не стану расшифровывать то, что и так предельно ясно. — Не только я влюблена в Этта Мора. Да, да, мои чувства взаимны, а две наших встречи... наверняка они побудили его задуматься о том, стоит ли ему дальше идти по пути жреца и вступать в Орден Звезды Мира. А потом я перестала видеть смысл в том, чтобы оставаться дальше в том пансионе, но хотела, чтобы меня просто отчислили. Тогда бы я могла остаться там и уговорить его...

— Это сущие глупости, Аула! — возмущённо воскликнула белокурая Гелла. — Если бы тебя отчислили, тогда бы ты не вернулась к нам и вообще была бы лишена права получить лучшее в мире образование для женщины. Наверняка это наши директрисы постарались, чтобы тебя вернули сюда, иначе бы... А если твой друг всё-таки останется на своём пути и откажется что-то изменить?

Аула на несколько мгновений задумалась, потом ответила:

— Моё сердце подсказывает мне, что Этт близок к тому, чтобы изменить свой путь. А если он всё-таки примет решение остаться в жречестве и стать монахом Ордена, тогда мне придётся смириться и забыть его, хотя, говорят, сердцу приказать невозможно.

— Ах, мечты... подсказывает сердце... посмотрим, что покажет жизнь.

С этими словами Гелла по-дружески похлопала Аулу по обнажённой руке, затем три подруги поднялись почти одновременно со скамьи и направились к столу.

На другой день одна из директрис, Натияль Сорро, принесла ей маленький бумажный свиток, пока та ещё спала, аккуратно положила его на бронзовое блюдечко, стоявшее на тумбе, и бесшумно вышла. Проснувшись, Аула прочла послание, которое было написано Алертой Ахан ещё в конце зимы и адресовано в место её прежнего пребывания. По-видимому, это письмо было затем перенаправлено сюда, и нет никаких надежд на то, что злобные мегеры, заведующие лиерамским "вертепом", тайком его не прочитали.

На страницах, исписанных почерком Алерты, виднелись следы слёз — видимо, матери нелегко давалась решимость писать это послание. Дочитав до конца, Аула на несколько мгновений замерла, словно поражённая электрической искрой: то, что говорил ей Этт во время тех двух памятных встреч, не было метафорой! Конечно, в этом письме не было сказано, что она, Аула Ора, является воплощением Эас, дочери Богини Небесного Ока, называемой на самом распространённом из элайских наречий именем Сотис, но упоминание о том, что она действительно является "даром Богов, благословением, посланным в мир людей, посланницей Света, призванной освободить мир от кровавых узурпаторов-пришельцев и от зла, наводнившего мир Элайи, развеять его в пыль и прах", поразило её, словно молния. Она в те же мгновения внезапно осознала, что вся её прежняя жизнь до сегодняшнего момента была пустым, суетливым времяпрепровождением. Все свои прежние годы ещё недолгой жизни она, относясь к намёкам, прямым словам других людей и даже к собственным внезапным озарениям несерьёзно и продолжала вести обычную человеческую жизнь, мысля, рассуждая и поступая как обычный человек. И даже её любовь к Этту Мору была, оказывается, тоже человеческой суетой, не имеющей отношения к миру Божественному.

"А могут ли боги любить?" — спрашивала она сама себя, и тут же находила ответ в себе: да, могут! Боги искренне, без всяких причин и условий, любят всё, что они создают и поддерживают существование этого, всех людей, растений, животных, звёзды, миры... Всё в мире основано на Любви, и только Зло берётся там, где недостаёт этого животворящего, тёплого, благословенного Сияния. И что боги, оказывается — это проявления, воплощения Единого Разума, который тайно живёт во всех людях, не только в ней. Но что она конкретно

— Эас, Посланица высших Богов и самого Высшего Разума, призванная спасти мир...

Не успев успокоить себя тем, что всё это ужасный абсурд и чья-то досадная ошибка, она получила весть откуда ещё один ответ: спасти мир она может только тогда, когда соединится с тем, с кем её душа, дух и тело будут звучать в унисон. С тем, с кем в унисон будет её дыхание, биение сердца, ток крови в жилах, мысли и чувства. С тем, кто никогда её не забудет и не покинет, как она сама не сможет забыть и покинуть его. С тем, кто...

Но пока в её душе восставал лишь образ Этта Мора, с которым она оказалась жестоко разлучена — далёкого, непонятного, загадочного... к тому же являющегося жрецом-семинаристом, метящим в монахи знаменитого Ордена и попутно — тайно увлекающийся магией и целительством... Неужели с таким человеком Высшие Боги предрекли ей связать свою жизнь или это было очередной иллюзией, досадной ошибкой её распалённых чувств и воображения?

Быстро спрятав письмо в дорожную сумку и поставив последнюю в укромное место в просторной нише стены над своей лежанкой, Аула разбудила подруг и стала вместе с ними собираться на утреннюю трапезу и на занятия. Она не успела ещё отвыкнуть от уюта оттарийского пансиона и приветливости его обитателей, но всё же, после многодневного заточения в лиерамской "тюрьме", такое возвращение было более чем приятным. Здесь она чувствовала себя как дома, и только её вынужденная разлука с Эттом и невозможность снова с ним встретиться тяготила её.

Что касалось её подруг — Геллы Эйдо и Эйры Меран — то они, казалось, условились между собой принимать в личной жизни Аулы самое активное участие.

— Отчего ты опять невесёлая? — спрашивали подруги едва ли не после каждого занятия. — Всё переживаешь из-за своего жреца?

Когда они пристали к ней с этими вопросами на двенадцатый день после её приезда, во время дневной трапезы, и к тому же засыпали её своими советами перестать расстраиваться из-за парня, который не приезжает погостить и даже не подаёт о себе никаких вестей, Аула резко встала из-за стола и, швырнув стеклянную ложку в блюдо, наполненное свежей ароматной похлёбкой из тёртого желтока с кусочками древесных плодов, стремительным шагом направилась прочь из гостиницы. Гелла с Эйрой и третьей подругой по имени Лория Этон, немного похожей на Аулу цветом кожи, волос и клирианским разрезом ярко-синих глаз, но с причёской как у Геллы, побежали вслед за ней.

— Куда же ты? погоди! — кричали они, хватая её за подол накидки и пытаясь вернуть за обеденный стол.

— И что мы такого сказали? — недоумевали Гелла и Лорией.

— Ну прости уже нас! — вслед за этим раздался низковатый голос Эйры. — Вернись, похлёбка очень вкусная...

— Да отстаньте вы от меня! — закричала Аула, вырываясь от них и поворачивая к ним красное, заплаканное лицо. — Разберитесь сперва сами в своей жизни, у вас самих ещё нет женихов, одни только несерьёзные ухажёры, которых вы приглашаете на танцы, а они волочатся за каждой юбкой!

Проходившие мимо них титулованные магистерской степенью преподавательницы истории и душезнания на миг остановились, недоумённо посмотрели на неё, спросив, что тут происходит, и не дождавшись ответа, пошли к отдельному столу для преподавателей.

Она вновь отвернулась и побежала вверх по винтовой лестнице в одну из классных комнат, где через пятнадцать минут должны начаться уроки искусствоведения. Предыдущие

уроки истории, проведённые в соседнем просторном классе, были, как всегда в этом заведении, интересны и увлекательны. Однако, как считала Аула, изучение искусств разных народов в разные времена лучше всего отвлекало от тягот и беспокойств теперешней суетливой жизни, погружая в прекрасный, загадочный и романтический мир творчества знаменитых художников, музыкантов и архитекторов и прочих светил Искусства.

— Мне совсем не нравится, что она стала такая нервная, — шепнула Лория, когда они выходили из класса после искусствоведения. — Стоит ли действительно так переживать из-за какого-то непутёвого жреца, который заводит шашни с девушками, не думая о последствиях для себя и для них?

— Тише, Лория! — Гелла легонько толкнула её локтем в бок. — Если Аула услышит, нам всем трём несдобровать.

Аула, проходившая мимо пару мгновений спустя, подозрительно глянула на столпившихся под стрельчатой аркой девиц и пошла быстрым шагом дальше, слегка наклонив вперёд голову.

— Я думаю, ей нужно как-то помочь, — возобновила свой разговор Лория, когда гроза миновала. — Как вы считаете, кто из кавалеров, которых сюда обычно приглашают, может угодить Ауле Ора?

— Я думаю, это бесполезно, — покачала головой Эйра Меран. — В прошлом году мы с Геллой познакомили её чуть ли не с половиной города на наших вечеринках и на балах, и всё пошло впустую, она никого не выбрала. Но тогда мы решили, что она ещё слишком молода для выбора себе пары, первый год обучения и всего семнадцать лет...

— А теперь ей почти девятнадцать и ничего не изменилось, — вздохнула Гелла. — И в двадцать три тоже не изменится, когда придёт пора выпуска. Вы понимаете? Она останется одна и будет продолжать до старости ждать своего...

— Погодите! — внезапно оживилась Лория. — Кажется, я знаю, что бы мог ей угодить. Мимо них прошли последние несколько девушек из их конкора, и когда они втроём остались одни под аркой на выходе из классной комнаты, Эйра спросила:

— Ну и кто это может быть?

— Один человек, которого я встречала в Арохене, когда гостила там у своих тётушек. Он, немного взрослее, чем ребята, которых приглашают обычно на наши вечеринки, но этим, я думаю, он гораздо серьёзнее всех их.

— Ага, — с сарказмом в голосе вмешалась Гелла, — к нам обычно приглашают ребят от двадцати до тридцати лет, которые подыскивают тебе жён и готовы ждать, пока их избранницы получат шестилетнее образование. А ты говоришь — взрослее... ты хочешь выдать Аулу за старика?

— Почему сразу — за старика? Ему, должно быть, сейчас тридцать три или немного больше, но сколько точно — я не знаю. Знаю только, что он служил до совсем недавнего времени в звёздном флоте и носит звание капитана.

— Что?.. — переспросила Гелла, недоумённо сделав брови "домиком" и скосив глаза к переносице. — Зв... каком таком звёздном флоте?

Мимо них в эту минуту проходили девушки с четвёртого курса, которые так же недоуменно покосились на них.

— Разве ты не знаешь, что есть такой звёздный флот, в котором служат молодые воины и из нашего Королевства тоже? Хотя мне кажется, что он какой-то нездешний и как будто на самом деле он гораздо старше, чем я думаю, хотя выглядит как тридцатилетний и он такой

красавчик...

— Оой, сколько болтовни... — нахмурившись, пробурчала Эйра. — Как хоть звучит его имя?

— Его имя... кажется — Вероис Сенам. Капитан Вероис Сенам. Точно. Но если его приглашать сюда, то уже только в следующем году, потому что этот уже приближается к концу.

— Вероис Сенам... — повторила Эйра. — Из Арохена... не думаю, что так легко будет заманить такую птицу в наш пансион, но если уж нет ничего попроче...

— Куда уж... — Гелла испустила лёгкий смешок. — Для нашей принцессы, похоже, это и так было бы слишком просто. Однако наше время для разговоров уже истекло, идёмте на занятия по душезнанию!

На этом их обсуждения дальнейшей судьбы Аулы Ора закончились, но, конечно, не насовсем, а всего лишь до сегодняшнего вечера.

Они совсем не могли понять и малой части того, что в действительности творилось в душе у Аулы. Не успев ещё толком осознать и "переварить" в голове то, что она узнала о себе из письма Алерты Ахан, она пыталась понять, что, в самом деле, у них общего с Эттом Мором, который — подумать только! — в большей степени маг и целитель, чем служитель Высших Богов. Но была и ещё одна деталь, о которой она никогда никому не рассказывала и даже с трудом могла признаться самой себе, что это может с нею происходить.

Как помнит наш читатель, ещё с тех пор, когда Аула приехала в Лиерамский пансион, с нею временами стало твориться что-то неладное. Ощущалось и осознавалось это так, будто бы кто-то, неизвестный ей, какой-то тайною силой пытался проникнуть в глубины её души и связать или заковать в цепи то, что жило в душе и давало ей силы для жизни, любви и творчества. Этот кто-то, похожий на женщину в тёмном плаще, каждый раз лез своими грязными руками в самое тонкое, нежное и сакральное, что было в её сердце, и пыталось это поработить, связать и посеять там хаос. Но каждый раз Ауле удавалось справиться с этой тёмной силой, попутно получая некие наставления и применяя их. Она не знала, кто мог посягать на её душу и кто давал ей советы, как одолеть этого врага, но эти советы были ей полезны, так как она раз за разом училась всё более ловко направлять свою скрытую мощь Духа на то, чтобы одолеть назойливого демона.

После переезда обратно в Оттари эти ночные атаки стал реже и слабее, хотя всё ещё имели место быть, а неведомый учитель всё так же учил её, как, призвав Богиню Эас, собрать воедино и направить её Силу на обезвреживание Тьмы. Однако в двадцатую ночь своего пребывания в Оттари Аула пережила нечто особенное.

Крепко заснув после организованной вечерней прогулки девушек их и ещё двух конкорвов второкурсниц в весеннем лесу за городом, она увидела во сне, что прогуливается по лесным тропинкам вместе с Эттом. Стояла тихая, тёплая весенняя ночь, лес и почва под ногами дышали весенними испарениями соков и выпускали в воздух маленькие белые, голубые и фиолетовые огоньки, за чем вскоре последует цветение крупных ярко-алых и тёмно-фиолетовых весенних цветов и распускание первых листьев на деревьях и кустах. Полный диск Энталии, Ночное Око и мириады звёзд освещали мир, делая ночь удивительно светлой и полной небесных огней. Эти огни отражались в журчащих ручьях, лужах и зрачках глаз Этта, который даже в этой тихой ночной прогулке был её надеждой, защитником и опорой. Она не переставала любоваться им в свете звёзд и огромной серебристо-белой луны, а он — ею, и между ними царили полная гармония и взаимопонимание даже без слов.

Внезапно позади них раздался противный треск и скрежет, как будто кто-то с невероятной силой ломал старое дерево. Резко обернувшись, Аула увидела женщину в чёрном. Она стояла посреди небольшой поляны, взгромоздившись на большой старый пенёк, и протягивала к ней руки. Она находилась выше Аулы и поэтому та не могла так просто заставить её исчезнуть, направив невидимый поток вниз перед собой. Поэтому, засмеявшись и издав победный клич, женщина выпустила из рук нечто вроде искр, которые стали, как змеи, обвиваться вокруг неё и сливаться между собой концами, образуя прочные сети. Она наслаждалась своей победой, всё более опутывая девушку, лишая её возможности свободно дышать, двигаться и глядеть на мир, а заодно, вместе с ней, и её спутника. Однако Этт, недолго думая, сделал что-то, что заставило стянувшие его путы мгновенно разлететься в клочки. К сожалению, это пока не удавалось Ауле, но он почему-то не спешил ей помогать, а вместо этого наклонился над ней, лежавшей беспомощным мешком на мокрой талой земле, и стал шёпотом что-то советовать.

— Ну что же ты, Этт Мор? — с ехидцей спросила его ведьма. — Где твой рыцарский дух? Выручай свою богиню, только сначала попробуй меня поймать!

Она запустила в Этта ещё чем-то магическим, что заставило его, к её дальнейшему торжеству, поскользнуться и растянуться на прелых листьях. После чего не спеша, смакуя каждое своё движение (хотя в последних, как можно было заметить, читался некоторый страх и неуверенность), стала подходить ближе к своей жертве, чтобы взять её живьём, сперва отбросив незадачливого жреца. В это время Этт, усевшись рядом, продолжал что-то быстро шептать в самое ухо своей подруге.

В свою очередь, Аула, находясь в тисках опутавших её и застывших в гибкую паутину искр неведомой силы, слушая долетавшие до неё слова Этта, всё больше воодушевлялась, будто его наставления придавали ей сил или, скорее, открывали доступ к чему-то потаённому, что было скрыто в ней самой.

И вот, наконец, двери распахнулись. Что-то гигантское, огненное, похожее на вихрь, словно вырвалось из тайников души Аулы, исторгнув из её уст пронзительный крик. Стягивавшие её прочные путы из странной материи вдруг ослабли и растаяли, превратившись в дым. Поднявшись на ноги, Аула, не чувствуя ног, движимая одной лишь странной решимостью, пошла прямо на своего врага, а Этт тем временем, следуя за ней, делал что-то за её спиной своими руками и произносил что-то на странном, но смутно понятном ей наречии.

— "Ассалем"! — подсказывал он ей заклинание. — Собери воедино всю силу, что есть в тебе, и скажи — "Ассалем"!..

Аула так и поступила. Продолжая наступать на демоническую женщину, которая испуганно попятилась от неё назад, она собрала в кулак всю свою силу, мужество и решимость, приготовившись к последнему шагу. От напряжения у неё из носа брызнула кровь.

— Ассалем!!! — не своим голосом крикнула Аула, когда её противница, как ей показалась, собралась дать дёру.

В этот самый миг из того места, где было её сердце, и из её рук вырвался огненный вихрь. Он захватил и окружил странную незнакомку, которая столько времени чинила ей вред, лишил её сил и возможности сопротивляться, повалил на прелую прошлогоднюю траву...

— Ассалем! — произнесла Аула ещё раз, и тогда в её руках неожиданно появился

призрачный меч, ярко светящийся в темноте и сделанный, как ей показалось, из чистого света.

Недолго думая, она наклонилась с этим мечом над извивавшейся перед ней нечистой силой и поразила её этим мечом в самое нутро. Огромный сноп искр вырвался из того места, куда угодило оружие Богов, продолжая сжигать демоницу или то, что от неё осталось. Та оглушительно вопила и визжала, извиваясь змеёй, пока, наконец, не исчезла совсем, растворившись в воздухе. Меч из света также исчез, и снова наступила тишина.

Когда закончился этот поединок, Аула и Этт в изнеможении упали на траву. В этот момент сон прекратился и Аула обнаружила себя лежащей на полу рядом со стенной нишей, где находилась её постель. Из носа у неё текла кровь, а ночная сорочка насквозь промокла от пота.

В ту же ночь, о чём Аула узнала позже, умерла Серрель Обриа — одна из директрис Лирамского девичьего пансиона.

Глава четырнадцатая

— О нет! Тьма заведи всех этих жалких, хилых сопляков, ничего нельзя им доверить!

Иера Тан в бешенстве стукнула кулаком по призрачному зеркалу, сотканному с помощью магии из прозрачной талой воды прямо в воздухе. Видение исчезло, и тучи брызг разлетелись в разные стороны, обдав её саму и всё вокруг неё холодной водой — лишь часть их попала обратно в большой люмироновый чан. Со вздохом и негодованием владычица Ардаманта покинула свои покои и направилась по выложенной драгоценными плитками лестнице в большой тронный зал.

Нужно сказать, что за все времена со дня основания Цитадели Императоров здесь многое поменялось. Когда-то одинокая неприступная крепость, выстроенная на склоне горы с подветренной стороны, со временем «обросла» городом. Его населял самый разносортный люд, но больше всего здесь было беглых преступников, бандитов и торговых спекулянтов из самых разных королевств и республик Элайи. Были и местные жители — крылатые существа с длинными загнутыми носами, сухой бледной кожей и круглыми блестящими глазами чёрного цвета, которые они иногда прищуривали, особенно при ярком дневном свете. Они называли себя «геспиронскими вОронами» и были издревле привычны к привольной жизни, строя небольшие дома прямо на деревьях в лесу или на скалах. Однако со времени пришествия сюда завоевателей неизвестного «воронам» происхождения их образ жизни и быт значительно изменился, многие стали жить в выстроенных городах, в которых правили Императоры — Ардаманте, Эспирионе, Арден-Моргуле и Геллоуде. После сравнительно недавнего, произошедшего всего девятнадцать лет назад поражения четырёх армий Императоров и гибели одного из них, Паллиэна, многие жители Ардаманта, как люди (включая рабов), так и Вороны, подались в соседние геспиронские города. И дело было не в том, что они не хотели оставаться в Ардаманте из-за того, что не стало больше Императора Паллиэна, а из-за скверного характера его супруги, а теперь уже вдовы — Иеры Тан. Получив после смерти мужа полную власть над городом и окрестными землями, а себя объявив королевой (на титул Императрицы, в силу известных причин, она претендовать не могла), Иера вместе со своим незаконнорожденным сыном Мораном занялись, в первую очередь, законотворчеством, и установили в Ардаманте и на прилегающих землях такие крутые порядки, что остальные Императоры могли бы им позавидовать. К несчастью для обоих, эти порядки многим подданным, их семьям и даже рабам оказались не по нутру, и они стали тайком уезжать из Ардаманта, перебираясь в соседние города или вовсе укрываясь в лесах и ведя разбойничий образ жизни. Конечно, некоторых Королеве, принцу и их воинам удавалось вернуть, а самых непокорных казнить, и в конце концов город был объявлен закрытым — никто не мог въехать или выехать из него без особого на то разрешения Главного Градоуправителя или самой Королевы либо Принца. Таким Ардамант оставался и сейчас, но теперь его правителей беспокоило то, где набирать новых горожан, поскольку, после введения новых законов и порядков, жизнь прежних, в особенности рабов, стала ещё меньше и теперь долгожителями здесь считались люди в возрасте до семидесяти-восьмидесяти лет, а Вороны — до ста. Это не касалось, правда, близких подданных Королевы, воинов и стражников обеих рас, которые пользовались особыми привилегиями и жили на несколько десятков лет дольше.

Последнее немало удручало Иеру Тан, которой ныне исполнилось сто тринадцать.

Будучи из обычного людского племени, урождённая жительница большого королевства Вергинта, что располагалось на крайнем западе Эллиоры и ныне входило в Непобедимый Союз, она должна прожить, как большинство людей Элайи, до двухсот тридцати, двухсот сорока или, если повезёт, до двухсот пятидесяти лет. Это был, по её мнению, очень даже неплохой срок человеческой жизни, по сравнению с тем, сколько жили её подданные и рабы, а для большинства людей — даже слишком неплохой. Однако сама она не считала себя обычным человеком. Это было правдой: все лучшие годы своей жизни она была верной спутницей жизни одного из величайших, как она читала, людей мира — Императора Паллиэна, пришедшего в этот мир около трёх тысяч лет тому назад из кочующего мира под названием Энибия. Срок его жизни, как и положено потомку энибийской женщины от бессмертного Архонта, составлял, как сумели рассчитать учёные мужи Ардаманта, десять тысяч оборотов Элайи вокруг Небесного Ока, таким образом, если бы не непредвиденная гибель от руки какого-то амантийского смельчака, то ему оставалось бы прожить здесь ещё пять с половиной тысяч лет (таким образом, когда Паллиэн ступил на землю Элайи, ему было около полутора тысяч элайских лет). Теперь же, когда Паллиэна не стало, а его собратья, которые были не намного моложе, наотрез оказались взять её в жёны, Иере предстояло если не самой удлинить срок своей жизни, то хотя бы найти себе достойного преемника. Но преемников у неё до сих пор не нашлось, а своему единственному сыну, рождённому, увы, не от бессмертного Архонта и даже не от Паллиэна, а от горца из племени драконид, похитившего её во время путешествия в Гинвандию, где, по слухам, находилось загадочное королевство, основанное потомками сбежавших из Клирии торговцев, воинов, изобретателей и жрецов. Попутно у неё случилась любовь с умыкнувшим её чудовищем по имени Ктарт, от которого она понесла ребёнка, и это ввергло её в ужас. Не найдя иного способа, как сбежать от крылатых похитителей, среди которых в Гинвандии водились и настоящие драконы, стерегшие горы и долины, Иера с помощью магии, которую тогда только-только начала осваивать, вызвала своего мужа и попросила его о помощи. Тот отозвался, приказав снарядить большой морской корабль, нагруженный ездовым скотом и пропитанием. Пока Паллиэн верхом на тёмно-золотистом с чёрной гривой меронге, в сопровождении своей «непобедимой» армии из на вербованных сакридских, тенгинских и вергинтских воинов, добрался до ущелья на севере Мраморных гор, где обитало это племя, он потерял большую часть своих бойцов в сражениях с местными дикарями-теранга с синевато-бронзовой кожей, разрисованной в разные цвета крашеной глиной, хищными марангулами и прочими обитателями этой чужой для него страны. На самых подступах к Мраморным горам на них невесть откуда напали огнедышащие драконы, а под конец на вершинах и склонах горных пиков появились сами хозяева Мраморных гор и бросились в атаку. Все до одного чужеземные воины были уничтожены, а Паллиэн, оставшись в одиночестве, был захвачен в плен и приведён на суд старейшин. Однако Паллиэну удалось убедить эйхана и старейшин отдать ему его законную жену, посулив взамен горы золота, серебра и драгоценностей. Те отдали ему жену, но от обещанных даров отказались, пригрозив Императору больше никогда не появляться в их краях, иначе в следующий раз они его не отпустят и женят на одной из своих дочерей, внучек или правнучек. Паллиэн умчался прочь, перекинув через седло свою жену (на спину, ибо положить на живот поперёк крупа меронга её было уже нельзя) и даже не поблагодарив новых знакомых за оказанную ему честь.

Добившись с помощью разных ухищрений признаний от Иеры, что та носит дитя не от

него, Паллиэна, а от дракониды по имени Ктарт, Император пришёл в бешенство, однако Иера уговорила его не убивать ребёнка, когда тот родится, потому что, несмотря на всё своё могущество, власть и силу, Паллиэн был бесплоден. Тот нехотя согласился, приказав, однако, Иере отрезать у ублюдка крылья, если он с ними родится.

Так и случилось: Иера родила мальчика, на спине у которого были маленькие крылышки. Малыш был славный, и потому ей было жаль его увечить и причинять боль, и поэтому она тайком перевязывала его тельце куском белой ткани, чтобы крылышки не топорщились. Когда же Паллиэн в очередной раз отправился в военный поход на ослабленные постоянными междоусобицами королевства северо-запада, запада, юга и востока Эллиоры и надолго засел в Вергинте, захватив ещё несколько западных и оба северо-западных Королевства, Иера растила и воспитывала маленького сына по-своему, привлекая к этому рабынь-нянек. Все они пытались научить его летать, однако, как мальчонка ни старался, он мог лишь просто подпрыгнуть. Крылья оказались малы и слабы. Доходила того, что маленький принц Моран спрыгивал с кресел, пуфов, столов и тумб, порой разбивая себе до крови нос, лоб, колени или локотки или вывихивая их. Около десятка нянек и сама королева-мать бежали быстрее ветра на очередной жалобный крик малыша, успокаивали его и снимали боль, втирая целебные смеси. Так продолжалось восемь лет, пока шли кровопролитные войны Паллиэна с восемью королевствами, которые неожиданно ради победы помирились между собой и объединились в Непобедимый Союз, Арихона с сакридцами, Эристана с тенгинцами и Сехантера — с коренными и пришлыми жителями Менанторры. Когда же трое Императоров вернулись из своих походов ни с чем, потеряв большую часть своих воинов, меронгов, кораблей, оружия и техники, а Паллиэн не вернулся вовсе (остатки его армии при этом отправились мародёрствовать в разрушенные города, а затем подались в безлюдные горные степи юго-запада Эллиоры грабить проходящие мимо караваны и разорять иных мирных путешественников, которые проезжали через эти места), Моран так и не научился летать. Тогда Иера, сражённая сразу двумя горестями — бесславной гибелью мужа и неспособностью сына стать настоящим Драконочеловеком — приказала отвести мальчишку к одному из придворных лекарей, который мастерски владел искусством удаления ненужных или замены поражённых недугом частей тела, чтобы тот отрезал ему бесполезные крылья. Тот так и сделал, оставив Морану вместо крыльев два безобразных шрама на спине. С тех пор принц стал как все другие дети и считался среди них обычным человеком, хотя в глубине души чувствовал себя Драконом и мечтал в будущем заставить лекаря пришить ему другие крылья, с помощью которых он сможет парить в воздухе, как это делали птицы и геспиронские Вороны.

Что же касалось самой вдовы Паллиэна, то, лишившись опоры для жизни в виде мужа-Императора и не рискуя надеяться на своего сына-полукровку, она решила надеяться лишь на себя и стала усиленно изучать Тёмную магию дальше. Она преследовала две главных цели. Одной из них была мечта стать Владычицей всего мира Элайи и, если повезёт, близлежащих к ней миров. Однако тут у неё были целых три серьёзных конкурента в лице Императоров Арихона, Эристана и Сехантера. Причём у них было перед ней явное преимущество, поскольку они были не обычными людьми и собирались жить ещё, по крайней мере, шесть тысяч лет, а потом искать способы обзавестись новыми человеческими телами. Поэтому к первой цели у Иеры прибавлялась другая: умудриться сделать своё тело бессмертным, чтобы стать как Архонты и править миром до самого Конца Времени. Но наверняка об этом, после смерти Паллиэна, теперь мечтали и её конкуренты и тоже думали,

где находится источник собственного бессмертия, и поэтому соперничать с ними было очень трудно.

Вспомнив сразу все свои неудачи, утраты и надежды, Иера Тан медленно брела вниз по ступеням. По пути ей встретились спешившие наверх служанки и несколько Воронов. Последние, надо сказать, были существами не очень приятными, хитрыми и скользкими, любящими манипулировать и подстраиваться. Они раздражали Иеру ещё и тем, что почти все были двуполыми, среди них редко можно было встретить мужчину или женщину (или, как было привычнее для восприятия Иеры — самца или самку). С презрением отвернувшись от них, она поглядела вниз, увидела Морана, сидящего на величественном троне вместо неё, и сошла в зал быстрее.

— Давно ты ждёшь меня здесь, Моран? — спросила она принца, и её голос эхом раздался по огромному залу.

— Давно, — ответил тот. — Я жду новостей.

— Ты принц, Моран, и мог бы, вместо того, чтобы бездельничать, в чём-нибудь мне помочь! Что ты скажешь о том, что никто из тех, кому я давала приказ привести мне Аулу Ора, его не выполнил? Кажется, что было трудного в том, чтобы вытащить её из колыбели матери и привезти ко мне без лишнего шума, который разбудил стражу? Или похитить её из логова Алайдских монстров, не вступая с ними в idiotские сделки, на которые они никогда не велись? Или привести её ко мне с помощью тайных чар? Нет... эти тупицы ни на что не способны. Все они мертвы, и не от того, что их наказала я, а по собственной глупости. И в последний раз мою посланницу убила она сама!

— А чего ты хочешь? — холодным голосом ответил Моран. — Поймать Посланницу Высших Богов, в которой живёт к тому же дух самой Богини Ветров, не так-то просто. Неужели ты и правда решила поймать и пленить Богиню?

— Молчать! — рявкнула Иера. — Пленить я собиралась не Богиню, а девицу, которая несёт в себе искру Богини Эас. Когда я убью её, то никто не помешает мне осуществить мои замыслы и стать Хозяйкой этого мира. А пока Эас будет думать, в ком бы воплотиться снова... мне кажется, думать она будет долго.

— Эас — одна из Архонтов Света! — напомнил Моран, сходя с трона и приближаясь к своей матери. — А ты действительно веришь, что эта вздорная девчонка, за которой ты охотишься — воплощение Архонта?

— Да, тьма тебя возьми! Что касается её вздорности... откуда ты столько знаешь?

Она глянула на сына с немалым подозрением.

— У меня есть свои способы узнавания тайн, — ответил тот. — Например, эта.

Он сделал несколько оборотов вокруг своей оси, раскинув руки — и через пару мгновений перед Иерой на полу вместо принца стоял большой чёрный ворон.

— Ахха... но этому тебя учила я, нашёл чем хвастать!

Насмешливый тон заставил молодого принца устыдиться и вновь принять человеческий облик.

— Мы с тобой слишком мало шпионили для того, чтобы составить чёткое представление, — продолжала королева, поправляя на своей голове золотисто-рыжие кудри, выбившиеся из-под диадемы. Но теперь в Лиераме её нет, а там, где она сейчас есть, у нас нет союзников.

— Но мы ведь можем их легко найти, — возразил принц.

— Не говори ерунды. Не так-то просто среди этого народа найти себе союзников, они

как будто чувствуют заранее, что от них хотят.

Моран тяжело вздохнул и, подойдя ближе к матери, легонько потряс её за плечи.

— Но ведь ты, правительница Ардаманта, бывшая женой Императора и освоившая магию Тьмы, неужели ты сама не можешь поймать эту маленькую негодяйку? Или твоя магия в этом бессильна?

Иера в бешенстве сбросила с себя его руки и закричала:

— Неужели ты и впрямь такой болван, что не в состоянии заметить очевидное? Кому из обычных смертных, даже владеющих магией и наделённых властью, хотя бы раз удалось поймать Архонта?! Тем более, моя власть распространяется пока что только на клочок этого острова вместе с этим городом и замком, а моя магия бессильна там, где так велика власть Высших Богов и вера в их покровительство?! Если бы в своё время моей магии хватило на то, чтобы справиться с дикарями, поклоняющимися Богине Небесного Ока, тебя бы вообще не было на свете, а так — с ними не справился даже Император Паллиэн! И вообще, почему десяти Архонтам Тьмы в своё время удалось покорить целый мир Энибии, а их потомкам — завоевать только один несчастный материк, который после этого к тому же был поглощён морской пучиной?!

«Потому что, — подумал про себя Моран, — Энибию завоёвывали десять бессмертных Архонтов, а не четверо их жалких отпрысков, которые не наделены подлинным бессмертием, уязвимы к оружию людей их магия слишком слаба для того, чтобы завоевать мир Элайи или хотя бы удержать один завоёванный участок этого мира. Вероятнее всего, в этом мире в своё время поселился кто-то из Архонтов Света и, возможно, не только Богиня Эас, и сам Дух этого мира находится с ними в тесном содружестве. И именно поэтому Зло не удерживается в этом мире, кроме проклятого острова Геспирон, который, если победят Силы Света, окажется на дне Срединного океана».

Казалось, Иера прочла всё это в напряжённом взгляде своего сына. В бессилии она топала ногами и металась по тронному залу, прогоняя прочь подбежавших к ней слуг и служанок. Наконец, Моран подхватил её и, волоча по залу, посадил на трон и вручил ей кубок с водой.

— Мы подумаем, кто бы мог тебе помочь, — сказал он, почти насильно вливая в неё прохладную воду, в которую успел тайком добавить успокоительного отвара сигинеллы.

Иера откинула его руку, отчего кубок упал и со звоном покотился по ступеням трона.

— Ты мне поможешь, Моран! — выпалила она. — Больше никому.

— Я?! — спросил опешивший принц, выпучив глаза.

— Да... ты! Я пока ещё не столь сильна, чтобы самой поймать Аулу Ора, и к тому же не могу надолго покидать Ардамант, иначе в моё отсутствие здесь воцарится бунт и хаос, половина горожан сбегут и освободят узников моих темниц. Вот чего я боюсь. Но у меня есть ты, Моран, человек с половиной крови Дракона...

— Кровь Дракона и кровь Императора — не одно и то же, — возразил Моран. — И магически я не сильнее тебя. И ты считаешь, что я могу поймать Архонта?!

— Да тебе не нужно ловить Архонта, дурачок! Это не под силу даже мне. Тебе предстоит поймать в свои сети и привести ко мне волшебника по имени Этт Мор, который скрывается под маской жреца и пока ещё учится в семинарии Ордена Звезды Мира. Он молод, красив и по уши влюблён в эту принцессу.

— Принцессу?! — внезапно оживился Моран.

— Я, кажется, сказала что-то лишнее... По уши влюблён в Аулу Ора. Точно так же она

влюблена в него, и если волшебник окажется у меня в плену, в этом замке, она обязательно придёт сюда — сама. И окажется в моих руках.

— А не тот ли это юноша, которого мы видели в лесу у берега реки Риехан, обернувшись воронами? — в свою очередь, спросил принц.

— Ты умничка, Моран! Именно он. Вот и приведи его ко мне как можно скорее!

— Как можно скорее... Если это тот, о ком я думаю, матушка, то вряд ли удастся привести его так скоро. Сдаётся мне, он не простой волшебник и даже никогда не учился у чародеев, а наделён некой силой с рождения, притом он самоучка и его сила — светлая...

— Хватит, хватит! Не хочешь ли ты мне сказать, что он — тоже Архонт Света в теле смертного человека?

— Я не могу полностью этого отрицать.

— Оставь свои страхи, Моран, хватит вести себя как девчонка! Не слишком ли много Архонтов Света на наши головы? Приведи мне этого парня, кем бы они ни был — и твоя миссия будет выполнена, мы оба получим награду!

— О какой награде ты говоришь, матушка? — вновь оживился принц.

— Неужели ты такой тупица, что не можешь догадаться? Мне нужна её сила... сила Эас, чтобы обрести бессмертие и мощь, чтобы покорить этот мир, а может быть, и соседние! Тогда я переживу оставшихся трёх Императоров и стану единственной Императрицей, Владычицей всех обитаемых миров Небесного Ока, дабы оно не погасло раньше этого времени! Я стану Архонтом! А если, как ты предполагаешь, им является Этт Мор, тогда ты можешь получить его силу, тогда мы будем править мирами вдвоём!

— Это очень смелый и далеко идущий замысел, — улыбнувшись, ответил её сын. — Но не думаешь ли ты, что нам с тобой удастся заставить дух Архонтов Света служить нам во имя Тьмы? Не кажется ли это полнейшим безумием?

— Безумие — это твой страх, Моран. — Глупый, бессмысленный, девчоночий страх, хоть ты и мужчина. Неужели ты не знаешь, что те десять Архонтов, предавшихся Тьме, изначально были Светлыми и несли в себе силы Добра? Открою тебе секрет: существует магия, способная обращать любой, даже такой свет в Тьму, и поэтому, пленив хотя бы одного из них и применив эту магию...

Устыдившись в очередной раз, принц отвернулся от беспощадно сверливших его глаз матери. После чего повернулся к ней снова.

— Так что я должен делать? — спросил он.

— Иди... и выполни моё поручение. Приведи ко мне волшебника и эту «богиню». Если не удастся привести обоих сразу, тогда приведи хотя одного из них. Проще всего это будет сделать с парнем, который пока ещё не осознал себя Архонтом, если он действительно им является. Но даже если не является, то будет отличной приманкой для настоящего Архонта. Она обязательно придёт, чтобы его освободить. Иди, Моран. Я буду ждать столько, насколько хватит моего духа.

С этими словами она сделала правой рукой жест, означающий, что сегодняшняя их разговор окончен. Моран низко поклонился матери и вышел из тронного зала в сопровождении двух вороноподобных слуг.

Что касалось Аулы Ора, то с того времени, как ей удалось победить во сне свой кошмар — преследовавшую её ведьму, имени которой она не знала и даже не пыталась узнать, в её настроении произошли некоторые перемены. Осознав и поняв, что Этт Мор, будучи далеко от неё своим телом, был, тем не менее, близок своей душой и духом, не покидал её и всё это

время, оказывается, учил некоему искусству управления собственными скрытыми силами. Он делал это, приходя в её сны или давая подсказки, когда она бодрствовала, но до сих пор она не знала, кто бы её тайным, но настойчивым и требовательным наставником. Внимая его советам, Аула пыталась управляться со скрытой в ней тайной сутью не только в своих снах, но и наяву, но только теперь это стало у неё получаться. Это приводило к тому, что она, «собираясь в кучу» и «собирая силу в кулак», постепенно училась управлять своими чувствами, мыслями, настроением и даже самочувствием, излечивая свои же мелкие недомогания, которые неизбежно возникали в жизни любого человеческого существа. Подруги и преподаватели стали отмечать, что она стала более спокойной, собранной и весёлой, но объяснили это по-разному: преподаватели — возвращением в привычное русло, к нормальной жизни после почти нескольких триад пребывания в лиерамской «преисподней», а подруги — тем, что она якобы послушалась их, забыла думать о своём «непутёвом жреце» и теперь готова к новой жизни и знакомствам с новыми перспективными кандидатами в мужья.

Иногда ей писали подруги из Лиерама. Последний раз письмо прислала Эйла Хан и сообщала в нём о том, что после отъезда Аулы жизнь в их пансионе стала ещё более серой, скучной и однообразной, чем была до её приезда. Всем девушкам вновь остригли косы и теперь распорядились стричь их в начале каждой триады. Ужесточились и другие правила и порядки. Не забыла она упомянуть и о том, что после того, как Аула была переведена обратно в Оттарийский пансион, её саму постигло гораздо более суровое наказание, чем она могла ожидать за свою проделку. Эйлу публично опозорили перед всем пансионом, а потом посадили в холодную северную башню и продержали там три дня и три ночи без пищи и воды. В итоге Эйла заболела жуткой простудой с надрывным кашлем, жаром и судорогами, и её пришлось как можно скорее отправить к госпоже Кристе. Та, ворча и причитая, принялась лечить её разными снадобьями, но болезнь усиливалась и грозила смертью. Тогда Криста обратилась к городским целителям, и те приказали ей ожидать в тот же вечер. Тот, кто к ней пришёл, не был похож ни одного из эскулапов местного Тетрагона. И она не могла определить, кто это был, ибо пришедший был одет в длинный зелёный плащ с надвинутым капюшоном и половину его лица закрывал повязанный вокруг нижней части головы кусок белой ткани, были видны только глаза. Незнакомец в плаще и с тряпкой на лице поприветствовал госпожу Кристу и двух её помощниц, затем повелительным жестом приказал всем четверым выйти из помещения, где находилась Эйла и ещё несколько захворавших учениц, и те покорно покинули лазарет. Ученицы заохали от удивления, а странный посетитель в зелёном велел всем успокоиться, сказал, что непременно вылечит всех по очереди и начал, разумеется, с Эйлы. Она не стала описывать, что именно делал с ними всеми этот человек и как он это делал, просто сообщила, что это было лучшее в мире лечение, после которого все они поправились ровно через три дня, но таинственный целитель так и не представился и даже не взял с них ни одной монеты.

Но самым удивительным было то, что после этого госпожа Криста попыталась привести этого загадочного целителя к госпоже Серрель, которая была не совсем здорова ещё с середины осени, а к весне её болезнь усилилась настолько, что она почти перестала покидать свой кабинет и почти всё время требовала к себе Кристу или её помощниц. Как только главная директриса увидела закутанного в плащ и скрывавшего лицо кареглазого незнакомца, она неожиданно попятилась, спряталась за заваленный свитками и письменными приборами стол и велела его прогнать. После чего она перестала допускать в

себе даже пансионных лекарок и открывать им дверь. Только один раз затем Криста открыла её дверь тайным ключом, который был предназначен для особых случаев, и обнаружила госпожу Серрель мёртвой. По тому, что смогли потом сказать приглашённые целители из Тетрагона, среди которых таинственного субъекта в зелёном плаще не было, Серрель Обриа умерла в ночь полнолуния Энталии, в первую весеннюю триаду, от сильнейшего внутреннего кровотечения неизвестной природы. Собственно, такую же неизвестную природу, по их словам, имела и сама её болезнь.

Прочтя это, Аула вздрогнула: именно в ту ночь ей приснился сон, в котором она, с помощью своего напарника и наставника Этта Мора, поразила огненным мечом жуткого демона в обличье колдуньи, закутанной в чёрный плащ с капюшоном, и освободилась от посягательств той на свою свободу и жизнь. И только теперь до неё стало доходить, что та женщина с большими ясными глазами и бледным лицом, что приходила во сне, пытаясь каждый раз её связать, ограничить и поработить, была смутно похожа на госпожу Серрель.

— О Великие Боги! — воскликнула она, убедившись вначале, что в комнате в этот вечерний час никого нет. — Кто бы мог подумать, что директор пансиона мог чинить мне такой вред и что я могла, сражаясь во сне, лишиться её жизни наяву? Нет, нет, это, скорее, совпадение. Досадное совпадение или я видела просто вещий сон.

Быстро скрутив письмо в свиток и спрятав его в ящик тумбочки, она переделалась к вечерней трапезе, припудрила лицо порошком мыльного камня и отправилась в нижнюю гостиную.

Глава пятнадцатая

Так проходили дни, декады, триады и годы мирной, безбедной и совсем неплохой, на взгляд большинства жителей Союзных Королевств и других государств, жизни. Пока поверженные геспиронские Императоры вместе с лишённой Императорского титула королевой Ардаманта напряжённо думали, как и где им снова собрать силы и поднатороть в магии, которая могла бы сломить мощь и дух множества элайских народов, последние восстанавливали свои силы гораздо быстрее. После урона, нанесённого не столь давней войной, в особенности в западных эллиорских Королевствах и на севере Тенгинского Дариата, что находился на материке Тенгин несколько восточнее Эллиоры, были заново отстроены многие города с селениями, здания и сооружения, возвращены прежние торжества и состязания в разных видах искусств. Было даже совершено немало научных открытий и создано немало изобретений. Люди, как было заметно, постепенно отходили от Великой Скорби, а их жизнь возвращалась в прежнее русло.

С тех пор, как невероятным, на взгляд обывателя, способом ушла из жизни Серрель Обриа, а принц Моран покинул Ардамант, чтобы выполнить заветное поручение единственно близкого ему человека — своей матери, прошло три года. За это время ни в Геспироне, ни в Аманте с другими Союзными Королевствами, ни в целом мире вообще не произошло никаких особых перемен. Новым было только то, что восемь Королей Непобедимого Союза и три Ашхана из Сакриды отправили своих лучших, особым образом обученных воинов в степи Юго-Запада Эллиоры для поимки разбойников, состоявших, главным образом, из жалких остатков разгромленных армий Паллиэна и Арихона. Тем, в свою очередь, удалось договориться с местными представителями племени паскатов и Драконами Алайды и Алмазных пещер, и всем вместе изловить треклятых грабителей. Их оказалось в горных и равнинных степях довольно много. Часть из них были повержены стрелами и клинками прямо на поле боя, а другие, те, что не согласились умирать в степях — доставлены в столичные города разных королевств и казнены публично. Все одиннадцать правителей были единодушны в том, что нельзя оставлять в живых тех, чьи сердца и души навеки отравлены ядом ненависти, алчности и бездушия. Часть разбойников досталась людям-кошкам, которые не убивали их, а вонзали усыпляющие стрелы, а потом отправляли свою добычу в некий параллельный мир, откуда им не было выхода, а дракониды забирали в свой плен и утаскивали в горы, где с помощью особых ритуалов и тонких душевных приёмов постепенно превращали их в мирных добытчиков соли и драгоценных камней. Этим счастливчикам, можно было смело сказать, повезло: после десяти-двенадцати лет пребывания в обществе крылатых горцев они целиком отучались от прежних своих привычек, мыслей и побуждений и их ценности коренным образом менялись. Они не были рабами и поэтому были вольны отправляться в людские города, осваивая новые ремёсла. Некоторые из бывших бандитов, убийц и вражеских воинов, пойманных драконидами ранее, жили в разных городах восьми Королевств и севера Сакриды, открыв свои лавки и став булочниками, стекольщиками, очажниками и прочими мастерами, и не испытывали даже малейшего желания вернуться к жизни, о которой вспоминали как о кошмарном сне, твердя, как глубоко они заблуждались и как ужасно жили, пока их не просветила Великая Богиня. Подобным влиянием на умы и души, кроме крылатых жителей гор, обладали также некоторые жрецы и маги из числа людей, однако ни правители, ни их воины не додумались

до того, чтобы отправить к ним пленённых мародёров.

Теперь, наверное, самое время перейти к описанию того, что произошло за эти три года в жизни наших героев. Что касается Этта Мора, то Высший Совет Ордена Звезды Мира называемый в среде амантийских жрецов попросту сиентатом, отказал ему в отчислении из семинарии, решив, что показанное мастеру Дерриусу «чудо», якобы для доказательства своей причастности к миру магии и колдовства, было не более чем эффектным трюком. Ловкость рук молодого семинариста, очевидно, сработала в момент, когда пожилой жрец зазевался, отвлёкся или провалился в транс, как часто бывает на представлениях иллюзионистов-гипнотизёров, и тот успел заменить хворающего пароктуса на сильного и здорового. Даже признания молодого человека в том, что он тайно занимается целительством, и свидетельства нескольких лиерамцев, намеренно явившихся для этой цели в Арохен, в главный и самый большой храм всего Королевства, не сумели убедить упрямых жрецов. И даже тот факт, что Этт Мор был безнадежно влюблён в девушку, которая к тому же никакого отношения к жреческому сословию не имела, был расценен как «временная страсть, которая непременно пройдёт или станет побуждающим стимулом для высшего духовного служения и творчества». Что же касается занятий целительством, то это искусство, по мнению жрецов, считалось делом благородным и подходящим для любого жреца, и что Этт большой умница, оттого что решил посвятить своё служение такому благороднейшему делу. В связи с этим ему даже официально выписали разрешение на посещение Тетрагона Целителей. Разумеется, как думал сам Этт, все эти отказы и закрывания глаз на очевидные и вопиющие факты был вызван ни чем иным, как стараниями директора семинарии, который жалел сироту и никоим образом не хотел, чтобы тот оказался выброшенным из привычного уютного мира на улицу без средств к существованию. А так как мастер Дерриус, как многие говорили, был определён важной персоной в жреческом мире, то его доводы были приняты к сведению даже верховным главой амантийского жречества — великим Мастером Ахиаррусом Денго, который состоял в числе ближайших советников Короля Сильфора.

В общем, как ни крути, Этт Мор остался студентом семинарии. Правда, всё ещё продолжая преследовать свою цель уйти из жреческой касты, он стал намеренно учиться хуже и прогуливать занятия, пропадая в это время то в библиотеке, то в своей комнате, то в Тетрагоне Целителей, куда был записал сразу же после успешного исцеления десяти тяжело заболевших девушек из пансиона и четырёх старушек-горожанок, у которых были смертельно опасные опухоли. Глава Тетрагона, ещё не старый лекарь по имени Архедус Триарт, устроил молодому целителю свой собственный экзамен на знание строения человеческого тела, разных недугов и различных способов их исцеления, и был весьма доволен его результатом. Когда же мастер Архедус спросил, где и когда молодой семинарист учился искусству исцеления, то был немало удивлён, узнав, что Этт Мор был самоучкой и узнал всё из книг вроде «Магии медицины» Аффариса Лигендианского, а ещё раньше некоторые вещи ему рассказывал старый жрец по имени Ассирус Мохад. Сам мастер Архедус, ранее только мельком слышавший о существовании такого автора и такой книги и слишком далёкий от магии для того, чтобы воспринимать её всерьёз, потребовал от своего нового ученика подробных объяснений и опытов, причём в качестве «подопытного пароктуса» предложил самого себя. После нескольких весьма убедительных опытов и случаев удачного исцеления нескольких лиерамцев, которые приходили в Тетрагон, потрясённый эскулап принял парня к себе в ученики и стал учить ещё и обыкновенному

лекарскому искусству, в то время как тот успевал объяснять ему главные принципы не обычного целительства, а магического.

Новое увлечение Этта Мора привело к тому, что он съехал по многим предметам, изучаемым в семинарии, в особенности по тем, которые касались непосредственно искусства духовного служения и храмовой культуры. Маститые преподаватели разных дисциплин, прежде довольные успехами молодого кандидата в члены Высшего Совета Ордена, теперь были, мягко говоря, разочарованы. Когда, к примеру, на шестом курсе во время зимней экзаменации Этт Мор не смог сказать ничего внятного по вопросу, что писал о природной склонности человека к духовному просветлению некий «отец» Ордена Звезды Мира по имени Эхриодон Дарвиантский, некогда живший на северо-западе Сакридского Ашханата и прививший религию восьми Королевств в нескольких местных городах и селениях, Этт Мор с виноватой улыбкой ответил:

— Прошу прощения, мастер Френ, я не могу ответить на этот вопрос.

Френ Тордо, невысокий преподаватель с почётной степенью профессора, в маленькой чёрной шапочке, прикрывающей преждевременно образовавшуюся лысину, и с маленькими, блестящими, как у зельдюка, глазками, покраснел от гнева и, вскочив из-за преподавательской тумбы, швырнул на стол увеличительный кристалл, через который до этого смотрел в книгу. Остальные четырнадцать студентов конкора с сочувствием поглядели на экзаменуемого, но промолчали.

— Это просто немыслимо... немыслимо! Вы подставляете сами себя под удар. Что вы делали, вместо того чтобы готовиться к экзаменации?

— Я готовился, мастер Френ, — ответил тот. — Но, к сожалению, не могу ответить на этот вопрос. Дайте мне другой.

— О другом думать уже поздно. Вы совсем испортились, Этт Мор. Идите к себе и готовьтесь, у вас есть ещё два шанса сдать этот экзамен.

Однако Этт не сдал этот экзамен ни в следующий раз, ни в третий. Точнее, он вообще не стал его сдавать, а вместо этого оба раза пропадал в Тетрагоне Целителей, а в свободное время занимался дальнейшим самостоятельным изучением старого как мир магического искусства.

Когда же прошёл последний, седьмой год обучения в семинарии и пришло время завершающей экзаменации, оказалось, что у бывшего отличника за три года накопилось столько «хвостов», что к этой экзаменации он оказался не допущен. Это привело в удручённое состояние всех преподавателей, директоров (в особенности мастера Дерриуса) и многих студентов, которые мечтали увидеть и запечатлеть в своей памяти торжественное награждение Этта Мора регалиями будущего высокого звания и положения в столичном обществе жрецов Аманты. Но только не самого Этта, который, втайне от всех, торжествовал.

— Увы, мой мальчик, вы разочаровали нас всех, — сокрушённо выговаривал ему мастер Дерриус, вызвав к себе в кабинет после состоявшейся экзаменации, на которой тот просто присутствовал, а не участвовал. В вашем конкоре достойными звания почётных монахов Высшего Совета были только двое — вы и ваш друг Лаэртис Рам. В итоге ваш друг получит регалии и станет почётным молодым членом сиентата, а вы не получите даже простого фиклета, свидетельствующего об окончании семинарии. Теперь я могу, с позволения Высшего Совета, выписать вам только свидетельство о незавершённом семинарском образовании без права повторного его получения или продолжения. Отныне, если хотите, вы можете быть обычным служителем храма или добраться до звания главного жреца, обучаясь

персонально у какого-нибудь благодетеля вроде брата Ассируса, если тот ещё согласится переучивать колдуна.

— Я уже говорил, — спокойно ответил Этт, дождавшись конца этой тирады, — что не намерен становиться монахом и тем более входить в состав сиентата. А если бы я получил фиклет, имел бы я право заниматься тем, чего желает моя душа, и быть с той, что дорога мне, как сама моя жизнь, и даже более?

— Если бы вы получили фиклет, как большая часть наших выпускников, вы могли бы стать учёным жрецом, духовным целителем, наставником, правой рукой судьи или главой храма. Кафилет — это сан, который вы не можете потерять, отдать или продать, потому что он был бы записан в архиве Высшего Совета, и за нарушение предписаний жречества, таких как связь с женщиной или магия, — на последнем слове жрец немного повысил голос, — вы были бы лишены жалованья от Совета и отправлены в какие-нибудь места вроде Гинвандии, просвещать местных язычников. А если бы и там вы продолжили заниматься магией или стали бы спариваться с местными женщинами, или увезли бы туда свою королеву сердца и женились на ней, вам грозило бы заключение в тюрьму или ссылка на остров Геспирон, где много таких как вы.

— Я осведомлён обо всём этом, господин Дерриус, — ответил Этт Мор. — И именно поэтому я не только перестал быть отличником, но и, как видите, стал заваливать экзаменации. И не потому, что я не перестал соображать, как считают все, кроме Лаэртиса, а потому что решил изменить свой жизненный путь, но вы мне этого не позволяли. Вы отказали мне в отчислении, когда я честно признался в колдовстве, земной страсти к женщине и нарушениях устава, и продолжали упорно делать из меня учёного жреца. Тогда я пошёл на хитрость — и вот, как видите... и всё это время я ходил и продолжаю ходить в Тетрагон Целителей, обучаясь у мастера медицины Архедуса Триарта.

Пока он это говорил, в кабинете мастера Дерриуса появились ещё двое младших директоров. Поэтому, когда он закончил, перед ним стояли все трое, недоумённо вперив взгляды в злосчастного выпускника. Мастер Дерриус внезапно начал нервничать, мгновенно теряя всю свою важность и от этого напряжения у него затряслась нижняя челюсть.

— Вы видите... мастер Гриерус и мастер Энто... что говорит нам этот молодой эйдо? Вы слышали, что он сейчас говорил?

— Видим, — довольно бесстрастно отозвался мастер Гриерус.

— И слышим, — таким же тоном вторил ему мастер Энто.

— А-а... а хоть понимаете?... — после чего он снова повернулся к стоявшему около входной двери Этту Морю. — А вы, молодой человек, понимаете, что творите? Вы... вы...

Он долго и напряжённо думал, как лучше было бы теперь назвать одного из своих бывших лучших учеников — подлецом, болотным гадом, тупым зельдюком или отродьем Тьмы, но слова эти застревали у него в мозгу, а язык словно прирос к небу. Он перестал что-либо видеть вокруг, кроме пронзительного, жгучего, проникающего в самое нутро души взгляда молодого мага, целителя и кого угодно, но только не жреца Владыки Мира и Его Божественной Семьи, и это было видно в самом этом «демоническом» взгляде. Его охватило ощущение некоего парения над землёй, как будто все его огорчения остались позади, а впереди ждало только некое знамение, чтобы сказать «Отпускаю тебя с миром, будь счастлив и благословлён Богами, брат Этт!» Но что-то в душе мастера Дерриуса упорно продолжало бороться против такого решения. Когда же взгляд Этта отпустил его и он вернулся к привычной действительности, то не смог сказать больше ни слова.

— Это самый удивительный из всех студентов, которых я когда-либо видел, — скрипучим голосом произнёс мастер Энто. — Думаю, он далеко пойдёт, даже если навсегда покинет жречество.

— Я бы сказал, он странный, — сказал мастер Гриерус. — И всегда был таким. Ни разу не видел юношу, который бы так упорно не хотел стать выпускником нашей семинарии.

— Я думаю, он и с этим животным свидетельством далеко пойдёт тем более, оно ему больше не пригодится. Мастер Дерриус, отдайте ему это свидетельство и те, где записано его имя и статус, и пусть идёт с благословением в мир магов, целителей и влюблённых рыцарей.

От этих обращённых к нему слов главный директор встрепенулся и обратился к ним обоим:

— Довольно пустой болтовни! Как скажете... пусть идёт куда хочет, я не желаю больше видеть это отродье Тьмы в стенах этого здания! То, что он сейчас со мной сотворил, точно было какое-то колдовство! Оборони меня Боги от этого демона, пусть катится отсюда хоть в преисподнюю!

Продолжая ворчать, он достал из декера небольшую плоскую табличку из бело-жёлтого дерева, на которой было выгравировано имя выпускника и запись о том, что является выпускником Лиерамской жреческой семинарии, не закончившим образование по таким причинам, как намеренный отказ от сдачи экзаменов, увлечения магическими искусствами, нарушения устава семинарии и связи с женщиной. Получив этот позорный документ и вслед за ним — его личное свидетельство в виде маленького свитка из плотной немнущейся и нервущейся бумаги и прилагавшееся к нему свидетельство о сиротстве, Этт Мор благодарно поклонился всем трем руководителям сего учебного заведения и вышел вон.

Всё это, казалось бы, не имело никакого отношения к жизни Аулы Ора, которая текла своим чередом. К концу пятого года обучения в оттарийском пансионе для будущих жён и хозяек, она, по словам своих подруг, других девушек и многих преподавателей, превратилась в самую настоящую красавицу. От прежней отроческой худобы, бледности, резкости и неловкости движений, что были заметны в первые годы студенчества, в ней не осталось и следа. Изменился также во многом и её характер: вместо прежней взбалмошной девчонки, непоседы и егозы, которая могла прилюдно скакать по ступенькам или громко кричать, выражая своё настроение непосредственно, как ребёнок, все видели в ней теперь повзрослевшую, посерьёзневшую и грациозную молодую эйди с утончёнными манерами, плавностью движений, завораживающим взглядом нежно-голубых глаз и мелодичным голосом, приятным, как звон серебряного колокольчика. Теперь самым главным качеством её наружности и натуры стала постепенно расцветающая женственность — та самая, что притягивала множество восхищённых мужских взглядов и желания многих городских кавалеров поскорее с нею познакомиться. Конечно, никто из её окружения и родных не догадывался, что дело было не только в естественном взрослении и пансионском воспитании — Аула много времени и сил положила на то, чтобы в какой-то мере научиться управляться со своей внутренней природой и направить часть своей скрытой силы на то, чтобы научиться владеть собой, победить множество своих сомнений и страхов и даже немного усовершенствовать свой внешний вид. «Если я и впрямь богиня, — думала она, — то пусть я буду выглядеть как богиня и вести себя как богиня, но пусть все остальные не думают, что я пытаюсь им угодить».

Что касалось учёбы, то и здесь Аула Ора решила быть богиней. Казалось, все силы семи

стихий и все незримые духовные силы, что были в ней самой, вокруг неё и во всей вселенной, помогали ей на этом нелёгком, но увлекательном и очень интересном поприще. За три с небольшим года она стала лучшей ученицей пансиона в Оттари и завоевала несколько золотых табличек, соревнуясь с девятью другими пансионатами. В результате к концу её пятого года обучения оттарийский пансион занял в этом соревновании, который проводился каждый год, почётное второе место (на первом оказалась лучшая ученица Арохенского пансиона Гиэра Фелиус, но осознавала ли та в себе дух какой-нибудь богини, было никому не известно).

Единственное, что было и оставалось у Аулы в совершеннейшем провале — её многочисленные знакомства с кавалерами, которых девушки и опытные преподавательницы по части тонкостей отношений между мужчинами и женщинами то и дело приглашали на вечера, которые бывали организованы специально с такими целями. Здесь бывали не только местные представители мужского пола, но и заезжие, и даже чужестранцы. Однако ни одному из них за всё время так и не удалось вызвать в ней хоть какой-нибудь серьёзный интерес. Самое большее, на что хватало Аулы — завести с очередным своим поклонником непринуждённую, дружескую беседу, а потом, ничего не обещая и не подавая никаких надежд, покинуть его и присоединиться к привычному женскому обществу, делясь своими впечатлениями о нём как о неинтересном и посредственном человеке. Или вовсе, сославшись на вечернюю усталость, объедение или головную боль, покинуть нижнюю гостиную и запереться в спальне для девушек, которую делила с Геллой, Лорией и Эйрой.

— За три года так ничего и не сдвинулось с места, — сокрушённо вздохнула Гелла, после отшивания Аулой очередного «скучного, несимпатичного и неинтересного» поклонника. — Ну скажи мне, действительно ли этот Ридвен такой скучный и непривлекательный тип? Честное слово, я в него почти влюбилась, но он смотрел только на тебя, и потом, я уже пообещала себя Эресту О'Ханеллару.

— Ридвен? О нет, он обаятельный и интересный собеседник, умный, много знает и умеет себя подать, но...

— Что — но? — перебила Гелла.

— Как-то он меня не зацепил... прости, Гелла, но я не могу что-то обещать тому, кто не смог увлечь меня так же, как в своё время...

— Тссссс, не надо об этом...

Она потихоньку вывела Аулу из шумного, многолюдного зала в полутёмный арочный коридор, который вёл в библиотеку, но там также была ещё боковая дверь, ведущая в довольно просторное помещение, где девушки «наводили красоту» перед вечерами и праздниками. Она оказалась открытой, и Гелла с Аулой вбежали туда, окунувшись в атмосферу девичьего «творческого хаоса» и изысканных тенгинских ароматов. Там уже поджидала их Лория Этон, сидя в роскошном бело-розовом платье на длинном широком пуфе, заваленном будничными платьями и разным имуществом пансионаток.

— Прости нас, Аула, но мы всё-таки решили тебе что-то сказать, чтобы другие нас не слышали, — начала Гелла. — Только ответь на один вопрос, не впадая в обиды и прочее — ты всё ещё думаешь о том несчастном семинаристе из Лиерама?

Аула нахмурилась, но затем выдавила из себя улыбку.

— Иногда. Первое увлечение забыть не так просто, особенно если оно было таким сильным... но время залечивает раны, по крайней мере, теперь я не страдаю и страсти утихли.

Чём все они были единогласны — так это в том, что, если увлечение или страсть не поддерживать и ничем не подогревать, то со временем она затухает и её место занимают более насущные мысли, чувства и заботы. Тем более, Этт за всё время ни разу не отправлял ей посланий и даже во сне появлялся теперь гораздо реже, чем раньше. Выходит, его страсть тоже прошла, он одумался и решил-таки пойти своим прежним путём, а значит, перестал её беспокоить своими мыслями и чувствами, которые она ощущала почти так же остро, как и слова, сказанные вслух, написанные на бумаге или переданные через маленьких летучих вестников.

— Так это же прекрасно! — улыбнувшись, ответила Лория. — Со временем всё проходит и оставляет лишь воспоминания. Теперь можно начать новую жизнь. Ты уже знаешь, что бал, посвящённый окончанию этого года, будет проходить не здесь, а в Арохене?

— В Аро... что? — сделав недоумённый вид, спросила Аула.

— Ну ты же знаешь... — ответила Гелла, ласково приобняв её, — в этом году ты на втором месте среди лучших учениц десяти пансионеров госпожи Наофин, и поэтому наш пансион тоже оказался на втором месте после Арохенского, а на третьем находится учебный корпус в Сильфироне. Так что твои почётные таблички нам очень на руку — скоро мы отправимся в Арохен всем конкором.

— А почему не всем курсом? — почти обидевшись, спросила Аула.

— Потому что так заведено уставом — в столицу отправляется конкор, в котором учится победитель. А так как в этом году ты одна победила всех, кроме Гиэры Фелиус, то наш конкор отправляется в гости в Гиэре вместе с конкором из Сильфирона. Остальные отметят праздник на своих местах.

— Глупые правила! — возразила Аула. — Никогда не любила правил, которые идут вразрез с нашими желаниями и порывами души.

— Это традиция, а не правило, — объяснила Гелла. — И она существует с самого первого дня основания десяти пансионеров. Традиции нужно чтить и уважать.

— Да... конечно.

Аула промолчала насчёт того, что существует также традиция обета безбрачия среди жрецов и ещё уйма всяких глупых, на её взгляд, традиций и обычаев, которые бы она, став законной правительницей Аманты, с лёгкостью бы изменила. А так, пока их никто до сих пор не менял, приходится с ними мириться, чтить и уважать.

— Ну вот и хорошо, — вновь похвалила её Лория, вставая с пуфа. — Церемония награждения и бал состоятся через десять дней, а значит, нам всем нужно потихоньку готовиться к поездке в Арохен. Ты была там хотя бы раз, Аула?

— Нет. Но видела на рисунках и слышала о том, что это огромный и очень красивый город.

— Ну вот видишь. Заодно полюбишься нашей столицей. В Арохене живут мои родственники, поэтому я бываю там дважды в год — в середине зимы и летом. А когда я стану женой Тодена Ривуса, то поселюсь там окончательно. Поверь, Аула, это не только очень красивый город, там есть много такого, о чём ты ещё не знаешь, даже есть пристанище звёздных кораблей недалеко от города.

— Я читала, что в мире Элайи пока ещё не строят звёздные корабли, — стараясь скрыть немалое удивление, ответила Аула. — Наш мир пока что дикий.

— Да, я согласна. Но в нашем Королевстве и в других, а также в Тенгине есть площадки, на которые иногда высаживаются корабли из соседних с нами миров и порой даже с очень

далёких звёзд. И ещё я знаю, что некоторые из элайцев служат в звёздном флоте, корабли для которого строят в других мирах, не столь диких, как этот.

В глазах Аулы мелькнул неподдельный интерес, и она оживилась.

— Что-то я об этом слышала, — сказала она. — Но не хочешь ли ты сказать, Лория, что пойдёшь показывать нам звёздные корабли?

— Если нам повезёт, мы сможем увидеть их над Арохеном, — ответила Лория таким тоном, будто речь шла об обычных воздушных кораблях или речных трайлах, которые можно было увидеть в большом количестве не только в Арохене, но и в Оттари и даже в таком захолустье, как Лиерам.

— Ты говоришь так, как будто видишь их каждый раз, — не унималась Аула.

— Да, ты права, я часто их там вижу и даже несколько раз видела над небом Оттари. Да, да, для тех, кто любит смотреть в ночное небо, это не так удивительно, как встретить человека по имени Вероис Сенам. А уж для того, кто не любитель таких созерцаний...

— Но я люблю с детства созерцать ночное небо! — резко возразила Аула. — Но видеть там какие-то корабли... кажется, я что-то видела тоже, но думала, что это так ночью выглядят наши летающие мешки со звёздным газом. Хотя иногда мне казалось... А кто такой Вероис Сенам?

Лория улыбнулась и обняла её.

— Ты только не сердись. Он до недавнего времени служил капитаном на таких кораблях и был в числе Стражей Миров. Он был уже здесь однажды.

Аула высвободилась и, округлив глаза, опустила на пуф.

— Надо же... уж не тот ли обольстительного вида субъект с золотыми волосами и в голубом шэфроне со звёздами, которого вы пригласили на праздник встречи весны два года назад?

Она в мгновение ока вспомнила, как это было. Устроив, как всегда, пышное празднество в последний зимний день, которое отмечали, как правило, на улице, а в данном случае — на городской площади перед воротами пансиона, девушки, по обыкновению, пригласили студентов из разных учебных заведений и просто образованных горожан, с которыми можно было бы от души повеселиться. На том празднике, собственно, Гелла и Эйра нашли себе достойных женихов, а Ауле представили молодого капитана, прибывшего, по их особому приглашению, из Арохена. Ему было на вид около тридцати с небольшим лет. Он был красив: волнистые светло-золотистые волосы, аккуратно зачёсанные назад, лучистые серо-голубые глаза с каким-то нездешним разрезом, смотревшие на всё спокойно и благожелательно, красивый рот и утончённые, благородные черты в целом, свойственные, по мнению Аулы, лишь особам из королевских династий. Голос его приятным, говорил он размеренно и спокойно, немного коверкая амантийское наречие, и тогда Аула поняла, что он чужестранец. Но кем он был и откуда приехал, перебравшись в Арохен, она так и не успела выяснить. В целом, ему почти удалось очаровать Аулу, станцевав с ней несколько партий под незабываемые фианеты знаменитого классика Вильгальбиуса Манвинтарского. Однако в самом конце их встречи, не успев ни о чём договориться с капитаном и даже не спросив его имени, Аула «внезапно вспомнила» о том, что забыла покормить киноз, охранявших вход в кладовые замка. На самом деле это был, конечно, удачный способ отвертеться от дальнейшего развития событий — четвероногие сторожа были давно уже накормлены двуногими, а Аула скрылась в замке, успевая от волнения таскать с праздничного стола всё, что попадалось ей под руку. Она бы могла, конечно, взять часть

лакомств с собой, чтобы угостить капитана и своих подруг, однако вместо этого она предпочла остаться в нижней гостиной и наблюдать из окна. Когда же опасность миновала (новый ухажёр отправился гулять по городу в сопровождении двоих молодых студентов местной Боевой Академии, она вернулась в общество своих подруг и преподавательниц, которые с сожалением отметили, что капитан самовольно ушёл с праздника.

Истинной причиной этого происшествия было то, что в самый разгар общения, когда Аула ожидала услышать от своего нового знакомого что-то важное, о чём он хотел сказать, её разум на несколько мгновений словно помутился и она увидела себя не посреди многолюдной площади, а на поляне посреди леса в окрестностях Лиерама, и вместо золотоволосого капитана перед её взглядом был Этт Мор. Он звал её, протягивая к ней руки и умоляя вернуться, порывался её обнять... Наваждение исчезло, как только Аула скрылась в замке, однако её сердце продолжало бешено колотиться, кровь стучала в висках, а дыхание перехватывало, и вовсе не от того, что её плеч и талии коснулись руки незнакомого ей гостя из столицы...

— Ты о чём-то задумалась? — голос Лории внезапно вывел её из тумана воспоминаний.

— Да так... ничего особенного.

— Но ты волнуешься. Ничего, если нам повезёт, мы встретим капитана Вероиса ещё раз. Тогда нам показалось, что он тебе понравился, но ты так нелепо сбежала в замок, а потом его позвали бойцы из Академии.

— Да, вы правы, это было глупо. Если мы встретимся ещё раз, не будет ли снова того...

— Чего? — спросила вместо Лории Гелла. — Того, что ты опять забыла накормить кинов или, может быть, ручных птиц главного директора Арохенского пансиона?

— Нет, и не задавайте слишком много вопросов. Пойдёмте лучше в зал, нас там уже заждались, а я начинаю волноваться из-за предстоящего публичного награждения.

Глава шестнадцатая

Тот, кто ни разу в своей жизни не побывал в городе под названием Арохен, никогда не сможет хотя бы приблизительно представить себе красоту, величие и необычность столицы обширного Амантийского государства. Конечно, по своим размерам этот город уступал, скажем, Рангиону, что растянулся длинной полосой вдоль побережья Северо-Западного моря, местами заходя вглубь материка вверх по течению рек Ранхен и Этеон, или древней столице Королевства Вергинта — Манвинтару, известному шириной своих проспектов, величиной и монументальностью своих гранитных зданий и сооружений вроде Главной Цитадели, с самых высоких башен которых зоркие стражи смогли разглядеть приближение вражеских войск на расстоянии четырёх десятков полётов стрелы, пущенной из стреломёта. Жилые здания здесь также были большими, каменными, деревянными или кирпичными, похожими на старинные замки и разбитыми на множество частей разного размера, в зависимости от благосостояния населявших их горожан. Самые состоятельные манвинтарцы, однако, жили в отдельных домах, которые также напоминали замки, но располагались в срединной части города, были поменьше и богаче отделаны. Главные дороги, которых было шесть, расходились от главной площади вокруг огромного здания королевского дворца с огромным тройным куполом из нескольких слоёв цветного неразбиваемого стекла и прилегавшего к нему здания градоуправления, в виде лучей, которые вели к окраинам, соединяясь между собой во многих местах короткими и более узкими перемычками, некоторые из которых были мостами через реки. Так было в мирное время, когда цитадели «спали», а во время вражеских нашествий город менялся: на главных башнях трёх крепостей зажигались негаснущие вертящиеся маяки, а из-под земли вокруг города «вырастала» высокая стена из серовато-белого стеклобазальта, с шестью воротами и бойницами, с которой королевские воины разили пламенем и стрелами подступавших к городу врагов. В Арохене же, вобравшем в себя многое от этого западного города, главные дороги располагались не в виде лучей звезды, а по спирали, и их было три. Величественные здания, выстроенные многие сотни лет тому назад (самому Арохену в конце третьего эпихрона было около двух тысяч трёхсот лет, и самыми древними, здесь, конечно, были граничные крепости и замок Градоуправления, который некогда был дворцом правителей, пока те не переселились в новый, выстроенный четыреста лет тому назад) чередовались и удивительным образом гармонировали с более лёгкими и изысканными постройками в виде небольших замков с тонкими шпилями или башенками в каландиенском или верихонтском стилях, круглыми деревянными или стеклокаменными домиками-бархо, в которых чаще всего располагались торговые лавочки, трапезные или питейные заведения. Также здесь были большие здания в виде бархо, в которых проводились увеселительные или состязательные мероприятия. Учебные заведения, академии, библиотеки, выставочные здания, хранилища и т. п., а также казармы и темницы располагались в больших каменных зданиях, которые сильно отличались своим видом от этих строений. Храмы имели, как и везде, пирамидальную или шестиугольную форму, с величественными куполами наверху, заканчивающимися длинными шпилями. Одной из местных достопримечательностей можно было считать обширную торговую площадь, которая протягивалась по мощёной камнем набережной реки Рохены. Другой — причал речных судов ниже по течению той же реки. Третьей — причал воздушных кораблей с громадным подземным ангаром. Четвёртой — огромное здание Академии

Звездочётов из стекла, металла и камня и загадочные круглые площадки за северными пределами города, которые некоторые считали пристанями для гостей из соседних, менее диких миров. Пятой — дворец Короля, похожий на меноварский, но отличающийся от последнего тем, что купол был не выпуклым, а вогнутым, и на самом верху располагалась круглая наблюдательная площадка, которая медленно вращалась и куда можно было подняться изнутри по винтовой лестнице. Шестой — величественный Тетрагон Целителей в срединной части города, с юго-западной стороны. Седьмой — громадные, во много раз выше человеческого роста статуи прежних правителей и основателей королевства и этого города. Восьмой...

Короче говоря, куда не кинь взгляд, почти каждый уголок, дом или скульптуру в Арохене можно было считать достопримечательностью, если не достоянием всего Королевства. Поэтому прибывшие сюда в начале весенне-летнего межсезонья пятнадцать воспитанниц пансиона из провинциального Оттари, за исключением Лории Этон, не переставали удивлённо и с интересом глазеть по сторонам, не спеша пролетая по воздуху над городом.

— Интересно, сколько нам понадобится времени, чтобы добраться пешком до пансиона? — не без робости в голосе спросила Аула. — Город такой огромный...

— Мы не будем добираться пешком, — сказала мастер Лиэрта Верон, которая была преподавателем домоведения и куратором их конкора. — Ещё немного — и нас высадят всего в двух лингах от королевского дворца, с северо-восточной стороны.

«В двух лингах от дворца» означало срединную часть города, в которой, по обыкновению, селились состоятельные горожане, находились базары и увеселительные заведения. Поэтому расположение там здания пансиона для девушек казалось немного странным.

— Интересно... Наш пансион расположен в центре, а не в срединной части.

— Ни один город в мире не похож на другие, и каждый — целое произведение искусства, — с лёгкой улыбкой ответила госпожа Наттиэль, которая стояла немного поодаль и теперь подошла поближе, опираясь на деревянные поручни. — Арохен выглядит немного нелепым, здесь можно увидеть смешение разных архитектурных стилей и старые здания рядом с новыми, но ведь это древний город, который заселялся не сразу, а постепенно. Это вы должны были узнать, изучая нашу историю.

Она, по обыкновению, говорила несколько медленно, с привычной томностью и лёгким эльтанским акцентом, однако речь её была выслушана до конца. И даже последняя фраза, которая часто немного раздражала учениц, в этот раз была воспринята ими более спокойно и естественно.

Большой воздушный корабль с длинным баллоном, выкрашенным в серебристо-голубоватый цвет, стал медленно снижаться и, наконец, опустился на ровную приподнятую площадку слева от довольно просторной площади, вымощенной нежно-лиловой и фиолетовой плиткой. Узор из этих плиток напоминал большой цветок с шестью лепестками, один из которых указывал прямо на большие ворота, ведущие во двор большого замка, выстроенного в старом дангианском стиле с примесью других, более поздних архитектурных элементов. Противоположный лепесток указывал на большой ступенчатый подъём, который вёл к храму и ярмарочным рядам, а с правой стороны располагался арочный свод, за которым располагались мрачноватое старинное здание гостиного дома и большой городской парк. Площадка же, на которую пришвартовался воздушный перевозчик, находилась слева,

невдалеке от прохождения второй спиральной дороги, по которой то и дело проезжали гружёные телеги, лёгкие каталаки и длинные кортежи, запряжённые помесью двалифов с монхорами или меронгами, а то и вовсе без животных — сила для движения такого транспорта была заключена внутри него самого и двигались такие повозки гораздо быстрее.

Когда прибывшие из Оттари гости стали спускаться по большим каменным ступеням, минуя величественный монумент — мраморную статую Наофин Этрам, Основательницы десяти пансионатов для будущих жён в десяти амантийских городах, взгляд Аулы задержался на большом кортеже. Впереди ехала богато убранная коляска, запряжённая белоснежными крылатыми стерками с длинными, почти до земли, серебряными гривами, завитыми в локоны и собранными в пучки, а вокруг на резвых меронгах скакали всадники в золочёных с зелёными накидками мундирах. Коляска была наполовину открытой, и Аула успела заметить тех, кто в ней сидел: величественного сребровласого, но ещё не старого монарха, его не менее величавую супругу и красавицу-дочь, похожую внешне и на отца, и на мать.

— Всего лишь выходная прогулка короля и его семейства, — пояснила Лория. — Я слышала, что Его Величество намерен отдать замуж свою младшую дочь, но пока думает, какой из принцев пришёлся бы ей по душе — говорят, принцесса довольно капризна.

— Прямо как я? — с усмешкой спросила Аула.

— Ну... наверное. Недаром у нас есть выражение — «быть капризной как принцесса».

— Я не принцесса, но могу сказать, отчего я капризна, — продолжала Аула. — Я не могу быть рядом с кем-то и дарить ему себя, если не люблю его всем сердцем и душой и он кажется для меня совсем чужим. Может, и эта принцесса ещё не нашла себе того единственного, кто был бы ей по сердцу, или нашла, но он никакой не принц и тогда ей трудно будет доказать отцу с матерью, что...

— Довольно, довольно. Я слышала, что к ней посватался уже какой-то принц, утверждающий, что является племянником дария Эль-Оссина, однако ему не очень верят, потому что он мало похож на тенгинца и вообще плохо говорит на их языке. Интересно, что за самозванец...

— Самозванцев много, и разбираться с ними положено правителям, а не нам.

— Но Аула... мы с ними не разбираемся, а просто о них говорим, и если наши правители ещё не распознали самозванца или не распознают в скором времени, тогда нам всем грозит страшная беда.

— Я думаю... — Аула обернулась, чтобы убедиться, что королевский кортеж действительно полностью исчез за поворотом, — если они ещё не поняли, то в скором времени это поймут. Однако мы немного отстали.

Спохватившись, они догнали конкор, который уже входил в раскрытые ворота и главную дверь пансионата.

Церемония торжественного награждения лучших учениц десяти пансионатов только-только начиналась, Аула успела прилететь в самый раз. Торжество проходило в верхней гостиной, которая, как и во всех зданиях пансионатов, находилась над нижней, в которой ещё не были накрыты столы и шли приготовления к праздничному вечеру. За узким и длинным полукруглым столом, покрытым ярко-зелёной скатертью, восседала почтенная комиссия из здешних преподавателей и директоров. Аула заметила, что преподавателем танцев здесь был молодой щеголеватый мужчина, тогда как в Оттари и Лиераме ими были молодые грациозные женщины, почти девушки. Преподавателем истории был также уже немолодой мужчина, а астрономии и астрологии — женщина. Но это были мелочи, которые не стоили

особо внимания. Гораздо больше его стоила главная директриса Арохенского пансиона, которая также являлась главой директорского Совета и высшей комиссии — госпожа Сетта Райх. Единственная из комиссии и из всех, кого Аула и большинство её подруг когда-либо видели в пансионатах, она была представительницей крылатого народа.

— Я всегда думала, что госпожа Сетта — такая же, как мы, — шепнула Аула своим подругам, указывая им на директрису в нарядном ярко-синем одеянии, с внушительными драконьими крыльями за спиной.

Гелла и Эйра, ни разу вживую не видевшие драконид, были удивлены ещё больше, однако Лория посмотрела на них едва ли не презрительно.

— Если вы хотите знать, — сказала она всем трём, — на дверях пансионатов и в уставах не написано, что здесь положено учиться только таким как мы. Сетта Райх — первая из племени драконид, кто сумел приспособиться жить в мире людей и даже получить образование в пансионе и стать директором. Ей почти восемьсот лет, а директором этого пансионата она стала, когда ей было около трёхсот.

— Ого! — воскликнула Гелла. — Пятьсот лет быть на посту директора? Это точно многого стоит.

— Тише вы! — предупредительно шикнула на них одна из других девушек их конкора, Миления Ардус.

В ту же минуту прозвенел колокольчик в руках госпожи Сетты, и зал затих. Глубоким, бархатистым голосом, в котором слышались нездешние нотки, она произнесла торжественную речь, которую поддержали все, в том числе пристроившиеся к Комиссии две директрисы из пансионатов Оттари и Сильфирона. Первая на круглый ковёр награждения, постеленный посреди зала, вышла стройная белокурая девушка с пышной грудью и очень светлыми, почти прозрачными глазами, роскошно одетая во всё золотисто-перламутровое — Гиэра Фелиус. Пока её чествовали и награждали регалиями — золотым значком победителя умственного труда, мраморной статуэткой великой Наофин Этрам и золочёной грамотой, а зал аплодировал, Аула вспотела от волнения и ёрзала в кресле, не зная, куда себя девать.

«Следующей вызовут меня, — вертелось у неё голове и в биении её пульса, заполняя собой весь мир. — Следующей вызовут меня и будут награждать так же, как Гиэру...»

Куратор конкора, оказавшаяся рядом, заметила это беспокойство и сочувственно положила на её плечо свою тёплую руку.

— Не волнуйся, моя девочка, — сказала она почти материнским тоном. — Держи себя достойно, такое в нашей жизни бывает нечасто.

Наконец, вызвали Аулу Ора. Смотря только вперёд и ничего не замечая вокруг, кроме трёх величавых фигур арохенских директрис и того, что было у них в руках, едва сдерживая порывистое дыхание, она вышла на ковёр. Она чувствовала себя немного неловко, так как ей казалось, что она выглядит, в сравнении с предыдущей девицей, немного неказисто и старомодно в своём белом с лиловыми полосами, полуприталенном платье почти без декольте и с косым подолом на верхней и нижней юбках, как любили носить девушки в провинциальных городах, но не в столице. Казалось, нечто вот-вот вырвется из неё, как некогда в одном страшном сне, и натворит много дел, хотя в этот раз это мог быть просто фейерверк. Когда же снова раздался голос Сетты Райх, а потом она взяла Аулу за руку своей загорелой чешуйчатой рукой с загнутыми ногтями и повернула лицом к публике, торжественно представляя её всем собравшимся, «нечто» действительно вырвалось из неё и понеслось по всему залу. Точнее, самой Ауле при этом казалось, что это она вылетела из

своей оболочки и носится по конференц-гостиной, пока три женщины по очереди вручают ей регалии, а публика аплодирует. На несколько мгновений зал странным образом затих. Когда же «путешественница» вернулась на своё законное место, она ощутила в руках драгоценные подарки, заслуженные ею в соревновании, о котором она, честно говоря, прежде часто отзывалась как о пустой трате времени и денег.

Поблагодарив столичный директорат и поклонившись всей Комиссии, которая в ответ одобрительно зааплодировала, Аула вернулась на своё место между Геллой и Лорией.

— Что ты сделала? — спросила Гелла, в недоумении и с некоторым ужасом глядя на неё, прежде чем другие кинулись её поздравлять.

— А? А что я такое сделала? — в полном замешательстве, в свою очередь, спросила Аула.

— Ты не помнишь сама?

— Немного... мне показалось, что я...

— Тебе показалось, — вмешалась Лория, — а ты вправду всех напугала, все даже замолчали.

— Так чем я всех напугала? — продолжала допытываться Аула.

— Когда тебя начали представлять как одну из победительниц соревнования, у тебя засветились глаза... как те светильники... а потом как будто по всему залу подул ветер и побежали огоньки. Но это было недолго, потом всё это вернулось обратно через твои глаза и ты встrepенулась, как будто до этого оцепенела. Что это было, Аула?

Та пожала плечами.

— Ей-богу, я не знаю. Может быть, тебе, Лория, просто показалось? Неужели и ты, Гелла, видела то же самое?

— Да, — ответила та. — И сначала решила, что ветром распахнуло одно из окон, но откуда взялись летающие огоньки...

— Ладно... спросим кого-нибудь ещё.

Она спрашивала по очереди Эйру, Милению, других девушек, госпожу Лиэрту и даже некоторых местных девушек, что стояли и сидели невдалеке от неё. Все они описали приблизительно одно и то же, хотя некоторые добавляли к этому описанию ещё своих деталей — будто бы над Аулой также зажглась алмазная звезда, взлетела какая-то призрачная птица, вокруг неё закружился вихрь, а сама она стала недвижимой, как изваяние, и прочее, и прочее. Сама она, разумеется, не могла целиком и полностью поверить, что на этом мероприятии с нею произошло что-то необычное.

— Ну что же ты? — одна из её подруг, Эйра, наконец не выдержала. — Помнишь, как три года назад ты пускала искры из глаз и пальцев, ворочаясь в постели, и у тебя из носа потекла кровь, а потом ты упала с лежанки и проснулась? Мы не стали мешать, просто наблюдали.

— Перестаньте... я не верю! И, если вам интересно, поговорим об этом потом, сейчас будут награждать Лианэль Дигио из Сильфирона.

Но прежде чем наградить Лианэль, невысокую, хрупкую девушку в строгом, но украшенном блестящими кристаллами оранжевом платье, с загорелой кожей, ярко-голубыми глазами и роскошными волосами тёмно-бурого цвета, все члены почётной Комиссии объявили перерыв и удалились. Вернулись они через десять минут, вновь улыбаясь и словно позабыв о странном происшествии с предыдущей лауреаткой.

После того как Лианэль Дигио получила регалии, была произнесена торжественная

речь и вся публика, без конца переговариваясь между собой, стала спускаться в нижнюю гостиную, к Ауле подошла сама госпожа Сетта. Вид у неё был немного нерешительный, но всё же она, собравшись и вытерев со лба пот чистым кусочком мягкой ветоши, сказала:

— Позвольте немного вас задержать, эйди Аула. Я не ожидала встретить в стенах нашего пансиона ученицу, которая носит в себе напрямую дух Повелительницы Ветров. Хотя поначалу мы решили, что это какое-то кол...

— Простите меня, госпожа Сетта... я вовсе не хотела никого пугать. Наверное, это случилось из-за моего волнения.

— Я понимаю... но вы даже не удивлены тем, что я сейчас сказала?

— Нет, госпожа Сетта, — ответила Аула, пряча регалии в небольшой, но объёмистый партикон, висевший у неё на плече, и затягивая шнурок. — Я уже слышала об этом не раз и успела уже удивиться.

— Это неважно, эйди Аула. Будь осторожна, за тобой охотятся могущественные и коварные враги.

Аулу удивило, что директриса перешла на «ты».

— Кто же они, эти враги? — встрепенулась Аула.

До этого ей казалось, что враг до сих пор был у неё только один и тот уже давно побеждён.

— Императоры. Точнее, за тобой охотится вдова первого Императора, которого звали Паллиэном. Но она охотится за тобой со своими целями, а остальные три Императора хотели бы просто найти и уничтожить.

— Но за что? — недоумевала Аула.

— Не будь наивной. Они наделены магическими знаниями и силой, которая позволила им узнать, кто их главный враг. И даже как он выглядит. Но пока они ещё слабы после разгрома в последней войне, а одна только магия не может помочь им завоевать весь этот мир, для этого им нужно время, чтобы собрать несметные тысячи воинов, не только из сил Тьмы, но и из людей, в которых им бы удалось эти силы вселить. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, госпожа Сетта... но... я не понимаю, как я могу быть их главным врагом?

— На самом деле ты всё понимаешь. В тебе живёт дух Той, что способна обратить все их силы и магию в прах. Я слышала о том, что в ночь гибели Императора Паллиэна в далёком Королевстве Эйладор родилась девочка, и к ней были посланы воины Тьмы, чтобы её убить. Но девочка была спасена, в тот же миг был убит Император. А если девушка, в которую она выросла, объединится с юношей, отец которого был искусным воином и магом и благодаря сочетанию этих качеств убил Паллиэна, вместе они могут победить оставшихся трёх Императоров Зла и Королеву, которая бьётся за статус Императрицы, но, по их законам, не может его получить.

— Почему она не может его получить? — нахмурившись, спросила Аула.

— Потому что таков их закон. Королева Иера должна стать женой одного из оставшихся трёх Императоров. Но, сдаётся мне, никто из них не хочет жениться на вдове Паллиэна, а она мечтает о том, чтобы перехитрить их всех и одной завладеть всем миром, получив бессмертие.

В глазах Аулы загорелся гневный огонёк, а сердце затрепетало.

— Почему я об этом ничего до сих пор не знала? И как королева Иера хочет получить бессмертие?

— Используя для этого твою силу — Дух Эас, Повелительницы Ветров. Она

совершенствует себя в особой магии, с помощью которой можно обращать любой свет в тьму, любое добро во зло, любое божество в демона... Но я не верю, что её сил может на это хватить, она ведь не Архонт и даже не его потомок, а просто человек.

— А кто тогда Архонт? — с любопытством спросила Аула.

— Ты, Аула Ора. Ты — одна из девятиста Архонтов Света мира Аттары, что остались верны Добру и изгнали отступивших от Учения Мудрых десятерых своих бывших собратьев.

Голова у Аулы пошла кругом. Казалось, теперь она вот-вот взорвётся или вновь вылетит из самой себя. В отчаянии она принялась тереть руками виски.

— Успокойся, Аула... не трать силы на эмоции.

Сетта Райх положила руки на её голову, и через несколько мгновений её гнев и волнение прошли.

— Так значит, я бессмертна? — продолжала спрашивать Аула, не переставая удивляться тому, что, однако, уже в некоторой степени было ей известно.

— Телом — нет, — ответила Сетта. — В этом мире нет бессмертных, и Архонты рождаются здесь в смертных телах, являясь посланниками Великого Света. Но ты ещё совсем молода, у тебя есть время победить и даже прожить дольше, чем другие люди и даже мы, драконицы...

— Тогда как, если моё тело смертно, эта жуткая королева хочет получить за счёт меня бессмертие? Этого я не понимаю.

— И я не понимаю, — пожалала плечами госпожа Сетта.

— Но откуда вы всё это знаете, госпожа Сетта? — неожиданно спросила Аула, глядя на директрису в упор.

— Это моя сокровенная тайна, но я скажу её тебе, девочка.

Она отвела Аулу поглубже в коридор между лестницей и классами и ответила шёпотом:

— Потому что я — маг, умею становиться невидимой и попадать туда, куда мне нужно, используя священные камни Драконов. Я побывала в Ардаманте три года назад и услышала разговор между королевой Иерой и её несносным сыном, принцем Мораном. С тех пор я являюсь твоим тайным хранителем. Мне всё же показалось, что этот Моран почти бесполезен в том деле, которое ему поручено, потому что он трусоват и почти не владеет магией, но всё же... остерегайся бескрылого принца с глазами Дракона — душа его черна, как южная ночь.

— Я поняла... вы- мой тайный хранитель, но мне нужно остерегаться принца... остерегаться человека с глазами Дракона... А кто тот юноша, сын мага, убившего Императора Паллиэна?

— Сын мага — сам прирождённый маг, — ответила госпожа Сетта. — Но кто он — я не должна говорить. Ты узнаешь его сама.

— Может быть, я и узнаю, — повела плечом Аула. — Магов много, а какой из них — сын воина, который убил Паллиэна...

Пока что Аула знала только одного мага, который, вероятно, мог быть потомственным, но был ли он тем, с кем ей нужно было объединиться для победы над Злом, было неизвестно. Уже прошло добрых три года с тех пор, как Этт Мор исчез из её жизни и дал о себе знать только один раз — во время её знакомства с капитаном Вероисом.

А может быть, решила она, ей нужно непременно вновь увидеться с капитаном, чтобы вновь увидеть Этта и услышать его голос в неожиданно настигнувшем её видении?

После церемонии награждения победительницы соревнования, их подруги,

преподаватели и прочие гости решили отправиться гулять по городу, так как до вечера было ещё далеко. Четыре неразлучных подруги из Оттари снова собрались вместе, на сей раз у выхода из двора пансиона.

— Я слышала, что на вечер будут приглашены кавалеры, — сказала Гелла. — Лория пригласила своего жениха, а мы с Эйрой оставили своих в Оттари, поэтому с нас будут только общение и танцы. А ты, Аула, не вздумай сплеховать в этот раз — мы пригласили специально для тебя...

— Я уже знаю, кого вы пригласили, — ответила та.

— Почему у тебя такое грустное лицо и взгляд? — в свою очередь, спросила Лория. — Ты должна радоваться — у тебя впереди целый долгий вечер для общения с капитаном Вероисом! Хотя... может, и не только вечер. Глядите!

Гелла, Аула и Эйра почти одновременно повернули головы. С противоположного края к ним по ступеням спускался красивый молодой светловолосый человек в светло-голубой военной форме с золочёными эполетами и капитанскими значками в виде семи пятиконечных звёзд на вороте.

— У него уже семь звёзд, — восхищённо заметила Эйра. — В прошлый раз их было шесть.

— Когда будет десять, он станет адмиралом, — поддержала её Лория.

— Подумать только, — сглотнула слюну Гелла. — Адмирал звёздного флота Вероис Сенам! Жаль, что я уже отдала своё сердце другому...

В этот момент обсуждаемый ими капитан пересёк многолюдную площадь и приблизился к ним.

— Эссана арионсес! — произнёс он приветствие на незнакомом девушкам языке и дружелюбно улыбнулся.

— Что он сказал? — спросила Аула, наклонившись к самому уху Лории.

— Мне кажется, это приветствие на международном языке, которым пользуются правители и парламентёры в наших соседних мирах, — предположила та и ответила, обратившись к капитану: — Эссана! Мы рады видеть вас, капитан Вероис!

— А я рад видеть вас и особенно — вашу подругу Аулу Ора. Вы скучали обо мне, юная эйди Аула?

подавив смущение, та ответила несколько сухо и официально, слегка поклонившись:

— Иногда. Я тоже рада видеть вас, господин Вероис...

— О нет, не нужно называть меня господином, — запротестовал тот. — Я узнал, что сегодня вы были награждены регалиями победителя соревнования между пансионатами. От всей души вас поздравляю! А теперь вы идёте гулять по городу?

Аула вспыхнула. Откуда он всё знает? Опять всё ему рассказали эти сплетницы?

— Да... капитан Вероис. Мы хотели бы с подругами пройтись и посмотреть окрестности, может быть, покататься на речном трайле, побывать на ярмарке или что-нибудь ещё...

Капитан вновь приветливо улыбнулся, затем взял её правую руку и поднёс к губам. Схватившись, Аула выдернула руку.

— А вы по-прежнему недоверчивы, госпожа Аула, — сказал он. — Но у меня есть более заманчивое предложение, чем просто сходить на ярмарку или покататься на трайле.

— Какое же?

— Мы можем посетить планетариум. Сегодня он открыт. Пойдёмте туда и я покажу вам

макеты, примерно так выглядят миры Небесного Ока. К сожалению, я не местный и поэтому не могу показать, как выглядит мой мир...

От неожиданности Аула едва не отпрянула от него назад, однако он вовремя это понял и вновь взял её за руку.

— Я чем-то вас удивил или напугал, эйди?

— Скорее, удивили. Откуда вы?

— О... мой мир находится далеко, там, где сияет свет Семи Сестёр. Мир, откуда я прибыл, зовётся Эрра, и чтобы попасть оттуда к вам, я воспользовался порталом, который изобрёл наш учёный по имени Сейдиас Ларрима-ат. К несчастью, я не нашёл в ваших мирах подобного портала и поэтому не могу вернуться обратно домой. Поэтому, пока в ваших мирах не изобрели такой портал, я живу здесь и служу капитаном звёздного флота.

Внезапно Ауле стало жаль капитана: каково бы было ей, если бы она, попав случайно или намеренно в далёкий, чужой ей мир, не могла бы вернуться обратно!

— Но мы все думали...

— Что я — один из вас, кто служит в звёздной кавалерии? Да, такие есть среди нас, но я не местный. И я вижу, вас, юная эйди, это пугает?

— Я уже говорила... больше удивляет. Вы не можете меня напугать, капитан.

— Тогда что я могу для вас сделать? — спросил он, смеясь. — Не обращайтесь внимания, это я так шучу. Но я бы хотел присоединиться к вашему прекрасному обществу, если ваши подруги будут согласны.

— Конечно, мы согласны, капитан Вероис, о чём говорить! — ответила за всех Гелла. — Пойдёмте!

Прогулка, надо сказать, удалась. Посетив ярмарку, трапезное заведение, выставочный зал этнических игрушек и украшений разных народностей из разных уголков Эллиоры и прокатившись вверх и вниз по течению реки на прогулочном трайле, девушки истратили почти все запасы монет, которые у них были с собой. Однако капитан выручил всех, дав им ещё по несколько крупных золотых монет и взяв на себя все дальнейшие расходы. Он был со всеми приветлив, однако с Аулой был настолько любезен и обходителен, что она забыла обо всех наставлениях и предупреждениях, которые ей в этот день давала госпожа Сетта Райх. Однако, думала Аула, такого точно не могло оказаться, чтобы капитан Вероис оказался переодетым или магическим образом превратившимся злобным принцем Мораном, и в таком случае его всё равно выдавали бы «драконьи» глаза. Однако глаза Вероиса Сенама были совсем другими, вовсе не как у драконид, и даже отличались от глаз любого из жителей мира Элайи, которых Ауле довелось видеть в своей жизни. К том же его взгляд был открытым, ясным и добрым, чего нельзя было бы сказать о взгляде злобного, коварного и вместе с тем трусливого существа, каким описала принца госпожа Сетта.

Как и следовало ожидать, судя по его словам, капитан хорошо знал здешние миры. Он с лёгкостью описал девять обитаемых миров и вкратце — их население, но больше описать подробно не смог, заявив, что ещё не побывал на холодных планетах, на которых была, как ему рассказывали, странная и не совсем понятная жизнь. При этом он рассказал, как путешествовал по разным измерениям, общаясь с обитателями первого и второго миров, а также выходил на связь с обитателями маленьких белых солнц, называемых амантийцами Ночными Очами. Он рассказывал обо всём — о межзвёздных пространствах, кораблях-гигантах и смертельных битвах, о подвигах героев Эрры и соседних с нею миров, и о том, как его предки участвовали в Великой Битве Света и Тьмы, что развернулась в пределах

миров загадочных и непостижимых Трёх Сестёр. Упомянул он также и о мирах золотых светил, оранжевых, красных и синих...

В общем, когда капитан Вероис закончил делиться своими познаниями по части вселенских пространств и миров, Небесное Око начало медленно склоняться к горизонту. Наступал вечер, и, когда они прибыли обратно к воротам пансиона, на восточном небосводе понемногу разгоралось светло-фиолетовое с розовым оттенком зарево. К этому времени Вероис Сенам успел уже очаровать нашу героиню, хотя та не могла найти в этом очаровании и малой доли того, что обнаруживала когда-то во время своих редких встреч с Эттом. Однако всё же во время вечернего празднества и последующего бала сказала капитану, что видит в нём очень хорошего друга и пригласила его погостить этим летом в Авингоре.

Глава семнадцатая

— И это — правда?! О, неужели...

Мелла, всплеснув руками, едва не соскочила с места, когда три уже взрослых сестры сидели на покато́м берегу озера и обсуждали собственное прошлое, настоящее и будущее.

После замужества Меллы, а затем Трисии, за которым последовало отбытие в далёкие края и замужество крылатой девы по имени Эя, большой дом в Авингоре заметно опустел. До сих пор его владельцами и хозяевами были Гио Трейга с Алертой Ахан, а до этого — предки Алерты, впоследствии переехавшие жить в другое место и навещавшие их по нескольку раз за сезон. Мелла со своим семейством жила на другой окраине селения, в родительском доме своего мужа Оллсо Део, а Трисия — в небольшом городке под названием Эгрисса к северо-западу от их селения, где её муж, командир летучего боевого флота по имени Эйвер Лаусс, купил ей небольшой, но уютный и красиво обставленный домик. Однако судьба вскоре распорядилась так, что младшая дочь Део Ридвена, симпатичная, но проказливая Эдена, недавно вышла замуж, выкупила родительский дом и этим потеснила своего старшего брата с его женой и детьми. Тогда Мелла, собрав сыновей и хорошенько отчитав мужа за слонтяйство и попустительское отношение к проделкам младших братьев и сестёр, последствия которых, увы, было уже не исправить, перебралась вместе со всем своим семейством к своим родителям. Родив недавно дочь Рэйну, похожую внешностью больше на отца, чем на неё, она посетовала на то, что вряд ли теперь сможет подыскать няню, которая могла бы заменить Эя из рода Хирро, и всё-таки из многих кандидатур выбрала, на её взгляд, самую подходящую, которая могла бы взять на себя часть забот Меллы. Это была Дейна Торис, женщина на полтора десятка лет старше её, вдова погибшего во время весеннего разлива реки лодочника Вейго Лоттара, которая, перебравшись в Авингор, прихватила с собой также двоих своих отпрысков — Отта и Лофию, которые были тринадцатилетней двойней. Гио с Алертой, конечно, сперва были не в особом восторге от такого резкого прибавления в их семье, однако вскоре пятеро детей в доме стали их больше умилять, чем раздражать. А когда в гости к ним навевывалась Трисия с прелестным малышом по имени Гилло, от шума и гвалта вовсе было некуда деваться, и тогда старшие хозяева дома уходили на верхний этаж, если не пропадали надолго в полях или не уезжали по своим делам в город.

В тот ясный, погожий день, когда все три сестры — Мелла, Трисия и Аула — сидели на берегу озера, куда часто приходили с самого раннего детства, их родители остались в доме, а старшие дети гуляли по полям и близлежащим зарослям в сопровождении своей няньки, собирая поспевшие плоды и пугая своими криками несчастных зельдюков, прячущихся под огромными сине-зелёными листьями. Старшие сёстры держали на коленях недавно накормленных материнским молоком малышей Рэйну и Гилло, а младшая, приёмная — теребила в руках большой, фиолетовый в белых крапинках цветок сорванной хиллеи и, как можно было заметить, немного нервничала.

— Да... но я не могу сказать вам точно...

— Как это — не можешь сказать точно? — как всегда, возмутилась Трисия. — Так кем ты его всё-таки считаешь — хорошим другом или будущим женихом и мужем?

— Если ты говоришь окапитане Вероисе, то, бесспорно, он очень хороший друг, — ровным, спокойным тоном, стараясь не показать ни тени раздражения, ответила Аула. — Но

только он несчастен, я уже это говорила, потому что застрял здесь и пока не знает, как вернуться домой, откуда прибыл.

— Если он застрял и не знает, как вернуться обратно, — вмешалась Мелла, убаюкавшая своё семитриадное сокровище, — значит, ему ещё не время возвращаться и здесь он может повидать многое... наверняка ему здесь предстоит ещё стать мужем одной из наших девушек, как ты думаешь?

Услышав эти слова, Аула от неожиданности оторвала от своей хиллеи один лепесток и бросила себе на колени.

— Быть может... если он надумает приехать к нам в гости, мы его с кем-нибудь познакомим, в Авингоре так много хороших и красивых девушек, как раз ему под стать.

— А ты не думаешь, что он приедет сюда, чтобы поближе познакомиться только с одной хорошей и красивой девушкой, а всех остальных он просто не будет замечать?

Мелла говорила тихо, стараясь не разбудить малютку Рэйну, которая мирно посапывала у неё на коленях, в серебристо-лиловой корзинке для ношения младенцев.

— Это так нехорошо — играть с чувствами тех, кто тебя любит, — так же тихо сказала Трисия, ставя корзинку с крепко спящим крохой под сень раскидистого дерева. — Если ты откажешь этому пришельцу из далёкого мира, то сделаешь его ещё более несчастным, чем он теперь.

— И что, ради того, чтобы сделать счастливым какого-то пришельца с далёкой звезды, я должна стать его женой? А потом, когда он отыщет портал, отправиться с ним к той самой звезде, в неведомый мне мир под названием Эрра? Или как там его...

— А главная задача хорошей жены — сделать так, чтобы её муж не улетел от неё на далёкую звезду, — резонно выдала Мелла. — Если она создаст уютный мирок, который он не захочет променять на Эрру...

— В общем, так, — неожиданно заявила Трисия. — Это всё просто разговоры вокруг да около, а суть одна. Если ты закончишь обучение в пансионе и не выйдешь замуж, то опозоришь себя, директорат и весь пансион. Когда было такое, чтобы выпускницы пансионов госпожи Наофин оставались старыми девами?

— Как-то было, — Мелла посмотрела на неё глазами, в которых ясно читалось напоминание о том, что та успела забыть или пропустить. — В одном конкоре со мной была Эйна Ридд... она не вышла замуж, так и осталась одна, считая себя некрасивой и неспособной на любовь. Но это не твой случай, Аула.

— А может быть, Аула, ты хочешь пойти в преподавательницы пансиона? — спросила Трисия, глянув на младшую сестру внезапно заблестевшими глазами. — Они ведь не выходят замуж и посвящают свою жизнь благородному делу, обучая будущих жён и матерей, это их миссия.

— У каждого здесь своя миссия, — со вздохом ответила Аула. — Я не хотела никогда и сейчас тоже не собираюсь становиться преподавательницей в пансионе.

— Тогда — стать няней и посвятить свою жизнь чьим-то детям, как Эя? Хотя её время пришло, точнее, за ней явился её жених, которого она в своё время отвергла...

— И няней я тоже становиться не хочу, — Эя в сердцах оторвала второй лепесток.

— Тогда, может быть, жрицей?

— И жрицей тоже, — и третий лепесток оказался сиротливо лежать на коленях Аулы Ора, кутаясь в волнистой ткани лёгкого нежно-фиолетового в синюю крапинку, с двумя полупрозрачными юбками, надетого поверх тонкого лафитового корсажа, в котором нельзя

было вспотеть, поскольку он приятно охлаждал тело в жаркую погоду, а в холодное время — замёрзнуть, потому что чудесная ткань собирала тепло от тела и отдавала его обратно.

— Тогда тебе остаётся один путь, — сказала Мелла.

— Я знаю. Но позвольте мне выбирать самой своим сердцем.

Из уст Меллы вырвался маленький смешок.

— Выбирать сердцем... из кого? Ты с таким восторгом нам всё время рассказываешь об этом капитане Вероисе, что мы решили... в общем... если он приедет в гости и после этого ты не станешь его женой, тогда мы все сочтём тебя безумной, ни больше и не меньше...

— Да, — поддержала её Трисия. — Именно так...

Аула подняла на них внезапно потемневшие, как морская гладь перед бурей, глаза.

— Безумной?.. Вот даже как... хорошо... сейчас вы увидите самое настоящее безумие... глядите!

Не зная, как скрыть то сложное чувство, которое возникло в глубине души Аулы в ответ на эти слова, она отвернулась от сестёр, подошла ближе к воде, зашла в неё по колено, замочив низ платья, и устремила взгляд на прозрачную, спокойную водную гладь, нарушаемую время от времени лёгким ветерком и движениями резвящихся озёрных обитателей. В глазах её, больших, голубых и прозрачных, как это озеро, не было слёз, но было что-то иное. Отрешившись от всего мира, она словно проникала в самую суть воды, рождая в ней совершенно новые токи и движения. Слившись внутренне с незримой сутью воды, Аула словно утопала и растворялась в ней, или же происходило наоборот — точно она не знала. А когда пришла, наконец, в себя, то обнаружила, что всё озеро словно превратилось в бурлящий мутный котёл, содержимое которого бесновалось, грохотало и дыбилось неведомыми вихрями, чудовищные волны поднимались ввысь, а она сама была щедро с головы до ног облита водой, облеплена водорослями, тиной, пиявками и мелкими донными созданиями, поблёскивающими в дневном свете, как маленькие звёздочки.

Трясаясь от ужаса, старшие сёстры стояли поодаль. Очевидно, они вовремя успели отскочить, прихватив своих младенцев, и теперь чертили в воздухе круги, словно защищаясь от какого-то наваждения. Взбесившееся озеро успело лишь немного обдать их прохладной водой, и они выглядели куда лучше, чем Аула — мокрая, с распустившимися волосами, горящими глазами и облепленная всем, что могло подняться со дна озера. Само же озеро теперь выглядело как чудовищный котёл, содержимое которого только что перемешали исполинской ложкой.

— Ч-что эт-то б-было? — заикаясь, спросила Трисия, которая успела выйти из оцепенения раньше другой сестры.

— Это было безумие, — бросила ей ответ Аула слегка хриплым голосом, выбираясь из воды и отправляясь отмываться к шумевшему совсем близко небольшому водопаду, образуемому небольшой речушкой, впадающей в озеро. — А вот то, что вы хотели им назвать, называется иначе.

— Нет, Аула, это то, что ты сделала, называется по-другому, — возразила Трисия. — Колдунья! Если об этом узнают в селении...

— Ну и пусть! — прокричала Аула, выглянув из-за ветвей кустарника, где совершала омовение в чистой воде. — Мне всё равно, что обо мне подумают, но даже если я буду осуждена, это будет вам уроком.

— Уроком... да...

Трисия поглядела на старшую сестру, которая опомнилась только сейчас и сидела на

земле, вытирая руками вспотевший лоб.

— Даа, такого ещё никто не видел, — прохрипела Мелла. — Странно, что наши малютки не проснулись. Но, всё равно, Аула, хоть ты нас всех тут утопишь, спалишь или разорвёшь в клочки своей непонятной силой — ты всё равно выйдешь замуж, как только окончишь пансион, неважно, за капитана Вероиса или кого-то ещё...

— Да уж это мне решать, за кого, — буркнула Аула, с силой выжимая воду из подола и выбираясь на поляну. — За кого мне суждено выйти, тот ко мне и явится и ему я не смогу отказать. А вас я попрошу не совать свои длинные носы в мою жизнь.

— Какая благодарность... — всхлипнула Трисия. — Как мы можем это терпеть, Мелла? Расскажем всё батюшке с матушкой?

— Не надо, — Мелла сделала правой рукой останавливающий жест, немного выставив её ладонью вперёд. — Как бы нам не было от этого хуже. Пусть разберётся сама.

— Как так, ты боишься? — удивилась Трисия.

— Признаюсь честно, да. Помнишь, она нам говорила про какую-то загадочную силу, что живёт в ней? Точнее, она говорила своей няне, а мы слышали и сами ощущали в ней это. А теперь, похоже, мы разбудили в ней это своими колкостями и попытками всё время вмешиваться в её судьбу. Я знала — однажды гром грянет, и вот — он грянул.

— Как это на тебя не похоже, Мелла... что эта её тайная сила с тобой сделала, а?

— Пожалуйста, Трисия, прекрати... пора уже нам действительно повзрослеть.

— Пожалуй, повзрослеть пришла пора вам обеим, — ответила Аула, всё ещё сердясь на них и расхаживая босиком по изрытому загадочной бурей берегу озерца.

Она поднялась на ноги, всё ещё дрожа, и поглядела на малышей в корзинках, которые как ни в чём не бывало посапывали в тени, отбрасываемой густыми зарослями вдовника и не столь частого здесь тимана. Небесное Око уже перекатилось на восточную половину небосвода, а значит, пришла пора заканчивать прогулку и, вернувшись в дом, заняться более «взрослыми» делами.

О происшествии на озере сёстры решили умолчать. Однако в скором времени весь Авингор гудел, как гнездо кнаутов, обсуждая недавно произошедшее «загадочное и непостижимое бедствие», в которое попали три молодых женщины с совсем маленькими детьми, но, к счастью, остались живы. Старожилы, вспомнив множество баек и слухов, стали всерьёз опасаться, что в скором времени несчастье в виде губительного смерча может настигнуть их дома и всё селение, перевернув его вверх дном, разрушив жилища и превратив всё в грущу костей и щепок. Тали даже поговаривать о том, что кто-то из селян своей неправедностью разгневал местных духов, в которых многие уже здесь не верили, и стали искать виновных, чтобы предать их «справедливому народному суду». Один лишь возничий Дэбо оставался в стороне от этих страстей, полагая, что чужие боги не могут на его разгневаться, пока он помнит и чтит своих.

И в самый разгар этих будоражащих кровь и щекочущих нервы событий и сплетен в Авингоре появился новый гость — из самой столицы. Он оказался настолько не похож на местных жителей своей элегантностью, учтивостью и нездешним выговором, что некоторые из старейшин с маху решили, что виновником недавнего неприятного происшествия, повторения которого ждали почти все авингорцы, был именно это похожее на человека существо. И что его приезд вполне мог означать, что скоро разразится смертельная буря. В общем, не успел капитан Вероис Сенам прибыть в это селение, как его встретили несколько местных пахарей и кровельщиков, нанятых старейшинами нарочно для поимки виновных в

некоем ужасном деянии против Природы, окружили и повели в дом старейшин. Те долго допрашивали гостя, выясняя, откуда он прибыл, к кому, зачем и который раз, и, наконец, решили отпустить, однако один из местных «судей» всё же засомневался.

— Сдаётся мне, этот парень не так прост, как вам кажется, — сказал он. — И прежде вам ты точно выяснишь его подлинные намерения, а для этого неплохо было бы устроить ему испытание.

— Это какое же? — отозвался один из семи старейшин. — Запереть его в сарае вместе с бойдами на три дня и три ночи, как мы делали с тем голуболицым верзилой, когда проверяли его на честность?

— Можно и так, — ответил пахарь, запихнув себе в рот кусок тахиловой смеси, от которой у него изо рта и из носа пошёл лёгкий прозрачный дымок. — Хотя... не повредило бы это его лощёному виду, видят Боги, он из высшего сословия и нам не чета.

— Ну если ты этого опасаясь, Дино, тогда придумай для него что-нибудь полегче. А то — надо же — семизвёздочный капитан, будто впрямь свалился с неба...

Слушая всё это и думая, какой приговор ему вынесут «радушные» управители селения Авингор, Вероис Сенам молчал и даже не подал ни единого знака страха, возмущения или возражения. Казалось, бояться или гневаться для него не было свойственным вообще. Однако этого нельзя было сказать о молодой особе из дома на окраине, неожиданно ворвавшейся в дом старейшин в самый разгар обсуждений, что делать с непонятным гостем.

— Плохо ведь, девушка, что ваш отец не входит в число старейшин? — обратился к ней тот самый человек, который несколькими мгновениями ранее выдвигал свои «оригинальные» предложения насчёт того, как испытать столичного гостя на честность и невиновность в случившемся пару декад тому назад.

— Я скажу... — Аула перевела дух. — Я скажу, что это хорошо, что он не входит в число таких старейшин, как вы, господин Энар Бегдо! Зачем вы поймали этого человека?

— А кто просил этого незваного гостя появляться в Авингоре после того, что тут произошло? — грубым тоном спросил Энар Бегдо. — Теперь мы проверяем каждого, кто даёт нам повод сомневаться в его непричастности к этому... кхм... непонятному делу.

— Давайте по порядку. Почему вы считаете, что это было дело рук человека? И сколько людей вы уже так «испытали»? Я была в тот день на озере с сёстрами, и мы никого там не видели, тем более капитана Вероиса Сенама. Природа капризна и непредсказуема, Клирия ведь тоже затонула в одну ночь. Прошу вас, отпустите его, он ни в чём не виноват!

— Откуда вы знаете? — спросил другой старейшина, немногим помоложе первого. — Вы что, знакомы?

— Да, господин Райдо, мы знакомы. Это не незваный гость, потому что я пригласила его в гости. И поэтому я приказываю... велю... точнее, прошу его отпустить!

— Приказываю? Велю? — возмущённо заегозил на месте Дино. — Что это за королевские замашки у нашей замарашки? Вы ведь не в королевском пансионе учились, красавица?

— Это не твоё дело, хам! — огрызнулась Аула. — И с тобой, Дино Вильга, я вообще не хочу ни о чём разговаривать. Я требую отпустить моего друга, и мы уйдём отсюда вместе.

— Ах даже так, это ваш друг? — Дино с чувством лёгкого презрения посмотрел на капитана, а затем на неё. — А я думал, что мы с вами можем стать друзьями или не только. Но уйдёте вы отсюда только по разрешению главы наших старейшин, Энара!

— Пусть идут, — махнул рукой тот. — Только побыстрее, пока я не передумал.

— Ага, иначе вы нас обоих посадите в хлев, — ответила Аула, подходя к молчаливому гостю и беря его за руку. — Пойдёмте, капитан.

Гость не сопротивлялся, и вскоре Аула увела его из этого злачного места, которое называлось домом старейшин или, иначе, конторой управления.

— Смелая девица, — отметил Энар. — Наверное, зная её нрав заранее, я бы даже не стал спорить.

— Любая девица может быть смелой до тех пор, пока не загнёшь её за углом, — пробормотал Дино. — Посмотрим, как она вскоре будет бежать от этого мердера, возможно, сюда же, а вы его тут же и арестуете.

— Верно говоришь, — поддержали его старейшины. — Мало ли что можно ожидать от этих чужестранцев.

Однако их опасениям не суждено было сбыться. Капитан Вероис оказался настолько любезен, обаятелен и благовоспитан, что проводил Аулу почти через всё селение до самого её дома, не высказав ни одного обидного слова или замечания, которое могло бы её огорчить. Она видела в нём дружелюбного, безобидного и доброго человека, который, с другой стороны, не даст в обиду, хотя сам может смиренно отмалчиваться в ответ на оскорбления, касающиеся его самого. Однако было что-то в ней самой, что позволяло ей воспринимать его только как хорошего друга, а тайные мечты её были устремлены вдаль, точнее — в прошлое и в сны, где она всё ещё могла встретить того, кто был ей предначертан самим Провидением.

Казалось, Вероис втайне ощущал это или читал в её взгляде, голосе и движениях, и прилагал некоторые старания, чтобы это преодолеть. Однако его спутница так ловко ускользала от его каверзных вопросов о её прошлом, настоящем и о том, какой она видит свою будущую жизнь, и выскальзывала из коварных рук, которыми он пытался обнять её исподтишка, что молодой покоритель межзвёздных пространств терялся и пожимал плечами. Аула же сердилась на него, опасаясь, что всё это может вскоре стать предметом обсуждений и сплетен для всего авингорского населения, от подрастающих сорванцов до глубоких стариков. Наконец, уже почти приблизившись ко двору дома на юго-восточной окраине селения, ему удалось схватить её и стиснуть в объятиях, что стало, однако, предметом восхищения всех обитателей дома Гио, Алерты и Меллы, высыпавших во двор.

Заметив это, Аула вырвалась и, заливаясь краской, поглядела на толпу своих родственников. Теперь уж ей, верно, было не отвертеться и фокус с водой в озере оказался совершенно бесполезен. Она сознавала это и, не в силах что-то изменить в этот раз, глядела на всё и на всех глазами, в которых были видны гнев, слёзы и какая-то странная, мало понятная ей самой покорность.

— Теперь она точно обзаведётся семьёй, — шепнула Мелла на ухо другой сестре. — Смотри, какой красавец, нашим точно не вровень!

— Говори о своём муже, пожалуйста, — огрызнулась Трисия. — Мой хотя бы командир летучего флота, к сожалению, не звёздного.

Надо сказать, что обещанного гостя приняли со всем возможным гостеприимством и радушием, не в пример грубым скотам из сельского управления. Капитан Вероис за половину дня и один вечер успел в совершенстве очаровать всех обитателей этого дома, включая наёмных работников и няньку детей Меллы. Как оказалось, он в совершенстве умел играть на струнных музыкальных инструментах вроде барогана и петь песни, часть которых была на незнакомом им, но очень красивом языке одного из народов далёкой Эрры.

Под конец хозяева дома устроили посиделки с танцами, на которые пригласили своих родственников и соседей. Оказалось, гость успел обворожить и их, и к концу вечера большинство из них были уверены, что загадочный, но обаятельный молодой человек по имени Вероис Сенам непременно вернётся сюда ещё раз и надеялись, что не однажды. Больше всех же, конечно, обрадовались Алерта и Гио, так как уже видели в заезжем госте своего будущего зятя.

Одна только Аула, как было заметно многим, не особо разделяла всеобщего веселья и радости. Конечно, она веселилась вместе с остальными и мило беседовала с гостем, которого все без исключения уже успели записать в её женихи, тогда как она сама до сих пор продолжала считать его просто другом, а его выходку перед дверями их дома — досадной нелепостью, которую можно было предотвратить, если бы она не зазевалась, подходя к родному дому.

— Теперь ты будешь счастлива, Аула! — восклицали Алерта и Мелла с Трисией, пожимая обоим руки. — Мы закатим вам такую свадьбу, что все наши соседи позавидуют, и пригласим на неё всех, кого можно! Скажи, ты хотела бы увидеть на своей свадьбе няню Эйа, Тэрра и его старого друга Даг Зана?

— Я бы хотела увидеть няню не только на своей свадьбе, — твёрдым голосом ответила Аула. — И твоего старого друга Тэрра со звездочётом Даг Заном... чтобы спросить у обоих, за кого мне действительно нужно выйти замуж. Пока я слышала только ответ директрисы из Арохенского пансиона.

— Любой твой каприз, детка, будет исполнен, — ответила Алерта. — Но что тебе сказала та женщина?

Аула наклонилась над самым ухом своей приёмной матери и шепнула:

— Она предрекла мне соединиться с сыном волшебника, который поразил мечом первого Императора Зла.

— Девочка моя! Мне неизвестно, кто поразил Императора, но наверняка это был отец твоего Вероиса. Тогда радуйся — твой жених ещё и волшебник... добрый волшебник! Это же прекрасно!

— Постой, мама... капитан Вероис Сенам мне пока ещё не жених, и он не похож на волшебника. И вряд ли его отец был здесь во время войны.

Алерта отвела Аулу за руку поодаль от толпы и спросила, внимательно посмотрев ей в глаза:

— Тогда кто похож на волшебника?

— Я не знаю... Хотя... я знала когда-то одного из них, только он был до сих пор не на своём месте.

— Я догадываюсь, о ком ты говоришь, — шёпотом сказала Алерта. — Но ты привела в дом другого... Но всё же, чтобы ни случилось, не теряй силу духа, если тебе суждено быть с тем человеком, значит, вы будете с ним, несмотря ни на что. Он придёт к тебе и всё у вас будет хорошо.

— Спасибо, мама! Теперь ты велишь мне поступать так же, как и он.

Аула обняла её, залившись слезами, и наплакалась вдоволь, пока никто этого не видел.

Между тем праздник продолжался, веселье было в самом разгаре, и вскоре все, кто ещё в нём не участвовал, присоединились к шумной деревенской толпе.

Глава восемнадцатая

Капитан Вероис Сенам пробыл в гостях у своих новых авингорских друзей три дня. Когда же на четвёртый день он отбыл, к счастью, без участия в этом сельских старейшин и ищек из числа местной молодёжи, нанятых для поимки недавнего загадочного нарушителя спокойствия, все разговоры и сплетни сводились к появлению в Авингоре редкого гостя, который задал бы фору даже столичным франтам, которые иногда проезжали мимо изредка заезжали по каким-либо своим заботам. Беда этих франтов была в том, что все они, за редкими исключениями, были высокомерны, горделивы, кичились своим положением в обществе и проживанием в главном городе Королевства и смотрели на жителей более отдалённых городов, а тем более селений как на тупых, неотёсанных и малообразованных дикарей, безнадёжно отставших от жизни и потому недостойных даже просто беседовать с такими важными персонами. Этот же гость, ко всеобщему удивлению, оказался лишён всякой гордыни и фатовства, хотя по внешнему лоску и манерам не отличался от этих персон. Говоря со всеми наравне и веселясь вместе с простыми селянами, пропахшими сеном, потом и навозом, он, однако, оставался выше, или, скорее, в стороне от всевозможных подтруниваний и грубых шуток, которые порой отпускали в его адрес простые земледельцы, скотоводы, местные лавочники и разный рабочий люд. Больше всего, конечно, старался неугомонный пахарь Дино Вильга, который, судя по всему, давно уже заглядывался на прекрасную воспитанницу городского пансиона, что была дочерью зажиточного торговца, но не обращала на него ни малейшего внимания. Мало того, она, такая совсем не по-деревенски утончённая, лёгкая и воздушная, была не просто недосыгаемой, а, к тому же, ещё и откровенно считала его хамом и грубым скотом. И поэтому на второй день после весёлого вечера в доме Гио Трейга, Алерты Ахан и их старшей дочери со своим семейством Дино попытался выяснить отношения с новым ухажёром Аулы Ора, но получил достойный отпор даже без применения силы — капитан с семи звёздами на груди посадил его в самую глубокую лужу одними словами, взывающими к его совести и тому, что звёзды глядят неусыпно за теми, кого создали, и ведут счёт всем деяниям, и благим, и дурным.

— Этот лощёный святоша окунул меня лицом в мои же испражнения, — публично сетовал Дино, сидя за столиком в местном кабаке и запивая своё недавнее огорчение полной кружкой ядрёного сирта. — Да и вообще, оба они хороши, и в их глазах я просто кусок дерьма... так же, наверное, в глазах звёзд, богов или кого ещё там они чтят...

— Лучше не поминай злым словом Богов, — предупредительно ответил один из выпивох, что внимательно и сочувственно выслушивали его жалобы. — И того золочёного франта со звёздами мы тоже уже не поймаем, если он не сунется ещё раз в эту дыру за своей милашкой. А вот девку, пока она ещё здесь, есть шанс проучить.

— Это как ты собрался её проучить? — отхлебнув в очередной раз и крикнув для острастки, спросил пахарь.

— А при чём тут я? Ты на неё запал, ты и проучи. Хотя что ты своей тупой головой можешь придумать более дельного, чем поймать её вечером на улице, затащить в тёмный угол и прижать к стенке?

— А поделом, — сверкнул глазами Дино. — Сделаю это один раз — на всю жизнь хватит. Если хочешь, помоги мне в этом.

— Договорились, если уж так. Но тогда с тебя, Дино Вильга, бочонок самодельного

сирта к следующей декаде. Понял?

— Понял, Кердо... по рукам!

Пока злоумышленники обсуждали на хмельную голову свои планы и способы их осуществления, в доме торговца Гио и в соседних с ним домах никто даже ни о чём плохом не подозревал. Жизнь текла своим чередом, разве что все находились под приятным впечатлением от недавнего визита капитана Вероиса, что был родом из далёкого прекрасного мира, о котором здесь знали или слышали лишь немногие.

— А если вам повезёт, — говорила Мелла между повседневными заботами, — может, вы с Вероисом посетите его родину или даже поселитесь там. Только не забывайте, пожалуйста, о нас и прилетайте в гости.

— Ах, Мелла... я уже говорила вам с Трисией, что для того, чтобы капитан мог вернуться к себе на родину, ему нужен портал или корабль, способный лететь со скоростью мысли Творца Вселенной, а в нашем мире такое ещё не изобрели, и я не знаю, как скоро может это случиться.

Говоря это, Аула с особой тщательностью натирала до блеска серебряные миски, блюда в фирме ромбов и такие же изысканные ромбовидные ложки, недавно привезённые отцом из столичной лавки в обмен на дорогие изделия из атласа и древесной шерсти, сотканые и сшитые Алертой с дочерьми и их подругами.

— Тогда радуйтесь — вы можете прожить всю жизнь на Элайе и после смерти улететь к той далёкой звезде, если не захотите остаться здесь, — без обиняков ответила Мелла.

— А почему мы после смерти не можем быть там, где нам уютно и где мы родились? — спросила Аула.

— Ну вы же — половинки... вы даже чем-то похожи между собой. Наверное, твоя душа родом с Эрры или его — отсюда или из другого здешнего мира, и тогда вам суждено быть вместе и при жизни, и после смерти.

— Пока я не чувствую, что мы с Вероисом, как ты говоришь, половинки, — отвечала Аула, берясь за следующую серебряную миску.

— Странно... — Мелла повела плечами, выражая некоторое недоумение. — Тогда, может быть, ты ещё не осознала умом. Это мы называем — человек сам не понимает своего счастья. Но это может прийти со временем, и тогда ты поймёшь, что любишь его больше своей жизни.

— Хорошо, — неожиданно сдалась Аула. — Я постараюсь... хотя, честно, я с самого начала считала Вероиса просто хорошим другом.

— Ага... — на лице Меллы появилось свойственное её натуре некоторое ехидство. — Хорош тот друг, который при любом удобном случае распускает руки... Мы всё видели, но скажи, действительно ли ты всё ещё не хочешь стать его женой?

— Я не знаю, хочу я этого или нет... но если так предначертано, я могу смириться с неизбежностью и выйти замуж за Вероиса.

— Предначертано? Смириться? Ничего себе... — Мелла от удивления даже выронила из рук кусок ткани, которым протирала начищенную до блеска кухонную утварь. — А знаешь ли ты, что каждый из нас — творец и кузнец своей судьбы? Что значит — предначертано и почему ты должна смириться с чем-то неизбежным?

— А разве это не неизбежно? — возразила Аула. — Я не хотела становиться женой этого эрранца, и вы это все знали.

— Но ты пригласила его к себе в гости...

— Только как друга...

— Как друга... который только и мечтает о том, чтобы стать твоим любовником... знаем мы таких...

Аула покраснела, сверкнула глазами и швырнула тряпку на стол между грудями чашек, блюд и ложек, собираясь как можно скорее покинуть кухню.

— Постой... — спохватилась Мелла. — Вот что за натура — по любому поводу срываться и убегать? Это ведь правда, и, если не хочешь быть любовницей Вероиса Сенама, то можешь стать его женой, на что мы все надеемся.

Аула остановилась у двери, не успев её распахнуть и выбежать вон.

— Да, наверное, для того чтобы не стать его любовницей или не остаться просто другом, заставив его страдать, нужно выйти за него замуж, — пробормотала Аула. — И, наверное, это неизбежно, хотя раньше я считала неизбежным другое...

— Ну вот видишь... считала неизбежным... и приложила все усилия, чтобы оно свершилось, но, увы, не дотянула...

— Хватит! — на этот раз Аула бросилась не к двери, а к полкам с посудой, у которых хлопотала старшая сестра. — Не рви мою рану... если ты будешь это делать, она никогда не заживёт. То, что ты видишь на поверхности — это мираж, и я надеялась, встретив капитана Вероиса...

— Залечить эту рану, забыть прошлое... Я понимаю тебя. Бедная девочка!

Аула вспыхнула, потому что на самом деле хотела сказать другое. Читатель, наверное, помнит, что с самого начала, встретив капитана и познакомившись с ним ближе, она увидела в нахлынувшем видении своего старого друга Этта Мора, который был для неё больше и ближе, чем просто друг, и умолял её вернуться, чтобы разделить их общую судьбу. Тогда Аула испугалась этого видения, считая его наваждением и происками недобрых сил, равно как и приснившийся ей когда-то сон, совпавший со смертью старшей директрисы Лиерамского пансиона. Однако, о чём не идёт речь дальше, но о чём прозорливый читатель мог догадаться, позже она поняла, что недобрые силы были здесь ни при чём и он звал её, применив для этого свои природные способности и знания по магии, которая, в соответствии с его натурой, вряд ли могла быть тёмной и зловредной. И тогда девушка решила, что, встретившись с капитаном Вероисом ещё раз, она даст Этту почувствовать это снова и позвать её ещё раз. Однако, после встречи в Арохене в памятный день награждения лучших учениц трёх из десяти пансионеров госпожи Наофин, ничего не произошло. Тогда Аула поняла, что Этт забыл её или, по крайней мере, глубоко подавил свою боль, решив уйти навсегда в мир жрецов и монахов — ведь именно в этом году он окончил семинарию и наверняка получил, вместе со свидетельством об его окончании, регалии посвящения в Высший жреческий Совет. Разумеется, она не знала того, что произошло на самом деле и даже не догадывалась — как будто кто-то тайным вмешательством нарочно скрывал от её разума истинное положение вещей. Конечно, это не могла быть Сетта Райх, которая, напротив, говорила ей об обратном. Но тогда кто мог ей мешать?

В общем, об этом Аула последнее время старалась не думать вообще и теперь действительно пыталась «залечить рану», связав свою судьбу с капитаном Вероисом. Ей было приятно общение с ним, и старая рана действительно потихоньку стала затягиваться, прошлое стало подёргиваться пеленой, хотя несчастная девушка понимала, что не избавляется от боли, связанной с прошлым, а хоронит её в глубине своей души, под наслоениями, которые со временем, становясь всё толще, скроют и утопят её, и тогда она

перестанет давать о себе знать. Так, говорят, лечит время. Однако она даже не могла себе представить, хотя и предполагала, что может произойти, если однажды, даже много лет спустя, она встретит вновь своего Волшебника и тогда всё это глубоко захороненное внезапно прорвётся из глубин и всплывёт наружу, разорвав оковы, разрушив её жизнь и, возможно, её саму. И тогда она ещё вспомнит, что совсем забыла о том, для чего вообще прибыла в этот мир. И что будет, если и вправду никому, кроме неё, не под силу окажется остановить Императоров, готовящих, по слухам, новое покушение на судьбу мира Элайи, а она, забыв о своей миссии и связавшись с тем, кто не может разделить с ней выполнение этой миссии, позволит Злу поработить этот мир и, возможно, все соседние миры? Тогда своим попустительством она причинит светлым Детям Небесного Ока страшный вред, за что ответит перед Теми, кто её сюда послал...

Однако всё же Судьба, если она и впрямь существовала, вопреки заверениям Меллы и других подобных ей умников, не дала Ауле Ора погрязнуть в мире человеческих страстей, привязанностей и мелочного быта, забыв о своей Главной Цели. В ту же ночь, после разговора с Меллой на кухне, Ауле приснился необычный сон — одно из тех несчастных сновидений, которые бывают ярче яви, потрясают до самых сокровенных глубин души и оставляют нерешённым вопрос — сон это был или какая-то иная явь, где человек оказывается на самом деле, пока его тело спит на своей лежанке. Она увидела себя посреди незнакомой местности. Вокруг были холмы и небольшие сопки, похожие на те, что окружали селение Авингор, но всё же не совсем такие. Они были покрыты цветущими травами, кустарниками и деревьями, которые были больше и выше, чем наяву. Был яркий день, и слепящий белый с лёгкой голубизной шар Небесного Ока щедро разливал свои лучи и тепло, даря жизнь всему, что под ним росло и цвело. На одном из холмов девушка разглядела величественное здание, похожее на храм с шестью стенами, выстроенный из застывшей горной слезы и самоцветных камней, однако казалось, что стены этого храма сделаны всё же не из камня, а сотканы из воздуха, принявшего форму камня. Аула немедля направилась к раскрытым воротам и, пройдя через внешний зал с колоннами во внутренний, остановилась перед большим алтарём, на котором была выгравирована сияющая бело-голубая звезда. В середине этой звезды пылал огненный вихрь, поднимавшийся до самой вершины купола и рассеивающий по всему залу разноцветные звёздочки-искорки.

— Где я? — спросила Аула, растерянно озираясь по сторонам, на стены, украшенные драгоценными прозрачными изваяниями небесных Управителей и их Посланцев с сияющими мечами и огненными шарами, и её голос отозвался от этих стен и изваяний многократным эхо. — И кто главный служитель этого храма?

Она ожидала увидеть кого угодно, даже если это окажется злобный демон-искуситель или поработитель, заманивший её в ловушку, или уж вообще никто не появится, но только не того, кто явился на самом деле. В ответ на её зов одна из стен подалась, открыв ещё одно, скрытое пространство внутри храма, куда вели ступени из переливающегося перламутром эсмидиана. По этим ступеням к ней спускался молодой жрец с прекрасными тёмными глазами и волнистой шевелюрой цвета ствола харры, похожий с виду на человека из тенгинской знати, но несколько светлее лицом. От неожиданности Аула так растерялась, что не знала, что ей делать — бежать из этого храма куда глаза глядят, броситься навстречу этому человеку или оставаться стоять на месте. Не исключено было, что некто, принявший вид Этта Мора, мог оказаться обернувшимся им демоном, намеренным причинить ей вред, или злобным принцем, о котором предупреждала её госпожа Сеттия. Поэтому желание

скорее покинуть это место пересилило все остальные мысли, чувства и побуждения Аулы, и она уже повернулась к воротам, чтобы сделать это, как молодой жрец окликнул её.

— Постой, Эас! Для того ли Ты пришла в эту обитель, чтобы так скоро уйти, даже не поговорив со мной?

От этих слов у неё подкосились ноги, и она упала бы на каменный пол, если бы жрец вовремя не подскочил и не поддержал её. Аула обернулась — и в тот же миг очутилась в объятиях Этта или того, кто ещё мог принять его вид. То, что он назвал её Эас, и то невыразимое ощущение радости и свободы, которое охватило её, наводило на мысль, что это был всё-таки настоящий Этт Мор. И всё же ум Аулы продолжал сомневаться.

— О, пожалуйста... объясни мне, кто бы ты ни был... где я? Что здесь происходит и почему ты назвал меня этим именем?

— Я назвал тебя так, потому что ты — моя Эас, хотя люди зовут тебя иначе. А меня они зовут именем Этт, сын Мора, но моё настоящее имя — Этагор, Южный Ветер. Не бойся меня, я тот, кто может помочь тебе на твоём пути, а не поймать в сети.

— Я верю, верю... Но для кого ты выстроил этот храм?

— Для тебя. Взгляни на этот прекрасный храм Богини Ветров, прекрасной Эас! Это твой дом, я выстроил его для тебя, потому что я — твой жрец, а ты — моя Богиня...

— Послушай меня, Этт... я хоть и начинаю верить во всё это, но с трудом. И чувствую себя недостойной того, что ты мне предлагаешь. Храм для меня? Но я не Богиня, я не Эас моё имя Аула Ора! Оставь меня! Кто ты? Не демон ли ты, пришедший или вызвавший меня к себе для того, чтобы заманить в ловушку, совратить и погубить? Ответь мне «да» и я поверю... и призову мою Силу, которая поразит тебя с помощью твоего же заклинания. Ассалем, ассалем, ассалем!

Однако заклинание не действовало. И вместо сверхъестественной силы, которую Аула вознамерилась поднять изнутри себя и поразить демона, она подняла наружу лишь свой страх. И продолжала биться в его руках, пока весь её пыл к сопротивлению не иссяк, а страх — не вышел наружу. Тогда она просто повисла на его плече и отдалась тому приятному чувству спокойствия, внутренней свободы, гармонии и единства, которые ощущала только будучи рядом с этим человеком.

— Прости меня, Этт, — сказала она совсем тихо, как будто в храме был кто-то ещё, кто бы мог это услышать. — Мне хорошо с тобой и больше ни с кем не бывает так хорошо, ты можешь освободить от страхов и условностей... и я почти верю тому, что ты Этагор, а я Эас. Но скажи мне, что делать с тем, кто вознамерился погубить нас, подослав мне иного человека? Он хочет, чтобы я стала его женой, и этого хотят все остальные, но я не хочу этого. Что мне делать?

— Выбор за тобой, Аула, — ответил он так же тихо, успокаивающе, глядя её по голове и плечам, отчего она сильнее льнула к нему, а он ощущал при этом, что соединяется с её внутренней сутью и растворяется в ней. — Выбирай сердцем, а не умом, своим или других людей. Тот, о ком ты говоришь, находится во власти злых чар, но не может этого понять. Он застрял в них так же, как и мире Элайи, и мы можем освободить его от этого, если объединимся и победим Зло. Ты веришь мне сейчас?

— С трудом... я не знала... капитан Вероис не похож на злодея.

— Он не злодей. Но те, что поймали Вероиса в свои сети — настоящие чудовища. И они наводят на всех мрак ума, заставляя его всех очаровывать и всем нравиться, хотя находятся и те, кто не поддаётся этим чарам. Помни: зло совсем не обязательно выглядит чёрным и

жестоким, и твоя жизнь с капитаном Вероисом может быть безмятежной... но в ней ты крепко заснёшь и позабудешь о своём истинном предназначении. И поэтому станешь уязвимой для тех, кто сможет потом взять тебя голыми руками, увести от твоего несчастного мужа и детей и использовать в своих корыстных целях. Не начали ли уже эти чары действовать?

— О да... ты прав, они начали уже действовать... но ты вовремя меня предупредил. Почему ты не приходил ко мне всё это время?

— Я не мог преодолеть той стены, которая была выстроена между нами силами Тьмы, — признался Этт. — Моих сил и знаний для этого было недостаточно. Но теперь я нашёл способ пробить в ней брешь, и теперь я снова с тобой. Желаете ли ты, чтобы мы виделись в наших снах чаще, потом встретились наяву и больше не расставались?

— О да, конечно! Я всегда мечтала об этом.

— Это будет исполнено, верь мне. Но обещай мне, что не станешь выходить замуж за капитана Вероиса. Если ты свяжешь себя с ним брачными узами, то станешь лёгкой добычей Тьмы, а я не смогу тебе помочь.

— Обещаю... нет... я клянусь всем, что у меня есть, что никогда не стану его женой! Я не хочу попасть в лапы Тьмы.

— Негоже клясться, Аула, но твоё обещание верно. А теперь, чтобы не осталось больше сомнений и смятения в твоей душе — посмотри на меня внимательно и без страха в душе.

Аула слегка отстранилась и взгляделась в его лицо, руки и весь образ в целом. И тогда образ Этт Мор, каким он всегда был, исчез. Вместо него перед ней был сияющий нездешним светом могущественный Светлый воин, Владыка Ветров по имени Этагор, Послание Высших Сил, равный ей в своей сути. Его огромные крылья, вовсе не похожие на крылья человекодраконов или демонов, касались стен храма, и этими крыльями он окутал её всю, даря тепло, любовь и исцеление от всех страданий. Она была счастлива как никогда, и продолжала парить душой, находясь в этом прекрасном состоянии, пока яркий луч Небесного Ока не разбудил её.

— Ну и сон...

Аула сладко потянулась, жмурясь от яростно светивших в лицо солнечных лучей, и взглянула на лежавший на тумбочке небольшой алмазный диск, в центре которого располагался небольшой кристалл, а вокруг располагалось множество маленьких огоньков. Те из огоньков, которые горели, не мигая, ровным зелёным светом, показывали минуты, а другие, поменьше, светились ярко-красным и показывали миги. Ещё более мелкие синие огоньки мигали очень быстро и показывали семидесятые доли одного мига. Сам же кристалл посередине менял свой цвет двадцать четыре раза в сутки, показывая тот или иной час. Судя по тому, что кристалл светился ярко-голубым, а зелёных огоньков было шестьдесят девять, было уже одиннадцать часов.

Наскоро умывшись и надев лёгкое платье из струящегося плеринового шёлка, она спустилась вниз, на первый этаж. В гостинном зале хлопотали Алерта, Дейна Торис с юной Лофией и несколько соседок, а на широкой скамье, отделанной под мягкий пуф, расположилась Мелла с малюткой Рэйной. Судя по всему, она только что закончила кормить дочурку грудным молоком. Снаружи, на широкой террасе, резвились двое маленьких разбойников, временами забегая в зал с перепачканными грязью мордашками и получая очередной нагоняй от строгой няньки. С другой стороны, около задёрнутого матерчатými ширмами очага, на невысоких треножниках сидели здоровяк Оллсо и брат Лофии Отт и

напару чинили поломавшуюся деталь недавно купленной шестиколёсной драбины.

Увидев спускающуюся к ним Аулу, все хором повернули к ней головы.

— Солнце встало, наступил рассвет... — продекларировала Лофия, заканчивая убирать со стен декорации в виде длинных лент. — Счастливого пробуждения, Аула!

— Счастливого пробуждения, детка! — поприветствовали её Алерта и Дейна.

— И вам всем, кто уже пробудился, — ответила Аула.

На одной из тумб в левом углу гостиного зала лежал брошенный бароган. Не в состоянии скрыть странную улыбку на лице, Аула подошла, взяла в руки инструмент и принялась играть панфилет на известные стихи безымянного поэта о том, как пробудившееся солнце прояснило всё, что было неясно в отношениях молодого воина Гварда и его прекрасной возлюбленной, феи дождя Фелестины. Дойдя же до того места баллады, в котором пробудившееся Небесное Око своими лучами показывает Гварду, что его возлюбленная — отвратительное, злобное чудовище, одно из тех, что губит заблудившихся путников вместо того, чтобы показать им дорогу, она ударила по струнам так, что гул от этого удара раздался по всему дому, вызвав испуганные возгласы женщин и разбудив мирно заснувшую Рэйну.

— Зачем ты это сделала? — вскочив с места и схватившись за сердце, крикнула Мелла. — Ты напугала мою малютку, и теперь она кричит!

— Она волнуется, — ответила ей мать, и в её голосе слышались слегка грустные нотки.

— Ах да... конечно, она ведь внутренне готовится к тому, чтобы стать женой знатного человека из Арохена и наверняка её душу терзают сомнения... Мой Оллсо, конечно, не знатный человек и не капитан, но в своё время я волновалась несколько не меньше.

Услышав своё имя, Оллсо с укоризной взглянул на жену и вновь принялся ковыряться в испорченной детали.

Аула бросила бароган на прежнее место и уселась на пуфик рядом с тумбой.

— Зачем вы говорите о том, чего не знаете?

— Чего же мы не знаем? — спросила одна из подруг Алерты, жившей в соседнем доме слева от главного входа во двор их дома, а сейчас бывшей у них в гостях.

— Того, что сегодня пойдёт дождь. Но пойдёт он не просто так, а покажет своими каплями то, как было больно славному Гварду узнать и увидеть вместо прекрасной Фелестины жуткого монстра, похищающего души путников. Справедливо ли это?

— Я совсем не понимаю, о чём ты говоришь, — пожалала плечами женщина.

— И я не понимаю, — поддержала её Дейна.

— А я понимаю, — буркнула себе под нос Алерта, подшивая маленьким трапелом подол очередного сотканного предмета женской одежды, который она готовилась отдать мужу, когда тот вернётся из поездок по городам за товаром. — Но ничего никому не скажу, пусть это решает Провидение.

Мелла, заново убаюкав дочурку, встала со своего места и подошла к ним, подбоченясь, как будто была в этом дома самой важной персоной, даже важнее, чем её мать.

— Провидение нам всё и так уже показало, — сказала она с привычной ехидцей, улыбаясь тонкими губами. — Если бы было иначе, то мы бы все это видели, не так ли?

— Так, так, — ответила ей мать. — Пока всё так, как есть.

— Не нужно загадок, мама. Ты теперь ещё более загадочна, чем Аула. Странно ведь, что она спустилась к нам с таким видом, как будто ей всю ночь снился капитан Вероис, а теперь

она рвёт струны и швыряет бароган. Чего-то я тут не до конца понимаю...

«И не поймёшь, если не оставишь свою гнусную привычку обсуждать меня за глаза в моём же присутствии», — подумала Аула, яростно сверкнув глазами, затем поднялась с места, схватила пару больших корзин и направилась к выходу.

— Куда она ушла? — спросила Мелла, как только младшая сестра скрылась в дверях. — Даже не поев и не поговорив с нами.

— Наверное, она пошла собирать цветочную росу, — ответила ей мать.

— Собирать росу в такой час? Она ведь уже вся высохла, — заметила соседка.

— Ну тогда, может быть, пыльцу... или погулять по полям. Что вам за дело всё время следить за Аулой?

— Просто это более чем странно, — сказала другая соседка. — Я давно знаю вашу Аулу, она всегда такая, но надеялась, что она станет сговорчивей, когда повзрослеет...

— Уж поверьте мне, — перебила её Мелла, — я знаю свою сестру куда лучше, скорее всего, сговорчивость ей не свойственна вообще. А теперь и подавно, когда она награждена регалиями лучшей ученицы оттарийского пансиона и готовится стать женой звёздного капитана. Но вообще, не думаю, что разумно говорить о ней за глаза, особенно сейчас...

— Ты ли это говоришь, Мелла? — Алерта от удивления даже перестала шить.

— Прошу прощения, если сказала что-то не то, — на лице Меллы появился привычный сарказм. — Но неужели вы все думаете, что мы с Трисией способны только на сплетни и злословие?

Ответом ей было дружное молчание, которое показывало, что именно так они все и думали.

Куда и для чего в действительности могла отправиться Аула в знойный летний день, догадаться несложно. Она не была на не так давно взбаламученном ею озере шестнадцать дней, и поэтому ей не терпелось узнать, что там происходило на самом деле. За это время картина мало изменилась — всё та же придавленная илом синевато-зелёная трава, поломанные кусты и потрёпанные молодые деревца, на стволах, ветвях и листьях которых виднелась засохшая грязь. Вода в озере была прозрачной, однако на дне виднелись следы недавнего разрушения, причинённое ею по одному лишь глупому желанию. Вздохнув, Аула мысленно попросила у Природы прощения за содеянное и принялась собирать съедобные цветы, коренья и целебные травы, о пользе которых знала из книг и рассказов местных знахарей. Затем, набрав полные корзины припасов, присела отдохнуть на привычный с детства большой камень недалеко от юго-западного берега озера и задумалась о самом главном, что её тревожило с ранних лет — о необычности и неправдоподобности всего, что с нею происходило и продолжает происходить.

Первым из всего этого было то, что ей говорили о ней самой те, кто по определению, не был друг с другом связан — Этт, её мать и директриса Арохенского девичьего пансиона. Действительно ли она является, по какому-то абсурдному повелению Высших Богов и Природы, воплощением одного из Ста Архонтов древнейшей Аттары, точнее, тех девяноста, что остались верны Высшей Мудрости? Или её непонятная сила, которая терзала её с ранних лет, ища себе выхода и применения, имеет другую, тёмную природу, а то, что она о себе знает, является чьим-то тщательно спланированным обманом? Этого она точно не знала и пока никак не могла проверить.

Вторым, что не давало покоя Ауле, были странные сны и видения, которые временами её посещали. Они отнюдь не были абсурдными, запутанными и лишёнными смысла, в них

всё было предельно просто и ясно, однако то, что в них было, настораживало её и пугало — именно потому, что было неразрывно переплетено с жизнью наяву. Если её давний сон о победе над злой колдуньей был пророческим, то не был ли таковым нынешний — о том, что из себя представляют она сама, её старый друг Этт Мор и звёздный капитан Вероис Сенам? Действительно ли капитан был в руках сил Тьмы и вершил зло, даже не подозревая об этом? И был ли в самом деле Этт, нынешний выпускник жреческой семинарии и к тому же, вдобавок, прирождённый волшебник и целитель, тем, кем показал себя в этом сновидении — могущественным воителем Светлых Сил, бессмертным Архонтом по имени Этагор легендарным Владыкой Южных звёздных Ветров, верным спутником и возлюбленным небесноокой Богини Эас?

В-третьих...

Вопросов, вертящихся в голове у Аулы, было бесконечное множество. И вместо того, чтобы пытаться разрешить каждый из них, напрягая ум, она решила поступить иначе — отпустить все свои мысли с переживаниями и просто созерцать окружающий мир одновременно со своим внутренним миром, заглядывая в суть того и другого и соединяя их воедино в надежде, что ответ придёт сам собой.

Через два часа после полудня повеяло прохладой, в небе стали собираться тучи и стал накрапывать редкий дождик. Постепенно крупных капель становилось всё больше и больше, пока, наконец, дождик не превратился сначала в дождь, а затем в настоящий ливень. Однако Аула не двигалась с места: промокнуть до нитки под тёплым летним дождём для неё было почти тем же удовольствием, что и искупаться в тёплом прозрачном озере. Так она провела под ливнем до самого позднего вечера, а когда небо прояснилось и на нём появились ночные светила, нырнула прямо в одежду в озеро, вода в котором показалась ей немного теплее, чем дождь. После чего, отжав воду из подола и подхватив вымокшие корзины с собранными дарами леса, побрела босиком домой.

Но обратно Ауле не удалось вернуться никем не замеченной. Миновав центральные улицы, она свернула в узкие улочки и переулки между дворами и, проходя по ним мимо нескольких таверн и ключно-замочной мастерской, заметила чью-то тень, мелькнувшую в свете фонарей. Кто-то, нечёсанный, неопрятный и не совсем трезвый, вынырнул из ближайшей подворотни, преградил девушке дорогу и схватил её за руки, заломив их за спину.

— Она здесь! — заорал он, грубо преодолевая сопротивление отбивающейся жертвы и не обращая внимания на её крики. — Я поймал её!

В ту же минуту подоспел второй, в котором Аула узнала наглого пахаря по имени Дино, который восседал в доме старейшин, решая вместе с ними судьбу капитана Вероиса. Продолжая отбиваться собирая при этом воедино силу своего духа, она ухитрилась вывернуться из лап схватившего её выпивохи, однако тут же оказалась в более крепких объятиях его приятеля.

— Попалась, деточка! — сказал он победным тоном и потащил её в подворотню, грубо прижимая к себе и насильно целуя в губы. — Теперь ты узнаешь, что по сравнению со мной твой лощёный столичный олух?..

— Да будь ты проклят Богами, Дино Вильга! — прокричала Аула прямо ему в лицо и, укусив за нижнюю губу, принялась вырваться и молотить его маленькими кулаками в пропахшую зловонным потом волосатую грудь. — Отпусти меня, чудовище! Помогите, кто-нибудь!

— Никто тебе тут не поможет! — отплёвываясь, пророкотал Дино. — Ты будешь моей, и если не по жизни, то хотя бы в сегодняшнюю ночь! Держи её, Кердо, а то она извивается как червяк и кусается, как самка дикого монхора!

Аула не решалась собрать и направить на них свою скрытую силу из страха быть опознанной в случившемся на озере и публично обвинённой в колдовстве, однако всё же что-то начало подниматься в ней само собой, весь страх словно испарился, а губы твёрдо и уверенно произнесли слово, слышанное ею всего однажды: "Ассафирас!" И затем, несколько мгновений спустя, ещё одно: "Ассалем!"

То, что произошло вслед за этим, показалось ей странным не менее, чем то, что ей удалось натворить на злополучном озере. После того как из её уст вылетело первое слово-заклинание, оба насильника, не успев сделать своё грязное дело, отпрянули от неё назад, как ужаленные, и оказались сидящими в большой грязной луже. После произнесения же второго заклинания ей оставалось только бросить в них чем-то похожим на облако, что явственно ощущалось в её руках и фосфоресцировало в темноте, а её саму словно охватил вихрь. Однако она не решалась запустить этим в Дино и его собутыльника, боясь, что это может обернуться для неё большими неприятностями. Вместо этого она припустила вдоль по узкой улице, оставив их валяться в грязи.

— Стой, мерзкая колдунья! — внезапно закричал Дино, вскочил и погнался за ней.

— Давай лучше я её поймаю! — вопил припустивший за ним Кердо.

— Провались в Тьму, Кердо, сначала она будет моей!

И, нагнав девушку, Дино Вильга вновь поволок её в темноту. Однако и на этот раз им не удалось довершить начатое дело: некто третий, выше ростом, с длинными распущенными волосами и сверкающими глазами, явно сильнее их обоих, преградил им путь. Аула зажмурилась и завизжала от страха, поскольку для того, чтобы собрать силы для нового отпора, ей нужно было некоторое время, и она не была уверена, что даже применив её, сладила бы с троими дюжими парнями. Однако подоспевший верзила не стал её помогать, а вместо этого несколькими мощными ударами и пинками раскидал подвыпивших кабачников, отбив несколько их атак, пока те, обессилевшие и изрядно помятые, не побрели прочь, прихрамывая и извергая такие грязные ругательства, что даже звёзды на небе, казалось, должны были покраснеть от стыда. После чего, управившись с этим нехитрым делом, он поднял с мокрой земли плачущую девушку и, утешая, привлёк к себе.

— Эстор ами... всё уже хорошо, пойдём домой.

Аула высвободилась и посмотрела в глаза своего спасителя.

— Дэбо, как ты тут оказался?

Действительно, в свете фонарей она сумела распознать в этом человеке дзингианина, который уже много лет служил в их селении возничим.

— Ходил в мастерскую починить замок от своей хибары, — ответил тот по-амантийски, но со своим акцентом, к которому, впрочем, уже все здесь привыкли. — Когда выходил обратно, услышал крики и заглянул посмотреть, что здесь происходит.

— Мне так стыдно, — пробормотала Аула. — Я не должна была уходить одна на целый день и потом возвращаться так поздно через эти переулки. Если бы тебя здесь не оказалось... о, Дэбо, меня будут ругать!

— Не волнуйся, никто не будет тебя ругать. Пойдём домой. Но больше никогда не ходи по вечерам одна.

С этими словами он взял Аулу за руку и повёл не узкими, грязными улочками и

закоулками, а другой дорогой, которая была шире и проходила мимо здания управления, разъездного двора и уже закрывшихся торговых лавок. Аула нарочно не пошла сама этой дорогой, намереваясь добраться до дома незамеченной, однако возникшему, несмотря на его физическую силу, бесстрашию и уверенность, не хотелось оказаться под угрозой нападения исподтишка какого-нибудь пьянчуги, деревенского разбойника или стаи голодных кинов. При всём этом его, в отличие от неё, мало смущали подозрительные взгляды ещё остававшихся на улицах людей, в том числе пожилых женщин, для которых самым любимым поводом для сплетен была трогательная картина — здоровенный и моложавый на вид холостяк Дэбо, провожающий до дома очередную девушку, добрая душа, находившая себе удовольствие исключительно в том, чтобы быть кому-нибудь полезной.

Глава девятнадцатая

Огромные, низкие, свинцово-серые тучи закрывали небосвод, оставляя лишь небольшие просветы, в которые заглядывал скудный вечерний свет. Длинные ветвистые молнии, голубые, фиолетовые и белые, то и дело полосовали небо, ударяя то в высокие крыши городских зданий, то в вершины холмов, скал на суровом северо-западном побережье и утёсов, в подножия которых то и дело ударялись высокие, пенистые морские волны. Иногда грозные небесные стрелы попадали в деревья или кусты, отчего те загорались или вовсе с громким треском разлетались на куски. Оглушительный гром наводил ужас на всё живое и заставлял прятаться в надёжные укрытия.

Большая иссиня-чёрная птица (очевидно, это был ворон), с недовольным карканьем снялась с высокой башни одного из величественных арохенских зданий и, несмотря на косой ливень, направилась дальше на запад. Временами пернатый путешественник останавливался, чтобы немного отдохнуть, однако дождь, не перестававший лить ни на мгновение, не давал покоя. И тогда ворон летел дальше, уже над беснующимся морем, подгоняемый свистом ветра, громовыми раскатами и беспрестанными вспышками молний.

Нужно сказать, что гроза на востоке, над огромным куском суши, была не такой сильной и наверняка уже сходила на нет, поскольку громадная чёрно-серая туча, подгоняемая штормовым ветром, быстро двигалась на северо-запад. Однако здесь, на северо-западном побережье и над океаном, она дала о себе знать во всю свою мощь, которую с древности одни люди считали гневом Богов или Природы, а другие — милостью, поскольку именно после таких сильных гроз с обильными дождями обычно бывали обильные урожаи и расцвет всего живого. Но, с другой стороны, все люди, животные и прочие существа до смерти боялись шторма, грома и молний и прятались, кроме, пожалуй, одного слишком смелого пернатого создания, которому вздумалось лететь сквозь такую грозу далеко на запад из того самого места, где находился величественный город людей под названием Арохен.

Наконец, измученная грозой и ливнем птица, миновав множество скалистых островов и утёсов, не дававших нужного приюта, принялась описывать круги над юго-западным побережьем огромного острова. Горные хребты и долины были едва видны за стеной дождя, однако пернатый странник безошибочно определил пятно человеческого города и огромного дневного замка. Сделав последний рывок, он направился туда и, снижаясь над замком, едва не попал под удар громадной голубовато-фиолетовой вспышки. Наконец, злосчастный ворон с громким криком, заглушаемым раскатами грома, влетел в узкий чёрный проём ничем не защищённого окна в одной из башен, спустился, описывая спирали, в самый низ, в тронный зал, и бессильно упал на ковёр у самых ног королевы Ардаманта, обратившись облачённым в поблёскивающую чешуйчатую броню принцем Мораном.

— Моран! Ты вернулся домой один, не предупредив меня об этом, и всё это время не подавал о себе никаких вестей?

Иера встала, сама не зная, что бы ей хотелось сделать с сыном, который явился в самый разгар грозы и без обещанных пленников. Однако, наклонившись, она увидела, насколько измученный вид был у принца, и вместо того, чтобы ударить его или сделать что-то ещё, склонилась над ним, дотронулась до плеча и мокрых разлохмаченных волос, мысленно проклиная себя за эту материнскую слабость. Лицо принца было бледно, а глаза закрыты.

— Моран... сын мой... очнись! Ты слышишь меня? Где эти проклятые слуги?..

В тот же миг к ним уже подбегали три молодых служанки, две из них — с большим широким сосудом с тёплой водой, а третья — с широким длинным полотенцем и пузырьком, полным какого-то снадобья.

— Мы пришли вовремя, Ваше Величество? — спросила та из девушек, что несла полотенце и снадобье.

— Принц ещё жив? — послышался робкий вопрос от другой.

— Если бы он был мёртв, я бы убила вас сейчас на месте! Приведите его немедленно в порядок!

Служанки повиновались, подняли принца и принялись окунать головой в сосуд с водой, в которую одна из них вылила немного содержимого из небольшого стеклянного флакона. Королева-мать металась, придумывая, какую бы кару обрушить на них, если они утопят в этом чане её родного сына. Однако вскоре послышалось бульканье, и тогда они проворно вытащили голову Морана из сосуда и накрыли полотенцем. Принц открыл глаза.

— Где я? — спросил он еле ворочавшимся языком.

— Дома ты, болван! — закричала королева, подскакивая к нему и отпихивая служанок, отчего одна из них едва не угодила в воду со снадобьем целиком. — Говори, щенок, почему ты явился один и почему целых три года от тебя не было ни весточки? Что ты делал, Тьма тебя разбери?

— Тьма... всё равно что наша мать, и пугать меня ею — всё равно, что пугать смертью Владык Времени. Я всё расскажу...

Приобняв мать, он поднялся на ноги и, опираясь на неё, доковылял до трона и уселся на одну из ступеней. Сбросив с себя руку сына, Иера отряхнулась, поправила съехавшую набок диадему и длинные кудрявые волны золотисто-рыжих волос и, гневно сверкнув глазами, послала служанкам несколько длинных искр, отчего те в ужасе убежали прочь.

— А теперь — рассказывай, — сказала колдунья после паузы, за которую успела, закрыв глаза, утихомирить бушевавшую в ней бурю магической силы, которой набралась уже изрядно за три года непрерывного самообучения высшей магии Тьмы. — Только не выводите меня из себя, я пока ещё не научилась в совершенстве управлять тем, что сумела в себе разбудить.

— Никто не учил меня магии, пока я жил среди этих амантыйцев, и верно то, что далеко не все из них тупицы. Ты сказала мне тогда привести волшебника, за которым придёт девчонка...

— Да, Моран, именно это. Так где же он? Отвечай, не тяни время и не испытывай моё терпение!

— Я всё расскажу, если ты найдёшь терпение меня выслушать. Мы просчитались. Кто я такой в сравнении с самим Этагором?

— Что ты сказал? — королева резко встала, нахмурившись, раскрыв рот и сверкая глазами так, что из них и впрямь вылетали молнии. — За Этагором я тебя точно не посылала, а велела тебе привести сюда волшебника, который засел в сердце той... ты же знаешь, что её саму мы не можем взять голыми руками, но вот того парня...

Моран поднялся на ноги вслед за ней, схватил за плечи и слегка потряс.

— А ты понимаешь, что его мы тоже не можем взять? Хотя, конечно, предположили, что он тоже может оказаться одним из них... И пока я сделал всё что мог, и попытался сделать так, чтобы хотя бы прервать между ними связь, до тех пор, пока он не окажется в наших руках, я использовал для этого все свои умения...

— И как ты их использовал?

— Я потратил на это все свои силы, и у меня даже не осталось их на то, чтобы посылать тебе вести. Но всё это пошло насмарку, потому что этот проклятый жрец успел разбудить в себе Архонта Света, так же как до него это сделала та девчонка! А до этого я ещё зря терял время, пытаюсь выдать себя за принца Тенгина и соблазнить арохенскую принцессу, чтобы получить власть над Амантой и тем самым покорить этих двоих, но был позорно разоблачён, моя магия и хитрость оказались бесполезны против тех, в царстве которых хозяйничают Светлые! Теперь мы пропали, потому что нет больше никого, за кем бы они оба пришли бы к нам и попались в нашу ловушку! Ты понимаешь??

Он так сильно встряхнул мать, что её голова мотнулась вбок, а корона слетела и упала на каменный пол.

— Отпусти меня, недоносок, хватит меня трясти! — закричала та и отшвырнула от себя принца, вцепившегося в неё, как клещ. — Всё это время ты делал совершенно не то, о чём я тебя просила! Хотя кого я просила... Император оставил тебя в живых только потому, что я слёзно попросила его об этом, но если ты продолжишь выводить меня из себя, я прикончу тебя сама! Слышишь ты, ублюдок, жалкое отродье той собаки с крыльями, которая посмела...

— Что?..

Принц в нерешительности поглядел на свои руки и ноги, ощупал себя, потом вопрошающе взглянул на мать.

— Разве я не потомок Императора Паллиэна? — спросил он.

— Императора Паллиэна... — передразнила Иера и разразилась нехорошим смехом. — А ты помнишь, чтобы у Императора на спине были следы от отрезанных драконьих крыльев? А хотя откуда ты помнишь, ты ведь был ребёнком...

— Я помню, — ответил тот со странным спокойствием в голосе, которое означало всё то же состояние ошеломления. — Но я всегда думал, что в предках Императора были Драконы и я унаследовал от них крылья, которые мне потом отрезали, потому что я не мог летать. Скажешь мне, что это не так?

— Дурак! Кретин! Когда-нибудь я расскажу тебе, кто был твой отец... если ты ещё не знаешь. И если бы не Император сейчас бы мы оба жили в Мраморных горах вместе с крылатыми огнедышащими дикарями, которые никакого отношения к Императорам не имеют и нашей власти упорно не подчиняются! Они находятся в каком-то родстве с этими Девяноста и имеют прямую связь с Богиней того огненного шара, который здесь называют Небесным Оком! Они наши враги!

— Значит, я сын врага... — уточнил Моран, вновь подступая к ней.

Внезапно тон голоса Королевы изменился и она залепетала:

— Ты — мой сын... ты — мой сын... забудь теперь то, что я тебе до этого сказала. Забудь... забудь... забудь...

Она провела изящными руками над головой принца, и тот вновь "опомнился", посмотрев на королеву ясным, решительным и колючим взглядом.

— Но я не забыл, — сказал он. — Не думай, что я стану разыскивать своего родного отца и просить у него прощения. Но должен ещё сказать... о том, что раздирает меня изнутри.

— Что же тебя раздирает?

— Если я верно догадался, мой отец был из племени драконид, которое поклоняется

силам Света и несёт в себе светлое начало. Но у меня нет крыльев, я не умею создавать внутри себя пламя и извергать его и я не поклоняюсь Богине Небесного Ока. Но я чувствую, что часть Её силы дана мне от рождения и поглощает то, что я упорно пытаюсь взрастить в себе с помощью магии Тьмы. Алхимия Тьмы, которой меня учил великий чародей Бэгморо, не способна погасить пламя, которое таится у меня внутри, а если оно прорвётся, то спалит всю Тьму, которую я обрёл. И пока что я нахожусь в страшном напряжении и трачу все свои силы на то, чтобы удержать равновесие, как это делают, наверное, Серые маги.

Иера засмеялась.

— К сожалению, с Серой магией я не знакома, но не думаю, что такие маги испытывают то же, что и ты. Нет, Моран, силы, которые в тебе таятся, совсем иного порядка, чем те, которыми орудуют обычные маги — белые, чёрные или серые. Ни один обычный маг не имеет дела с силами высшего порядка, управляющими Мирозданием, а если это происходит, тогда он перестаёт быть волшебником, а становится ведомым этими силами, он становится жрецом — Светлым или Тёмным. Серых жрецов не бывает.

— А кто тогда ты, маг или жрица Тьмы? — полюбопытствовал Моран.

— Попробуй догадаться сам, если в тебе есть хотя бы крупица разума. И если ты всё-таки хочешь сделать окончательный выбор, тебе нужен не Бэгморо. Да, он Алхимик и я тоже кое-чему учусь у него, однако его нельзя назвать Мастером Тьмы. Открою свой секрет: я училась этому у самого Императора Паллиэна, твоего отчима.

— Почему ты мне раньше об этом не сказала? — оживился Моран. — Так, выходит, ты можешь мне помочь?

— Могу. Нет ничего сложного в том, чтобы закрыть доступ к источнику света в своём сердце и обратить в кромешную тьму те его остатки, которые ещё будут в тебе. После этого ты перестанешь терять энергию на внутреннюю борьбу и сможешь направить её на действительно полезные дела. Так ты готов?

— Да! Я готов.

— Тогда иди за мной.

Они пошли по длинной извилистой лестнице вглубь замка и вверх, в сторону западной башни. Здесь находилась потайная комната, о которой никто в замке, кроме самой Королевы, не знал. Иера поспешно отперла дверь.

— Здесь темно, — раздался в гулкой тишине голос принца.

Она зажгла светильник — длинный факел с ярко горящим кристаллом на вершине, взяла сына за руку и повела вглубь прохладного пыльного помещения. Затем поставила светильник в узкий серебряный сосуд на небольшой высокой тумбе посередине комнаты, достала со стеной полки странный предмет — совершенно прозрачный, бесцветный пятиугольный кристалл, и вручила его принцу.

— Что это такое? — спросил Моран.

— Алхимический кристалл, который хранился у Императора Паллиэна ещё со времени его пребывания на Энибии. Сожми его обеими руками и сосредоточься на том внутреннем побуждении, которое таится в тебе сейчас, на своём самом тёмном и страстном желании, которое проявится само собой. Не противься ему и смотри неотрывно на кристалл — он покажет тебе то, что в тебе есть и что поведёт тебя теперь. Ну... давай же!

Голос её, вернее, шёпот, был похож на шипение гада, однако принц, повиновавшись матери, не противился. Он сдавил ладонями холодный прозрачный камень, нагревая его, и вперил в него взгляд. Поначалу ничего не было заметно, кроме еле уловимых движений в

кристалле и в его сознании, но затем в нём зашевелилось и стало просыпаться такое чудовищное желание, что от страха юноша едва не выронил из рук кристалл.

Иера, находясь совсем недалеко, зорко следила за ним.

— Я вижу в твоих глазах страх, — громко и отчётливо произнесла она, и это немного отвлекло принца. — Ты боишься заглянуть внутрь себя и боишься своих желаний?

Кристалл становился всё теплее и понемногу обретал красноватый оттенок. Страсти понемногу вскипали в душе Морана, но сильнее других давало о себе тайное желание, которое он старательно подавлял в себе уже несколько лет. Он втайне иногда мечтал убить Королеву Тьмы, которая всё время пыталась возыметь над ним полную власть, лишая его свободы выбора, смеялась и унижала его. Но это желание возникало в нём лишь иногда, в моменты обиды, и никогда не было достаточно сильным, чтобы совершить этот поступок. Теперь же оно усиливалось, вызывая в нём неопиcуемый страх. Кристалл в его руках стал кроваво-красным и очень горячим, так что принц едва удерживал его. Ярость, безудержный гнев и ненависть постепенно заполняли каждую мельчайшую частицу его тела и существа. Теперь он уже смотрел не только на камень у себя в руках, но и на мать, которая была от него всего в трёх шагах.

— Что ты хочешь сделать? — спросила Иера, и в её голосе ему почудился страх.

В тот же миг лицо принца залила краска стыда и он затрясся от страха.

— Я хочу, но не могу это сделать... я не должен... я не должен!.. нет, нет!!!

Он уронил на пол раскалившийся кристалл, который не мог больше держать в руках, и бросился прочь.

— Трус!!! — заорала королева на весь замок. — Жалкий, подлый, никчёмный трус, дворняга, отпрыск проклятого Ктарра! Я знаю, что ты собирался сделать, но будь уверен, я бы нашла способ отразить твою атаку, какой бы она ни была! Зато ты бы получил то, что хотел, но тебе помешали твой страх и стыд!

— Я не могу убить ту, что дала мне жизнь! — тем же тоном ответил ей Моран, остановившись отдышаться и привалившись к лестничным перилам. — Пусть я останусь Тёмным только наполовину, как-нибудь справлюсь с этим сам!

— Тогда убирайся вон и больше никогда не показывайся мне на глаза! Иначе я убью тебя сама! Слышишь?! Уходи и живи как хочешь, я сама найду девчонку и уничтожу всех своих врагов!!!

Для острастки она пустила в него несколько магических стрел-молний, которые разбили в нескольких местах перила и прожгли дыры в настенных гобеленах, однако принц, вовремя обернувшись вороном, успел увернуться и вылететь в распахнутое слуховое окно.

В тот же вечер трём Императорам Зла — Арихону, Эристану и Сехантеру — развитое магическое чутьё открыло страшную тайну: древний Алхимический Кристалл, добытый ими вместе с Паллиэном из тайников десяти Архонтов Тьмы на далёкой странствующей Энибии, находится в руках ненавистной всем троим королевы Иеры, вознамерившейся во что бы то ни стало перехитрить их и получить титул единственной Императрицы в мире Элайи. Собравшись в ночь очередного Двоелуния на совет в уединённом местечке под названием Экворен, что находилось ближе к северу острова Геспирон, неподалёку от владений Императора Арихона, все трое решили: Кристалл должен быть во что бы то ни стало изъят у вдовы Паллиэна и возвращён в тайник, куда они, не посвящая её в свои дела, могут наведываться и черпать силы для дальнейших свершений и побед. Незадолго до гибели Паллиэна в последней войне камень исчез и никто не догадывался, где он находится, пока

отголосок той тёмной силы, которая начала пробуждаться в душе молодого принца и отразилась в Кристалле, не дал о себе знать тонкому чутью трёх великих Служителей Тьмы.

В свою очередь, королева Ардаманта, развившая за много лет супружества с Императором Паллиэном собственное чутьё на силу, порождённую Тьмой, и способность улавливать явные или тайные намерения соперников своего погибшего мужа, почуяла неладное. Проснувшись той же ночью, она, захватив с собой Кристалл, вышла из замка на освещённую обеими полными лунами тропинку, ведущую из её владений к морю, пересекла невысокий скалистый горный хребет и бросила заветный камень в бушующие волны внизу. Несколько крылатых полулюдей, именуемых Воронами Геспирона, бесшумно поднялись в ночной воздух и, сделав несколько почётных кругов над берегом, исчезли где-то в глубине лесов далеко за пределами Ардаманта.

Несколько триад ни на острове Геспирон, ни за его пределами не было никаких вестей от принца Морана, внезапно исчезнувшего и скрывшегося в неизвестном направлении. Не было слышно о нём и позже. Тем временем в мирном Союзном Королевстве кипела совсем другая жизнь. Молодая арохенская принцесса, по ошибке чуть было не отданная в жёны обманщику-самозванцу и вовремя распознавшая подмену, публично отказалась также становиться супругой настоящего сына тенгинского дария и предпочла уйти в Воительницы Духардена Двенадцати Мечей. По всем границам Непобедимого Союза и в городах были поставлены стражи, которые бдительно следили за всеми въезжающими и влетающими чужестранцами. Многие жители поддались слухам об угрозе новой войны, хотя никаких действительных признаков оной нигде не было. В остальном же жизнь протекала своим чередом и у многих была довольно беспечной — дни труда то и дело сменялись вечерами и порой даже ночами безудержного веселья, которое порой заканчивалось вмешательством стражей порядка либо известием, что где-то очередная незамужняя барышня ждёт ребёнка.

Всё как обычно было и в оттарийском девичьем пансионе, до директората и преподавателей которого слухи со сплетнями доходили гораздо реже и труднее, чем до учениц, которые редко посвящали руководящий состав в свои обсуждения и тайны. Казалось, последнему было всё равно до того, что творилось в головах, сердцах и частной жизни девушек, если только это не касалось учебных дел. В свою очередь, ученицы не знали или намеренно не замечали, о чем говорили преподаватели и директрисы за пределами учебных залов, исключения были редким явлением. Всё было так, как будто в пансионе независимо друг от друга существовали два отдельных мирка, и можно было думать, что между ними существовало взаимное недоверие, однако на деле это было не совсем так.

Как бы то ни было, слухи об угрозе войны с геспиронцами распространялись здесь, главным образом, среди девушек. Преподаватели же ограничивались тем, что изредка делали свои замечания, говоря о том, что никаких угроз нет и что верить нужно не слухам, а тому, что происходит в жизни на самом деле.

— А давайте мы спросим у Аулы Ора, — предложила однажды одна из студенток первого года обучения своим подругам. — Говорят, она много чего знает, а если чего-то не знает, то может получить ответ на любой вопрос каким-то своим способом

— А кто это? — спросили те почти хором.

— Одна из шестикурсниц, ну та, пепельноволосая и с голубыми глазами, похожая на клирианскую принцессу. Говорят, она учится лучше всех в нашем пансионе, в прошлом году получила за это награду и, говорят, она знает даже то, чего никто здесь больше не знает. Может быть, она станет преподавателем истории, потому что не хочет ни за кого выходить

замуж, а может, и нет.

Это были, разумеется, сплетни, но никто здесь, в отличие, скажем, он пансиона в Лиераме, не запрещал девицам сплетничать и судачить, если это не мешало учёбе.

— А откуда ты знаешь, что она не хочет замуж? — пропищала одна из подруг. — Я слышала, что у неё есть какой-то завидный жених, который живёт в Арохене, и то, что он даже приезжал к ней летом в гости.

— Я этого не слышала, и вообще это мне не столь интересно, как то, что она скажет о наших опасениях. Моего отца отправили в стражи границы Непобедимого Союза, хотя до этого он был просто городским стражем, Просто так ничего не делается. И принц-самозванец появился в Аманте не просто так.

— Ну знаешь что, Гретта... если тебе это и вправду так интересно, иди сама спроси об этом у Аулы Ора. Если она действительно всё знает и, конечно, обратит своё внимание на такую мелюзгу, как ты. Я слышала, что отличницы и красавицы высокомерны и просто так к ним не подступишься.

— Это не значит, что мы не можем попытаться счастья. Пошли!

Вопреки их ожиданиям, красивая клирианка с шестого курса оказалась свободна от высокомерия и надменности, однако так и не дала прямого ответа на вопрос, который ей задали эти совсем юные эйди. Казалось, ответить на него ей было сложнее, чем на все остальные, которые кому-либо здесь до сих пор приходилось ей задавать. Поэтому Аула ответила им просто, прямо и без обиняков:

— Есть события, предвестники которых мы можем заметить или не заметить, но то, свершатся они или нет, зависит от тех, кто несёт за них ответственность. Когда-нибудь вы сами это поймёте.

Ответ этот, разумеется, ошеломил юных девушек, которые ожидали услышать от неё совсем другое, однако больше Аула не произнесла ни слова и отправилась восвояси.

— Я ничего не поняла, — посетовала Гретта. — А вы?

— Может быть, мы поймём позже, — предположила одна из её подруг.

— Ага, как бы не стало слишком поздно, когда мы созреем, — возразила третья. — И вообще, эта затея показалась мне с самого начала глупой.

Разумеется, сама Аула в их годы уже понимала гораздо больше и, умея проникать мыслью в самую суть вещей и явлений, могла догадаться о большем, за что некоторые считали её прорицательницей, наделённой необычным даром ясновидения и яснознания. Однако всё же, чувствуя на себе некую ответственность, масштаба которой она ещё не осознавала, она не могла составить полную картину будущих событий. Теперь же, когда суть была ясна, то, осознав масштаб своей ответственности за настоящее и грядущее, Аула не могла уже размениваться по мелочам и думать о пустяках. Она, конечно, ещё не отбросила все сомнения, касающиеся знаний и образов, приходивших ей время от времени в сновидениях, поэтому они всё ещё терзали её и побуждали проверить, так ли это было на самом деле. Но как она могла проверить, к примеру, то, что коварный, но трусливый принц Ардаманта после всех своих походов, сомнительных действий и признаний был изгнан разгневанной матерью с острова Геспирон, а сама она похоронила в морской пучине мистический кристалл, чтобы он не достался её соперникам? И кто может поручиться за то, что Императоры не найдут его позже?

Наконец, как она могла проверить то, что тот, с кем ей, по этим сновидениям, было суждено разделить великую миссию, в которую она сама с трудом верила, не забыл о ней и

настанет время, когда их судьбы будут соединены ради её исполнения? И вообще, какое отношение мир её снов, фантазий и внезапных озарений из «ниоткуда» соотносился с действительностью, которая была, вопреки всему этому, совсем другой? А не было ли всё это навеяно злыми силами с целью сбить её с толку?

Окружающая действительность и впрямь была другой: уютные стены ставшего родным пансиона, послания от родных, с которыми всё было в порядке, послания от нового друга, который, вопреки слышанному в одном из памятных сновидений, вовсе не выглядел злодеем или безвольным существом в руках злых сил, завершение обучения, посиделки с подругами, путешествия в другие города, весёлые вечера — в целом, мирная и спокойная жизнь. Хотя были в этой жизни и такие моменты, которые частично пересекались с тем. Что творилось в беспокойном внутреннем мире Аулы Ора: странные слухи об угрозе новой войны, редкие неожиданные совпадения наподобие того случая нелепой смерти госпожи Серрель Обриа, странное поведение виденных чёрных птиц и т. п. Однако такие «пробоины» в стене, отделяющей внешний мир и внутреннюю реальность её души, были нечасты и, поэтому жизнь Аулы до сих пор не превращалась в чудовищный калейдоскоп, в котором бы перемешалось всё возможное и невозможное, реальное и мистическое. Однако в душе её всё же зрело смутное предчувствие, что таких брешей будет становиться всё больше и однажды настанет момент, когда эта казавшаяся прочной стена рухнет. И тогда её ждёт совсем иная жизнь.

— Ещё немного, и я увижу её снова... ещё немного, и случится то, о чём я мечтаю с того самого дня, когда увидел её глаза и коснулся её руки...

Так рассуждал капитан Вероис Сенам, глядя из открытого окна большого дома на огромный город внизу. Город бурлил, как котёл, жизнь в нём кипела ключом, и тем, кто сновал по освещённым предвесенним солнцем улицам, проспектам и площадям, не было вовсе никакого дела до того, о чём сейчас думал и что чувствовал отдельно взятый горожанин, находившийся сейчас в стенах одного из многочисленных жилых домов из стеклокамня, похожих за высокие замки. Каждый здесь был полон своих мыслей и забот. Так и Вероису не было ровным счётом никакого дела до движения и бурления жизни внизу и вокруг за пределами его личных апартаментов — мысли и чувства его находились далеко за пределами шумного Арохена.

Так же и мысли с чувствами той, о ком мечтал звёздный капитан, блуждали отнюдь не в пределах отдалённого от Арохена города под названием Оттари и не в стенах просторного и уютного учебного заведения для будущих образованных невест и жён. Они присутствовали отчасти и в Арохене, однако больше были дома, в селении Авингор, и, кроме того, в далёком северо-восточном городе Лиераме, который остался в прошлом. После чего её мысли, чувства и воспоминания вновь возвращались в Оттари, но уже отнюдь не в пансион для девушек, а в городской храм Владыки Мира, где она впервые встретила с юным жрецом. Где был теперь этот человек, каким путём пошёл и помнил ли о ней до сих пор, она не знала, а последним из сновидений о нём было то, где он выстроил для неё храм как для Богини Эас и где предстал перед нею в образе Этагора, могущественного владыки Южного Звёздного Ветра. Этот сон нередко преследовал её в воспоминаниях и пугал, и не столько от того, каким она видела своего давнего друга и возлюбленного, а от того, что именно он ей сказал о её теперешнем избраннике в спутники жизни. Как мог капитан Вероис, такой обаятельный, добрый и неотразимый, даже думать о том, чтобы причинять ей какой-то вред? Если бы это было и впрямь так, рассуждала про себя Аула Ора, наверняка Этагор, воплощённый жрецом верховных Сил Света Эттом Мором, остановил бы его руку. Но действительность была такова, что от Этта никаких вестей не было уже несколько долгих лет и даже сны о нём опять надолго прекратились, а Вероис Сенам посылал ей весточки каждую декаду и обещал приехать к концу предвесенней триады, в завершение великого Праздника.

— Не верить снам... сны обманывают меня, — с горечью в сердце сказала сама себе ещё раз Аула и открыла стеклянную загородку массивного окна, через которое в комнату подул лёгкий свежий ветерок.

Было совсем раннее утро, и остальные три девушки ещё крепко спали. Однако, услышав скрежет, две из них проснулись.

— Зачем ты открыла окно? — недовольным тоном спросила Гелла. — Хочешь нас всех тут застудить?

— Здесь было душно. Почему вы с Эйрой и Лорией никогда здесь не проветриваете?

— Потому что нам не бывает душно. Это тебя постоянно что-то терзает, если не хватает воздуха, можешь выходить гулять во двор, пока мы спим.

— Ауле опять что-то приснилось? — спросила Эйра, свесившись со своего второго

яруса.

— Простите... — Аула повернулась к подругам лицом. — Наверное, я помешала... я просто открыла окно... и ничего мне не снилось плохого. Мне снились мои родители, сёстры и Эйа... я давно её не видела и думаю, как она там живёт.

— Где это — там? — полюбопытствовала Эйра. — И кто это, ещё одна твоя родственница?

— Нет. Она была моей няней, а потом вышла замуж и отправилась на свою родину. Больше мы не виделись и я скучаю по ней.

Гелла засмеялась.

— Что тут смешного? — почти сердито спросила Аула.

— Сколько тебе уже лет, Аула? Тебе вот-вот предстоит стать женой и матерью, а ты всё скучаешь по няне? Тем более о чужестранке, которая вышла замуж и уехала к себе на родину? Ха-ха!

— Прекрати, Гелла! Сейчас ты напоминаешь мне моих сестёр, которые всё время надо мной потешались. Я не хочу, чтобы надо мной смеялись, но я действительно соскучилась по няне, которая была лучшей подругой, чем все вы.

— Что ж, узнать бы, скучает ли о тебе эта подруга... а теперь ложись спать и не мешай нам, нам всем вставать через два часа.

Утро этого дня ничем, по сути, не отличалось от большинства предыдущих, проведённых здесь за все эти несколько лет. Однако ближе к середине дня, во время занятия по духовному просвещению будущей женщины, в класс заглянула совсем молоденькая девушка, одна из первокурсниц, которые не так давно подходили к Ауле с вопросом, касающимся слухов об угрозе новой войны.

— Передайте, пожалуйста, Ауле Ора, что внизу её ждёт какое-то странное семейство, — прошелестела она приятным голосом и исчезла за дверью. — Пусть она спустится в нижний гостиный зал.

— Как раз вовремя, — томно вздохнув, произнесла госпожа Натизель, которая сама вела у шестикурсниц этот щепетильный предмет. — Ну раз так, выйдите, эйди Ора, хотя я считаю, что любое упущение в духовном просвещении и развитии негативно сказывается на будущем балансе духовной энергии между женщиной и её мужчиной. Имейте это в виду.

Аула с несколько пристыженным видом покинула классное помещение, а остальные ученицы вместе с мастером вновь принялись в медитативном режиме познавать принципы и способы пробуждения женской духовности.

Спустившись почти бегом вниз, Аула замерла от удивления. Станным семейством, как выразилась девушка с первого курса, оказались... Эйа, её муж Дрейд и их сын — прелестный малыш с чёрными, как у отца, волосёнками и смугловатой кожей, однако посветлее, чем у него, а глаза и крылья у него были золотистыми, точь-в-точь как у матери.

— Вот это да! — воскликнула Аула, от души обрадовавшись такой встрече. — Только как вы все здесь оказались?

Вместо ответа Эйа сжала в руке блестящий камешек в оправе, висевший на груди у её мужа, и горячо поприветствовала свою бывшую подопечную сначала на своём родном наречии, а затем перевела ей свои слова и краткое сердечное приветствие от Дрейда. Тогда Аула вспомнила о заветном кулоне, который хранила при себе её приёмная мать и наверняка не раз им пользовалась для того, чтобы встретиться со старым крылатым другом, который носил перстень из того же минерала. И тут же обратила внимание на то, что и перстень, и

кулон были у Дрейда, а его жена оставалась без всего этого. Возможно, предположила она, это было вызвано совершенным доверием Эяа своему супругу, хотя здесь могло быть и другое: однажды потеряв свою суженую из-за сложившихся обстоятельств, тот боялся лишиться её во второй раз и предпочитал, по возможности, не давать ей уйти далеко от себя, в том числе воспользовавшись переносящим камнем. Наверняка так же все дракониды запомнили трагическую историю с женой бывшего эйхана Тэрра из племени Драконов Алайды. Также Ауле вспомнилась подсмотренная ею сцена в лесу на озере, как молодой крылатый воин пытался с помощью разных ухищрений увести с собой Эяа, а она, Аула, им помешала. А теперь этот воин, при всех своих регалиях, со спокойной уверенностью стоял справа и чуть позади от Эяа, властно положив руку ей на плечо, другой рукой убирая с её одежды приставших мелких насекомых и всем видом показывая, что и она, и их маленький сын безраздельно принадлежат ему, и что он, Дрейд из рода Танхиррана, дальний потомок одного из самых влиятельных старейшин Алмазных пещер, отвечает на всё, что имеет место быть в их жизни. Аула слегка содрогнулась, представив, что бы она ощущала, будучи женой столь бдительного, внимательного и властного существа, который бы так ревностно следил за каждым её движением, взглядом и вздохом. Однако все дракониды, насколько она была о них наслышана, отличались от людей более благородным нравом и доброй душой, впавшие во зло души бывали среди них редким явлением. Поэтому Эяа наверняка повезло в её выборе, а вот насчёт своего собственного Аула порядком сомневалась — на что был в самом деле способен её нынешний избранник и не было ли всё, что он ей демонстрировал в посланиях и не только, всего лишь фальшью.

— Да... камень... как я могла об этом забыть...

— Я вижу, детка, что ты чем-то взволнована, — перебила её Эяа ровным и спокойным голосом, в котором теперь было больше акцента, чем когда она жила в их доме в качестве няни. — Только ли нашим неожиданным визитом?

— Я всё вам расскажу... я всё расскажу тебе, Эяа, да... не только вашим визитом, хотя он просто поразителен.

— Мы слышали о том, что на твоём горизонте есть достойный избранник, — вновь ровным и спокойным голосом заговорила крылатая женщина. — Позволь поздравить тебя от всех наших сердец и попросить разрешения быть гостями на вашей свадьбе с покорителем небесных пространств.

— Кто сказал тебе, что я намерена выйти замуж за капитана Вероиса? — быстро спросила Аула, бросив на неё взгляд, полный скрытых подозрений.

Эяа обняла её.

— Детка... слухи в нашем мире распространяются удивительно быстро. Первыми об этом узнали наши старые друзья Даг Зан и Тэрр, когда мы навестили их в пустыне.

— Вот даже как... они живут в пустыне и знают обо всём, что происходит в мире?

— О, Тэрр и Даг Зан много путешествовать, — ответил вместо жены Дрейд. — Недавно они навещать нас в горы, и эйхан Дракон Алайд принял их как дорогие гости. Не быть сердита на мы и на они.

— Что вы, я не сержусь, — ответила Аула. — Я даже признательна вам. Но вы должны знать, что...

Она повернулась к крылатому воину и многозначительно коснулась пальцами его мускулистых загорелых рук, покрытых на запястьях блестящими радужными чешуями. Эяа с любопытством и некоторой тревогой созерцала эту сцену, а малыш Тхорр (как его называли)

резвился, бегая вокруг них и пытаясь время от времени подниматься в воздух примерно на половину их роста.

— Скажи нам, — на серьёзном и даже суровом, но красивом лице Дрейда появилась улыбка.

— Я могу обещать вам обоим, что вы будете приглашены на мою свадьбу. Но я не могу обещать, что это будет та самая свадьба, которую мне готовят, и моим мужем станет тот самый капитан Вероис...

— Понимаю, — ответил Дрейд и проницательно посмотрел на девушку. — Ты не хочешь быть жена для капитан Вероис... это так?

Аула вздрогнула и покраснела от того, что сделал сейчас Дрейд: ясно и кратко озвучил то, о чём она хотела сказать лишь намёками, чтобы никого не расстроить и не вызвать лишних мыслей и разговоров, выразить это лишь в виде своих сомнений, колебаний и страхов. Но она тут же, как ей казалось, нашла выход из создавшегося глупого положения:

— Пусть даже это так... я должна выйти замуж за капитана Вероиса и я стану его женой, чтобы избежать ненужных скандалов. Моя судьба предрешена, я не буду противиться.

— Даже если ты не любишь капитан Вероис? Это очень, очень неправильно. И всегда можно сделать другой выбор.

— Послушай Дрейда, Аула, он говорит правильные слова, — вмешалась Эйа. — Всё твоё существо говорит о том, что ты не любишь того, чьей женой собираешься стать. Если ты это сделаешь, то всю жизнь будешь несчастна. Ты хочешь быть несчастна, угождая другим, кто якобы решил твою судьбу, или ты готова рискнуть и попытаться найти того, кто действительно живёт в твоём сердце?

— О да... — поддержал её Дрейд. — Готова ли девушка с северо-востока, чтобы рискнуть и послушать своё сердце?

Они были единогласны между собой и совершенно уверены в своей правоте. Их жизнь была цельной и гармоничной, в отличие от той западни, в которой металась Аула, разрываясь между различными реалиями своей жизни, мечтами и окружающей действительности, любовью и тем, чему она всеми силами пыталась придать мало-мальский облик любви. Всё же дать окончательный ответ она пока не могла ни себе, ни своим друзьям, и в этом ей пока не могло помочь даже то, что не раз спасало её, казалось бы, в совершенно неразрешимых ситуациях.

— Если послушать своё сердце, — Аула закрыла глаза, словно к чему-то прислушиваясь, затем вновь открыла их. — Оно говорит невозможные вещи. Тот, о ком я думаю и о ком оно говорит, не вернётся и никогда не будет со мной, а я с ним. Наши пути разошлись и, наверное, навсегда.

— Почему ты так говоришь? — с тревогой спросила её Эйа. — Разве это говорит твоё сердце?

— Разумеется, нет. Это говорит мой разум, который опирается на жизненный опыт. Как он может вернуться, если столько времени не даёт о себе знать, разве что изредка я вижу его в своих снах? И то ведь, сны — это не реальность или, может быть, какая-то реальность, не имеющая ничего общего с этим миром. А в этом мире я — невеста капитана Вероиса, который мне вовсе не нужен, я отношусь к нему просто как к хорошему другу, хотя никто этого не понимает. Но, может быть, со временем, став его женой, что-то изменится, тогда я забуду обо всех этих фантазиях, и... и...

«И позабудешь навсегда о своей миссии, то, для чего ты сюда пришла», — внезапно

словно раздался в её душе некий голос. Нет, он не был грозным и пугающим, громовым или каким-то ещё, а был похож, скорее, на озарение, вспыхнувшее в её сознании внезапной молнией. Аула вздрогнула и продолжала оставаться в смятении всё время, пока на неё внимательно смотрели шесть пар пронизательных глаз. Кроме них, в гостинном зале пансиона сейчас никого не было.

Наконец, лицо Эйа озарила светлая улыбка.

— Мне сейчас показалось... я не знаю, как это описать... ты как бы засветилась изнутри, в тебе как будто вспыхнуло что-то яркое и потом снова спряталось внутри. Мне кажется, девочка, скоро ты встретишь того, о ком томится сейчас твоё сердце.

— Скажи мне, Эйа... томилось ли твоё сердце, когда ты была разлучена с Дрейдом?

Этот вопрос прозвучал совершенно неожиданно. Однако Эйа нисколько не смутилась, а только вздохнула.

— Моя история любви отличается от твоей. Я не любила Дрейда по-настоящему, даже не была в него сильно влюблена, и поэтому была рада расстаться с ним, когда была ещё девчонкой. И полюбила только тогда, когда стала его женой, когда посмотрела, какой он, и оценила по достоинству. Но зато он признался, что все долгие годы страдал и искал меня, пока не нашёл, и теперь мы оба счастливы.

Она умиленно погладила руку своего мужа, которой тот затем обвинил её талию. Аула могла бесконечно умиляться и восторгаться, глядя на эту красивую пару, однако ей стоило подумать ещё и о себе — сможет ли она полюбить пришельца из далёкого мира?

«Может и сможешь, — мелькнуло вновь в глубинах её существа, — Но при этом не сможешь исполнить то, зачем сюда пришла, в то время как миру грозит страшная опасность. Сделай выбор сердцем, а не умом, тогда не только восстановишь гармонию в мире, но и обретёшь счастье для себя и того, кто тебе дорог».

И снова этот внутренний голос прозвучал в ней. Это не было сном или видением. Это было так, как будто говорила она сама, но какой-то иной частью себя, которая отнюдь никоим образом не касалось её умственных рассуждений и выводов.

— Опять... — заметила Эйа. — Мне так кажется, что ты словно вспыхиваешь, когда думаешь... мне кажется, что скоро ты встретишь того, о ком мечтаешь, но не веришь, что это возможно. Так говорит твоё сердце, и ваша встреча окажется очень важна... не только для вас обоих.

Дальше она не стала договаривать. Но Ауле и без того было ясно, что бывшая нянька читала её мысли. Причём это делала не только она, но и все остальные члены этого крылатого семейства, что находились здесь.

Всё же, несмотря на этот столь неожиданный разговор, Аула решила сделать так, как считала нужным: собрав воедино остатки здравого смысла или того, что она им считала, выбросить навсегда из своей головы мысли о том, что она считала невозможным в этой окружающей её действительности. И, кроме того, вырвать или выжечь из своего сердца всё, что относилось к её прошлому и странным сновидениям, так похожими на явь, в которых к ней приходил призрак её прошлого — неугомный, неистовый и неотразимый волшебник по имени Этт Мор. И, как с удовольствием отмечала она для себя, с каждым разом это удавалось ей всё лучше, и тогда она заполняла себя мыслями о предстоящем выпускном дне и о скорой встрече со своим избранником, который то и дело посылал ей длинные письма, короткие весточки через пробудившихся вместе с весенним теплом маленьких чакаутов и, разумеется, подарки, которые приобретал на арохенских ярмарках.

— Я вижу, теперь ты счастлива, — радовалась Гелла, в очередной раз наблюдая, как Аула достаёт из цветной упаковки очередную сладость или безделушку. — Признаюсь честно, мой жених не такой богатый, чтобы каждый раз присылать мне такие штучки, поэтому мне доставляет больше радости видеть его самого.

— Знаешь... — Аула оторвалась от распаковывания подарков и посмотрела на подругу. — Мне тоже больше хочется увидеть самого Вероиса, но пока его нет, приходится довольствоваться тем, что может мне о нём напоминать.

Гелла критически оглядела полки со стороны спального места Аулы, сплошь заставленные и заваленные подарками и посланиями от капитана Вероиса. Здесь было несколько причудливой формы полудрагоценных камешков в оправе, дисковые настенные часы с поющими сигналами, которые могли показывать точное время даже тогда, когда все остальные начинали отображать его неправильно*, светящиеся статуэтки и настенные звёздочки, меняющая цвет бижутерия, пара дорогих книг и прочее, и прочее... Казалось, капитан с далёкой звезды, если это ещё действительно было так, всё время страдал от избытка денег, отчего так старательно их тратил, либо вознамерился купить признательность и любовь своей избранницы за все эти эффектные безделицы. А та, вероятнее всего, даже об этом не задумывалась, поскольку была уже давно куплена. Однако, как отметила про себя Гелла, она могла и ошибаться в своих оценках, быть может, капитан Вероис действительно так сильно был влюблён, что всё время проявлял такую щедрость, пока она по нему скучала.

Последнюю весть перед последним днём пребывания в пансионе Ауле принёс необычно большой рой чакаутов. Маленькие юркие насекомые, влетевшие в распахнутое рано утром окно, окружили девушку и стали вертеться вокруг, не касаясь её и описывая вокруг неё причудливые спирали. И тогда она «прочитала» то, что передавали ей эти маленькие воздушные посланники: капитан Вероис Сенам обещал прибыть в Оттари в самый разгар праздника, но есть вероятность того, что его могут задержать неотложные дела. И, что бы ни случилось в этот день, от Аулы требовалось сохранять спокойствие, не противиться и прислушаться к своему внутреннему голосу — выпускной день обещал принести ей радостные перемены, которые навсегда изменят её жизнь и принесут истинное счастье.

Чакауты покружились несколько мгновений и затем так же быстро вылетели в окно. Аула замерла на месте.

— Что всё это значит? — спрашивала она саму себя, поскольку в спальне больше никого не было. — Разве могут у капитана Вероиса быть неотложные дела, которые могут застать его врасплох? Тут что-то не так.

Но тут же успокоила себя: а почему бы и нет? У любого в этом мире могут возникнуть подобные дела и заботы, и в этом случае Вероис поступил правильно, сообщив ей об этом. Однако какие перемены могли произойти в том случае, если капитан действительно не явится в её выпускной день?

Впрочем, решила она, тогда перемены тоже будут вполне предсказуемы: после этого дня она больше не вернётся в пансион, если только не решит пойти дальше и стать одной из преподавательниц. Но это будет, если она откажет Вероису в его предложении, а если нет, тогда дождётся его позже и станет его женой. Иных вариантов ей пока не предвиделось: приложив все старания, она наглухо закрыла вход в её сознания всяких разных предчувствий, видений и прозрений из реальности, которая не была совместима с тем, чем она жила здесь, в видимом и осязаемом явном мире. Самой нелепой ей казалась мысль о том, что, в самом

худшем случае, в день выпуска она рискует быть похищенной кем-нибудь вроде принца Морана, который охотился за ней, чтобы доставить в замок своей матери — самой Королевы Тьмы. Этот страх порой терзал её изнутри, как и то, что в этом случае спасение не придёт или придёт слишком поздно. Но он был нелепым, так как происходил, опять же, из её давних снов и видений, в которых этот принц был таким же призрачным персонажем, как и Этт Мор, который в действительности наверняка давным-давно позабыл о ней и посвятил свою жизнь тому, что считал для себя единственно достойным — либо жреческому служению, либо искусству магического целительства, которое требовало не меньшей погружённости и отрешённости от всего мирского.

С этими мыслями она продолжала жить вплоть до того самого дня, который должен был навсегда изменить её судьбу. Наконец, он наступил. Это была середина весенне-летнего межсезонья, поры самых ярких цветов, самой зелёной травы и самого звучного пения пёстрых птиц, прилетающих из дальних южных стран, где им в эту пору становится слишком жарко и их место занимают летучие рептилии и гигантские насекомые. Деревья в эту пору были покрыты шапками нежных цветов, испускавших дивные ароматы. В общем, переход от весны к лету здесь был лучшей порой не только для того, чтобы получить свидетельство зрелости, но также и для любви, и для многих других приятных событий. Поэтому в этот день мысль о возможном похищении её коварным геспиронцем казалась ей особенно нелепой, и она усмехнулась, посмеив в очередной раз об этом подумать.

В этот день она надела самое красивое, на взгляд всех окружающих, платье из жемчужно-палевого атласа с двойной юбкой в форме направленных вниз лепестков гиантиса и широким серебристым поясом, которое закончила мастерить буквально вчера под специальным руководством нескольких мастериц. На её взгляд, верх этого платья был слишком открытым, что приковывало многочисленные взгляды к оголённым плечам и рукам, однако, по настоянию мастериц, это было замечательно, поскольку плечи, руки и верхняя часть груди у Аулы были, по их мнению, просто идеальны. И, несомненно, в этом наряде она просто обязана была стать победительницей в соревновании выпускниц и совершенно очаровать того, кто явится к ней этим памятным днём. Аула усмехнулась, подумав, что скажет капитан Вероис, увидев на ней ещё и подаренное им ожерелье, которое при соприкосновении с платьем стало жемчужно-белым, и серебристые браслеты под цвет пояса, которые красовались на её предплечьях и выше локтей.

Церемонию начали в верхнем гостином зале. Три директрисы торжественно вызвали по списку шестикурсниц, которые чинно и не спеша поднимались по ступеням к трибуне и получали особые деревянные таблички, на которых были выгравированы мелкие тёмные письменные значки и атрибуты зрелости. Лучшие ученицы получали золочёные таблички, те, что учились похуже — серебристые, а те, успехи которых оставляли желать лучшего — просто покрытые прозрачным лаком.

Во время вручения золотой таблички Ауле Ора многие заметили, что её словно окружало некое золотистое сияние. Это продолжалось совсем недолго и поэтому не вызвало замешательства, однако Гелла многозначительно тронула её за руку, когда та вернулась на своё место.

— Мне показалось или ты правда засветилась во время получения таблички? — спросила она.

— Я не знаю. Просто я испытывала радость, наверняка она светится.

— Просто я не один раз уже замечаю, как ты начинаешь светиться, когда тебе хорошо, и

искрить, когда злишься... может, объяснишь мне это когда-нибудь?

— Когда-нибудь, но не сейчас. И не задавай слишком много таких вопросов, мы здесь не одни.

Наконец, томительная церемония выдачи свидетельств зрелости закончилась и все не спеша направились в нижний гостиный зал. Там уже были накрыты столы для преподавателей, учениц и гостей. Один за другим в зал входили приглашённые девушками кавалеры, вернее, уже женихи. Но Аула не видела среди них блистательного Вероиса Сенама, который до этого клялся обязательно прибыть на бал, а потом вдруг прислал к ней чакаутов с неожиданной вестью о своей возможной задержке.

— Что-то не видно твоего капитана, — заметила Гелла. — Быть может, он будет позже?

— Может быть, — вздохнула Аула.

Впереди было ещё предостаточно времени для весёлых развлечений, однако Аула скучала. Как и предсказали ей мастерицы по шитью, она выиграла в соревновании самых красивых девушек выпускного курса и получила в награду целую кучу монет, на которые могла купить себе любой подарок. Однако Аула предпочла сделать приятное капитану, если он соизволит всё-таки явиться на праздник хотя бы во время бала, или она сделает это позже. Она отправилась на ярмарку одна и долго выбирала, что бы такое подарить своему избраннику, и остановилась на красивом золочёном барогане, на котором можно было, очевидно, играть самые прекрасные в мире мелодии. Она помнила, что капитан любил играть на этом инструменте и исполнять старинные баллады.

— Сколько стоит этот бароган? — спросила она пожилого торговца с длинными волосами, собранными на макушке в хвост.

— Двести десять сигренов, госпожа, — любезно ответил тот. — Ручная работа, поглядите сами.

— Двести десять? — нахмурилась Аула. — Но у меня с собой только двести монет и, мне кажется, ваш бароган слишком дорогой.

— Дорогой? — старик засмеялся. — Это ручная работа, говорю вам, вы видите, видите? Вы не найдёте такой выделки у заводских, и такого качества тоже, а этот инструмент я мастерил сам.

Он пощипал пальцами струны — звук был чистым и насыщенным.

— Да, звук прекрасен, но...

— Я не стану вас обманывать, госпожа. Если вы играете мелодии и пришли сюда, чтобы купить лучший в нашем городе бароган, то вряд ли у вас с собой всего двести монет. Вы же наверняка знаете, сколько стоит такая штука, я продаю совсем недорого, почти как заводчики.

— Поймите, я не знаю... — взмолилась Аула. — Я не играю мелодии, а хочу подарить этот бароган человеку, который любит их играть. Я хочу подарить его своему жениху.

— Ах, жениху... ну-ну, я даже не подумал, хотя вы выглядите как завидная невеста. Хорошо, только из-за того, что вы хотите сделать подарок своему жениху, я уступлю десять сигренов. Идёт?

— Да, конечно! Беру за двести сигренов.

И она высыпала в корзинку торговца все выигранные монеты.

— И что за день сегодня, — проворчал старичок, когда Аула, сунув инструмент за пазуху, неспешно пошла вдоль торгового ряда, присматривая, что можно ещё здесь купить для себя, вернувшись с деньгами. — Вот полчаса назад, когда ходил освежиться, видел, как

какой-то тип добивал масочника, требуя выдать ему маску, в которой бы его не узнали даже Боги, и при том за такую цену, чтобы он мог купить себе ещё наряд воздушного пирата. Представляете?

— А что за тип? — поинтересовалась сидевшая рядом молодая художница, торговавшая настенными полотнами собственной работы.

— Да Тьма его знает, какой-то не местный. Я бы принял его за бродягу, если бы он не был так прилично одет и не звенел бы на каждом углу сигренами. Хотя так думаю, что какой-нибудь недавно поживившийся ворюга.

— Даа, последнее время часто стали говорить про воров, — со вздохом ответила рисовальщица, поправляя платок.

Аула задержалась немного на месте, внимательно их слушая. Любопытно было, кому и для какой цели понадобилось здесь срочно покупать неизвестную маску и пиратский наряд? Мог ли это быть капитан Вероис, решивший её разыграть на балу, или же...

... или же это действительно был вор, явившийся в Оттари с целью хищения, но вовсе не товаров на ярмарке, а...

И тут же отогнала эту досадную мысль. Глупо, очень глупо... тем более, что в последнем послании капитан Вероис просил её не противиться тому, что будет происходить, поэтому вряд ли кто-то замышлял здесь против неё недоброе. Но тут же в голову лезла и другая мысль: а было ли послание, переданное чакаутами, действительно от капитана Вероиса? И почему этих чакаутов было так много?

Придя в неожиданное для самой себя смятение, Аула поправила у себя за пазухой купленный бароган, подобрала юбки и быстрее ветра помчалась в уютный двор пансиона, где нанятые бдительные стражи добросовестно выполняли свой долг, охраняя молодых эйди, гостей и преподавательский состав от любых посягательств на их личную безопасность. Поэтому, решила про себя Аула, если в их компании неожиданно появится пират в маске, то наверняка это будет кто-нибудь из приглашённых кавалеров. И, скорее всего, вовсе не Вероис Сенам, который уж точно никак не мог походить на вора и бродягу.

Глава двадцать первая

Едва Аула вернулась в более привычное для неё общество, чем городской базар, как на неё обрушился целый ворох возмущений и расспросов со стороны подруг и некоторых преподавательниц.

— Где тебя носило? — недовольно спросила Гелла, выпутавшись из объятий своего жениха. — Мы так о тебе беспокоились.

— Вот... — Аула показала ей новенький музыкальный инструмент. — Ходила за подарком.

— А кому ты приготовила этот подарок? — присоединилась Эйра. — Ты ведь не играешь на инструментах, значит, приготовила его не для себя.

— Это не мне. Я купила его своему жениху, он любит играть и петь под собственную игру. Хотя, честно... я немного играю... но далеко не в совершенстве.

— Вот как... а где твой жених? Наши-то при нас, ты сама это видишь.

С этими словами Эйра, подмигнув, взяла под руку своего кавалера.

— Это интересно мне самой. Но я вам не говорила... он прислал весть о том, что может задержаться. Так что я его жду, а если не дождусь, тогда подарю ему этот бароган позже, когда он приедет на церемонию свадьбы.

— А-а, вот даже как... — протянула Гелла. — Но всё равно, ты никого не предупредила, когда ушла, даже стражей порядка, здесь подняли такой шум...

— А что, действительно есть повод для беспокойства?

Она умолчала о подслушанном разговоре на ярмарке, чтобы не создавать лишней тревоги — достаточно было, что она втайне от всех испытывала её сама.

— Ваша неожиданная отлучка, Ора, и была таким поводом, — ответила госпожа Эрита, как будто случайно оказавшаяся рядом. — Мы не можем рисковать своими ученицами, поэтому в следующий раз, когда соберётесь покинуть территорию пансиона, не забудьте предупредить.

— Спасибо, госпожа Эрита... но ответьте мне ещё... не может ли оказаться на территории этого пансиона непрошенных гостей?

— Непрошенных — нет. Хотя я не знаю, что вы имеете в виду. Собственно, где ваш кавалер, Аула?

— Он где-то задержался, — покраснев, ответила та. — И я его жду.

Директриса хмыкнула и присоединилась к своим коллегам.

— И что, — снова начала Гелла, — если капитан Вероис задерживается, ты так и будешь ходить туда-сюда с кислой миной, скучать и своим видом портить настроение другим? Тогда уж веселись, попробуй потанцевать с кем-нибудь другим.

— Вот ещё, — вспыхнула Аула. — Это не вечеринка смотров и наверняка здесь все парни не просто кавалеры, а чьи-то будущие мужья. С кем я, по-твоему, должна танцевать?

— Ну, я не знаю... мне кажется, был тут один бесхозный...

— Кто??

Аула заозиралась, затем обошла кругом всё пространство двора в поисках «бесхозного» кавалера, с которым можно было бы скоротать время в отсутствие капитана Вероиса. Затем, не найдя ни одной подходящей физиономии, вернулась обратно.

— Нет, это плохая затея. И я думаю, капитан явится в неожиданный момент, когда все

будут танцевать. Я на это надеюсь.

Наконец, начался первый танец. Все девушки выпускного курса взяли за руки своих кавалеров и закружились с ними под красивую романтическую мелодию, сочинённую некогда неизвестным музыкантом с Запада. И опять-таки желающих станцевать с Аулой Ора не нашлось. Исключением был, пожалуй, только один из стражей порядка, который покружился с ней около ворот. Он двигался довольно неуклюже и всё время наступал ей на подол и на ноги, так что она вскоре отказалась от такой партии.

В перерывах между танцами и подвижными играми во время этих танцев молодёжь сновала вокруг длинных узких столов со сладостями и прохладительными коктейлями.

— Ну что, — продолжали спрашивать девушки у Аулы. — Так и не явился?

— Вы сами видите, что нет, — буркнула та. — И перестаньте всё время меня об этом спрашивать.

— Погоди сердиться, — неожиданно сказала девушка по имени Десса, которая не входила в число близких подруг Аулы, но всё время была в компании Лории. — Мне кажется, у нас тут есть один гость, который наверняка приглашён специально для всеобщей забавы. Я не видела рядом с ним подругу и осторожно спросила его, он сказал, что пришёл сюда один.

— Один? — Аула нахмурилась. — То есть, вы хотите сказать, его никто не приглашал?

— Выходит, нет, но он сказал, что уговорил стражей его пропустить... он сказал им, что приглашён директоратом. А как уж он договаривался с директрисами, мы не знаем, скорее всего, никак, просто выдал себя за кого-то из приглашённых гостей или пансионных кинков.

— А может, он и есть один из кинков? Тогда не очень хочется с ним танцевать, мне они не нравятся.

— А может, и нет, кто его тут узнает, этого ряженого...

«Ряженого?» — мелькнуло молнией в голове у Аулы и тут же вспомнился подслушанный разговор ярмарочных торговцев.

— Да вон же он... с кем-то беседует.

Она кивнула куда-то в дальний угол длинного стола. Там собралось около десятка парней и девушек, которые с любопытством о чём-то расспрашивали одного из них. Аула поднесла к левому глазу увеличительный кристалл, который всегда носила на шее помимо ожерелий, и разглядела, что он выглядел весьма необычно: одетый в чёрное с двумя алыми полосами на накидке, расположенными крест-накрест, и в центре этого креста красовалась оскаленная, с длинным шрамом ото лба до подбородка в левой половине, усатая физиономия Анавальда Риктуса — легендарного странника, жившего ещё во времена царствования Четырёх Императоров в Клирии и посвятившего свою жизнь тому, что грабил воздушные суда, отправляемые в разные части света, и прятал в пещерах. Об этом человеке было сложено много стихов и песен и написано много захватывающих сказаний. Это был пират, целью которого было впоследствии потратить награбленное золото и драгоценности на создание армии, которая могла бы свергнуть власть узурпаторов. Однако большинство других подобных ему персон не отличались столь благородными намерениями и были всего лишь грабителями и убийцами, поэтому в качестве главного символа был выбран образ древнего одноглазого героя. Такая же символика была на груди «пирата». Колорит дополняли золочёные, сверкающие на солнце пуговицы и пряжки, надетая на голову пиратская каварда, длинные спутанные волосы и маска, точь-в-точь похожая на лицо Риктуса, тогда как единственный правый глаз его был защищён стеклянной линзой, а второй

был закрыт чёрной повязкой. Кроме того, усы у ряженого были также в точности как у изображённого на картинке пирата, и так же точно с подбородка свисали длинные тонкие пряди чёрного цвета. На руках у неизвестного красовались перчатки, запястья и тыльные стороны пальцев которых украшали острые металлические шипы.

— Я думаю... не стоит с ним связываться, — заикаясь, проговорила Аула. — Слишком уж он похож на настоящего Анавальда Риктуса из саги Дегиана «Смерть с небес».

— О да, пиратская внешность впечатляет, — засмеялась Десса. — Не бойся, он не настоящий, а заодно ты можешь узнать, кто это на самом деле.

— П-просто я уже тут мельком слышала про этого ряженого... мне и правда не хотелось бы с ним связываться.

— Какая глупость! — вмешалась Гелла. — А вдруг это твой капитан Вероис и есть, только в неузнаваемом виде? Просто решил тебя разыграть.

— А мне кажется, у него плечи немного пошире, чем у Вероиса... и он больше похож на совсем другого капитана.

— А вот это мы проверять не будем, если хочешь, сорви с него маску сама и посмотри. Разумеется, Аула не стала дальше говорить им о своих опасениях по поводу охотящегося за ней геспиронского наследника, во что она сама толком не верила, хотя слышала, что он пытался обмануть амантийскую принцессу.

И вновь заиграла музыка. Пространство вокруг столов быстро опустело, но Аула не двинулась с места и продолжала наблюдать за происходящим.

Наконец, ей наскучило сидеть одной на скамейке и она вышла в круг, когда танцы стали не парными, а всеобщими и свободными. Она приняла участие в веселье, попутно наблюдая, как выряженный в пирата неизвестный кавалер по очереди танцевал со всеми желающими девушками, постепенно двигаясь от дальнего конца двора к дверям здания пансиона.

— Смотри, — Десса легонько толкнула Аулу в бок. — Он направляется к нам.

— Отвлеки его, пока твой жених играет в стрелялки, — быстро шепнула Аула и юркнула за створку распахнутой двери.

— Эх... ну как хочешь.

Пока неизвестный гость кружился в паре с Дессой под мелодичный вальс, Аула успела отметить, что по своим манерам он тоже не был похож на капитана Вероиса. Но в то же время в нём не было признаков человека, замыслившего что-то недоброе — иначе бы она узнала это своим внутренним чутьём. И в то же время в выправке и движениях этого человека её зрение уловило что-то как будто знакомое.

— А Тьма знает, кто это может быть. Если это грабитель или насильник, его поймут стражники, которые стоят на выходе, а здесь он не посмеет применить насилие...

С этими словами она смело вышла из своего не очень надёжного укрытия. В то же время некто под видом пирата, оставив Дессу, приблизился к ней и элегантно пригласил на танец под следующую мелодию.

— Вы хорошо танцуете, — заметила Аула. — И вовсе не пугаете своим страшным видом, потому что вы вовсе не Анавальд Риктус. Может, вы скажете мне, кто вы такой?

«Пират» улыбнулся.

— Я всё скажу и даже покажу, но не сейчас и не здесь. Вы не против продолжить со мной танец?

— Да, конечно, я не против... но, если хотите знать, я жду своего жениха, который где-то застрял... и если он нас тут увидит...

— Если жених застрял во время праздника, это не очень хорошая примета, не так ли? — спросил ряженный кавалер.

— Это не примета... и вообще... вы странно танцуете, я вам скажу.

Она с некоторой тревогой оглядела своего кавалера.

— Это правда? — спросил он довольно непринуждённо. — А что я делаю не так, прекрасная госпожа?

— Мне кажется, вы немного бесцеремонны, подходите очень близко и слишком крепко держите, как будто боитесь, что я от вас убегу. Спасибо, что хотя бы не наступаете на ноги, как тот стражник.

— Прошу прощения, наверное, я не самый лучший танцор на вашем празднике, но ведь у вас сейчас нет другой партии. О... вот эту музыку я точно люблю. Знаете её?

— Нет, не знаю.

Мелодия была незнакомой, но завораживающей и очень красивой. Под её звучание они продолжали кружиться, постепенно отдаляясь от толпы куда-то вглубь двора.

— Послушайте, господин... не знаю, как к вам обратиться. Может, вы не самый лучший танцор, зато прекрасно вжились в образ легендарного пирата воздушных судов, даже, похоже, переняли пиратские манеры. Куда вы меня ведёте?

— Я должен открыть вам один секрет. Наверняка вам очень хочется увидеть моё настоящее лицо, — ответил тот. — Но прежде я думал, не узнаете ли вы меня так, по голосу или манерам?

— Простите... я вас не узнаю. И вообще... я совершенно не понимаю, к чему это всё? И почему вы не хотите снять маску при всех?

— На то есть свои причины, госпожа Ора.

Она огляделась и с ужасом поняла, что они находились уже довольно далеко от шумной толпы, под сенью крон деревьев, росших вдоль массивной каменной стены.

— Какие причины? Я не понимаю вас. Пожалуйста, прекратите этот глупый розыгрыш и отпустите меня, наконец. Кто вы такой, чтобы всё время держать меня за руки? Может, ещё осмелитесь зажать меня вон в том углу и получить самое настоящее пиратское удовольствие?

Ошеломлённый этой тирадой, таинственный человек, искусно замаскированный под знаменитого пирата, выпустил девушку, но та, вместо того чтобы дать дёру, остановилась в нерешительности и бесстрашно оглядела всю его фигуру.

— А знаете... порой вы начинаете напоминать мне одного человека, но не может быть, чтобы вы им оказались, это просто невозможно.

— Чего не может быть? Напоминать кого? — после недолгой паузы, повисшей в вечернем воздухе, стал допытываться неизвестный. — Разбойника, грабителя или, может быть, злобного принца Морана, который пришёл за вами с целью похитить и погубить?

Упоминание о злом принце в этот момент ясно говорило о том, что перед ней был вовсе не Моран — слишком неосторожным и безрассудным было бы для настоящего принца выдать себя раньше времени. Ведь если она закричит и позовёт на помощь даже здесь, её немедленно услышат и примчатся всей толпой, поскольку участок двора, где они находились, был не так уж и далеко от главных ворот. Но кто это мог быть ещё, она не могла понять.

— Может быть, его... а может быть и нет... я не знаю никакого принца... и вас тоже.... Так кто же вы?

— Кто я? — переспросил он, расхаживая перед ней и время от времени поднимая к небу замаскированное лицо. — Да, действительно, теперь это стало интересно мне самому.

— Перестаньте! — от нетерпения Аула топнула ножкой. — И не тяните время, нас наверняка уже потеряли.

— Я прошу только вашего спокойствия и терпения. Да... бедная девочка до сих пор не может догадаться, кто перед ней и чего, собственно, хочет. Это печально, как и то, что надвигается вечерняя темнота и скоро мы вряд ли сможем друг друга как следует разглядеть и узнать, тем более, с годами люди несколько меняются...

И тут она замерла на месте от внезапно возникшей догадки, словно поражённая молнией. Этот таинственный незнакомец, морочащий ей голову — наверняка не кто иной, как невеста откуда взявшийся Этт Мор, некогда ученик жреца Ассируса, затем воспитанник Лиерамской жреческой семинарии, герой её сновидений и тот, кого она, как ни старалась все эти годы, так и не смогла забыть. Однако для того, чтобы окончательно в этом убедиться, Ауле потребовалось увидеть его воочию.

— Я напугал вас? — в свою очередь, спросил загадочный гость.

— Снимите вашу маску... — она приблизилась к нему и, с трудом преодолевая дрожь в теле, протянула правую руку к его лицу, дотронувшись до воскового подобия физиономии Анавальда Риктуса. — И эти древесные волокна вместо волос. Я хочу увидеть ваше настоящее лицо и почти узнаю ваш голос.

— Вот как? — «пират» слегка усмехнулся. — Вы действительно хотите увидеть моё лицо? И даже прежде чем можете до конца узнать меня по голосу?

— Прошу вас... не мучайте меня, покажите ваше лицо!

Видя, что она вот-вот расплачется, гость сжалился над девушкой. Вздохнув, он одним движением снял с себя маску и парик, затем отклеил и отбросил прочь пиратские усы и бороду.

От неожиданности Аула едва не лишилась чувств и попятилась назад, ища спиной опору, коей оказалась кирпичная стена небольшой постройке, примыкавшей к высокой стеклокаменной стене здания пансиона. И всё это время на неё внимательно и несколько недоумённо взирали выразительные тёмные глаза Этта Мора. За несколько лет, что они не виделись, черты лица его стали резче и суровее, длинные вьющиеся волосы цвета горной смолы обрамляли его не менее колоритно, чем бутафорская шевелюра легендарного грабителя воздушных судов и суровый облик его же лица, а взгляд был пронизывающим. И при этом во всём этом образе сквозила некая печаль, порождённая страданием. Нет, он вовсе не был похож на вора или бродягу с подворотни, весь его облик напоминал благородного странника, чей путь был усеян отнюдь не грабежами, убийствами и насилием.

Однако это был всё тот же человек, которого она когда-то полюбила и продолжала мечтать о нём всё это время. Они не были чужими друг другу, и в этот миг оба также чувствовали незабываемое, согревающее душу единство. Но встретить его здесь и сейчас было за пределами её ожиданий и мечтаний... это событие вызвало в ней некий надлом. В один короткий миг стена, которую она так старательно выстраивала между миром её грёз и явью, стала рушиться.

— Нет, нет, нет... — быстро заговорила Аула, привалившись спиной к прохладной стене и зажмурив глаза. — Это сон... этого не может быть наяву. Я не верю!

— А ты такая же как прежде, Аула Ора, — со вздохом ответил Этт, приближаясь к ней. — Всё так же чего-то боишься и не веришь очевидному. Точнее, не хочешь поверить

своим глазам. Почему?

— Потому что это так неожиданно... твоё появление... я думала, ты забыл обо мне, ты ведь ни разу не прислал мне ни весточки! А я ждала... но потом перестала ждать и смирилась с этой потерей.

— Значит, теперь пришла пора смириться с находкой. Присядем и поговорим спокойно, надеюсь, у тебя хватит силы духа меня выслушать.

Он снял с себя накидку и постелил поверх находившейся около них деревянной скамьи ворсом наружу, после чего снял надоевшие перчатки и, взяв девушку за руку выше локтя, усадил её рядом с собой. После чего посмотрел на неё долго и очень внимательно.

— Ты вся дрожишь, — заметил он. — Почему?

— Я ужасно волнуюсь и не могу усидеть на месте, — призналась Аула. — Что мне нужно сделать, чтобы спокойно тебя выслушать?

— Успокойся. Я вижу твоё волнение и то, что твоё сердце стучит как заведённый трамплер. Если хочешь, я помогу... и тогда поговорим спокойно.

— Не надо, Этт... расскажи мне так, почему ты здесь? Ты не стал учёным жрецом?

— Не стал. И вот по какой причине.

И он подробно рассказал Ауле всё, что с ним происходило после того, как та покинула Лиерам. Девушка слушала внимательно, не перебивая, хотя время от времени открывала рот от удивления.

— Но зачем... — Аула перевела дух, когда Этт закончил говорить. — Зачем ты намеренно пожертвовал тем, что тебе было предназначено, можно сказать, с рождения? Ради чего ты пошёл на эту добровольную жертву? Она ведь была немалой... И чем ты занялся после?

— Я стал целителем и прорицателем и ещё овладел искусством магической защиты, но не какой-нибудь, а прибегая к высшим силам, правящим Мирозданием. Да, Аула, я многое потерял, отказавшись от карьеры учёного жреца, но обрёл несравненно большее. И ты знаешь, для чего. Вспомни свои сны.

— Сны?? — Аула вздрогнула. — Сны?..

— Да, — ответил Этт. — Сны, в которых мы были вместе и я помогал тебе в трудные моменты. Вспомни их все.

Она судорожно сглотнула слюну и вытерла выступивший на лбу пот.

— Я их помню... все до единого... но как ты можешь помнить мои сны? Это же мои собственные... фантазии и грёзы.

— Тогда, наверное, мы настолько близки духом, что видели общие сны. Но всё же мне кажется, те видения отличались от обычных грёз. Я не спал тогда... и намеренно приходил к тебе, оставляя своё тело покоиться на ложе сна. Я делал это, чтобы помочь тебе. Понимаешь?

— Н-не совсем... ты пугаешь меня, Этт, потому что говоришь странные вещи. И вообще, мне пора... может быть...

— Самообман, к несчастью, один из самых распространённых приёмов защиты, но, увы, не самых надёжных, — заключил он. — Мой внутренний голос и чутьё говорят мне, что ты всё понимаешь, Аула... и даже хорошо помнишь имена...

— Какие имена?

Терзаемая сомнениями и смутными предчувствиями какого-то совершенно невероятного и непостижимого открытия для её разума, и одновременно — страхом, что

вот-вот из глубин её подсознания вырвется то, что окончательно разрушит последний хрупкий барьер между двумя, казалось бы, несовместными мирами, она вскочила со скамьи с явным намерением как можно скорее покинуть это место и этого странного человека. В конце концов, это ведь мог быть даже вовсе не Этт Мор, а некто вовсе не столь безвредный, этакий мастер перевоплощений, который под маской Анавальда Риктуса носил ещё одну — Этта Мора. Однако тот так же быстро поднялся вслед за ней и не позволил уйти, обхватив её за талию и сомкнув руки у неё на животе. Аула охнула, но не стала вырываться, поскольку почувствовала себя в полной безопасности, а внутреннее чутьё ещё ни разу её не подводило. В случае же опасности она бы, даже не имея такой физической силы, чтобы разомкнуть кольцо рук взрослого, сильного мужчины, вызвала из недр своего существа иную силу, которая вмиг освободила бы её из этого плена. Однако ей вовсе уже не хотелось сбежать от этого человека, мало того, то, что он сделал, было для неё в высшей степени приятным.

— Куда ты? — спросил Этт с нежностью и некоторой грустью в голосе. — Что заставляет тебя бежать от меня — страх? Или неверие в то, что перед тобой действительно нахожусь я, а не кто-то, намеренно принявший моё обличье, чтобы причинить тебе вред? Признайся, Аула...

Она вновь охнула — на сей раз от того, что он озвучил все мысли, которые роились сейчас в её мозгу.

— Ты должна помнить имена Архонтов... повелители звёздных ветров... Этагор — южный и Эас — северный. Помнишь их?

— О да... одно из них ты называл мне только в одном из сновидений и даже предстал в образе... неужели это тоже не было простым сном?

— Увы, нет, дорогая. Иначе бы я этого не знал.

— Но это уже слишком...

— Прошу тебя, успокойся, — продолжал он. — Давай вернёмся вместе туда, откуда пришли, но только я не стану надевать пиратскую маску.

— Нет! Тебе не следует выдавать себя и подставлять меня. Все знают, что я помолвлена с капитаном звёздного флота с планеты Эрра.

На этот раз она попыталась вырваться из его хватки, поддавшись необъяснимому чувству — смеси страха, стыда и чувства, что бесцеремонно предаёт одного из значимых в её жизни людей и обманывает всех остальных, кто знает напрямую или наслышан о её помолвке с капитаном Вероисом.

— И ты готова пожертвовать тем, для чего ты сюда пришла — целым миром вокруг? Посмотри, какой он красивый, одно из лучших творений Верховного Разума...

— Да... с согласна насчёт мира, но всему остальному я не верю или могу поверить с большим трудом. И потом... отпустишь ты меня, наконец?

— А зачем? — наивно спросил тот. — Нам ведь и так неплохо.

— Ах так... ну я тебе покажу, Этт Мор...

Она принялась яростно царапать острыми ноготками его кисти рук и пальцы, так что тот дёрнулся от боли и разомкнул их. Воспользовавшись этим, Аула опрометью бросилась прочь, однако Этт настиг её и преградил дорогу — к счастью, не в людном месте.

— Ты не можешь уйти просто так, — сказал он. — Я не сказал всего...

— Неужели твоему уму ещё не ясно, что между нами ничего более быть не может? Я невеста и при этом не твоя. Что ты ещё хочешь мне сказать?

— Вспомни сон, в котором я говорил тебе про него... для чего это всё задумано.

Можешь мне не верить, но когда подует суровый ветер с северо-запада и грянет гром, неся тучи смертоносных стрел... некому будет остановить тех, кто хочет гибели этого мира. И всё только потому, что та, что призвана составить мне в этом компанию, оказалась пойманной в сети нелепых обстоятельств, будучи очарована никчёмным франтом с какой-то Эрры...

— Ты спятил! Или... о нет... Неужели всё это — суцая правда?!

Последняя преграда, отделявшая смертный разум Аулы от страшной истины, рухнула. Она отшатнулась от него и привалилась к стене, как будто та могла защитить её от падения в пропасть.

— Увы, да, — последовал ответ. — Я бы не хотел такой правды... ты можешь помочь, если захочешь, хотя твой путь не будет лёгким.

— Мне страшно, Этт... почему я? Почему не кто-то другой на моём месте?

Этт вздохнул и, очутившись рядом с ней у той же стены, обнял её.

— Моя маленькая ветренная богиня, пасующая перед испытаниями, боящаяся будущего и паникующая перед лицом неизвестности... увы, тебе нет замены ни в этом мире, ни в других, и поэтому тебе придётся сделать всё, чтобы воспитать в себе волевой характер, выдержку, бесстрашие и много чего ещё. Иначе ты никогда не научишься владеть собой и той силой, что в тебе заключена. И если не воспитать себя, тогда она тебя просто разрушит. Слава Владыке Мира и Богине Небесного Ока, что ты научилась взывать к этой силе, значит, достигнешь и другого. Я верю в тебя и готов тебе помогать в любой миг, если ты будешь со мной.

Она улыбнулась.

— Прости меня, Этт. Кажется, я начинаю понимать... Да... я не стану женой капитана Вероиса, ради тебя и целого мира. Только... не выдавай себя всем, я справлюсь с этим сама. Я не боюсь скандала, но не хочу втягивать туда тебя.

— Да... как скажешь. Я просто уйду через потайную дверь в стене, окружающей замок, и не буду никого беспокоить. И знай: мы обязательно встретимся тогда, когда пройдёт час, и с тех пор больше не будем разлучены. Либо я тебя найду, либо ты меня, если я окажусь не в состоянии сделать это сам. Жди, надейся и верь.

После чего он поцеловал её и скрылся в темноте.

С минуту Аула стояла, привалившись к стене и переваривая в мозгу всё произошедшее, затем бросилась по тропинке, освещённой фонарями, к людной площадке у парадного входа пансиона. Там было светло и весело, однако, обыскав всё пространство, она не нашла ни тени присутствия капитана Вероиса Сенама. Зато обнаружила на скамье брошенный новенький бароган, который приготовила ему в подарок, подобрала его и со вздохом сунула себе за пазуху.

— Где ты была? — раздался над самой её головой голос Геллы. — Мы тебя разыскиваем тут вместе со стражей...

— Зачем? — Аула улыбнулась. — Мне кажется, тот человек оказался замечательным собеседником, с которым можно поговорить о жизни.

— Какой ещё человек?

- Ах вот, значит, что... — присоединилась к ним Десса. — Ты удалилась с тем ряженым кавалером! Ну, знаешь ли... я сама собиралась разгадать эту загадку.

— Боюсь, Десса, ты бы её не разгадала, — ответила Аула. — Но неужели всё это имеет для вас какое-то значение?

— Да никакого, подумаете, какой-то ряженный тип... Лучше скажи, где твой капитан,

которого мы все тут ждём?

— Спросили бы что-нибудь полегче, — вставила Гелла. — Она сама не знает, где этот её капитан. И, сдаётся мне, наша подружка очень неплохо провела время с...

— Хватит! — вскипела Аула. — Я не допущу таких сплетен. Мы просто поговорили о жизни и о высоких материях, это оказался просто философ... понимаете?

— О даа... философы — они такие, лишь бы поболтать о высоких материях. Ни на что другое они не способны.

— И всё-таки, — упрямо заявила Десса, — его фигура показалась мне симпатичной, наверняка он молод, силен и не лишён обаяния. Хотя это уже не моё дело, он мне не принадлежит... наверняка я стану преподавателем танцев, потому то до сих пор не нашла себе подходящую партию для совместной жизни. А тебе, Аула Ора, желаю поскорее найти своего пропавшего жениха.

— О, благодарю, — ответила та с лёгкой усмешкой. — Но, может быть, довольно уже говорить о грустном. Давайте веселиться — всё-таки у нас выпускной, и до утра ещё далеко.

Вскоре дождались фейерверщиков, и через несколько минут всё вокруг утонуло в мириадах разноцветных огней.

И никто, даже те, кто был далёк от этих событий, не видел, как высоко над городом, подгоняемый северо-западным ветром, сиротливо кружил огромный чёрный ворон. И, тем более, никто не мог даже догадываться, что где-то далеко, на суровом северо-западном острове под названием Геспирон, склонилась над широким сосудом с водой женщина с золотисто-рыжими локонами. Увидев же в этом магическом «окне» радость воссоединения ненавистных ей душ и бессилие того, на кого она ещё недавно возлагала столь немалые надежды, Королева Тьмы в ярости сшибла сосуд со стойки и полновесно прокляла себя за то, что так не вовремя похоронила в морской пучине заветный Алхимический Кристалл.

Между тем праздник в мире ненавистных ей людей, созвучных с силами Добра, продолжался.